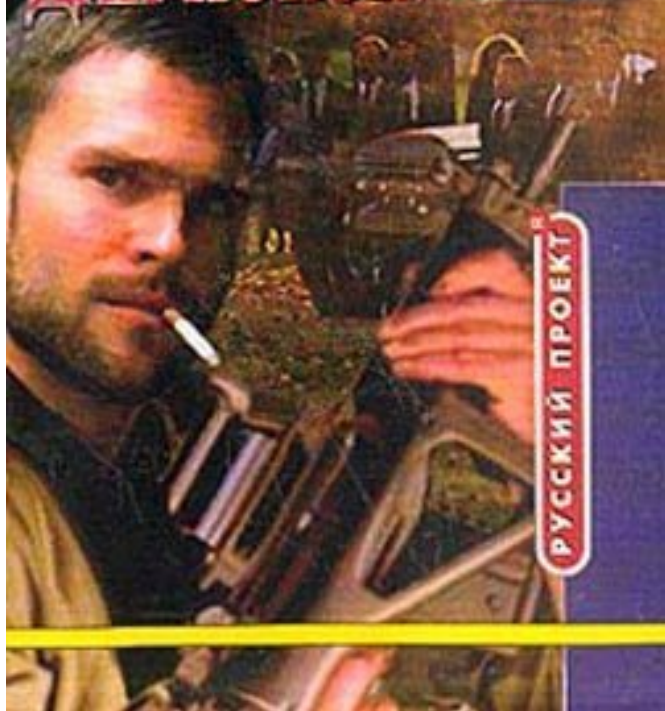

НИКАТА
ВОРОНОВ

САФАРИ
ДЛЯ ПОКОЙНИКА

РУССКИЙ ПРОЕКТ

Никита Воронов
Сафари для покойника
Серия «Виноградов», книга 2

OCR: Олез-FIXX (fixx10x@yandex.ru)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159998

Сафари для покойника: Нева, Олма-Пресс; СПб, Москва; 2003

ISBN 5-7654-2626-3, 5-224-03978-9

Аннотация

Во время служебной командировки на Северный Кавказ капитан Владимир Виноградов попадает в засаду и в перестрелке убивает одного из нападавших, оказавшегося его знакомым – бизнесменом из Санкт-Петербурга. При загадочных обстоятельствах труп бизнесмена исчезает, а после возвращения домой Виноградов узнает, что по официальной версии бизнесмен погиб в автокатастрофе во время отдыха на Кипре. Виноградов решает провести частное расследование...

Содержание

Пролог	4
Глава первая	10
Глава вторая	50
Глава третья	109
Глава четвертая	185
Глава пятая	247
Эпилог	310

Никита Воронов

Сафари для покойника

*Ничего подобного
в действительности не происходило.
Не могло произойти.
И, надеюсь, не произойдет.
Роман посвящается тем,
кто уже никогда его не прочитает, –
неважно, в каких окопах и во имя чего
погибли эти ребята.
Господь рассудит...*

Пролог

*Я знаю одно слово, страшное слово,
которое разрушит злые чары...
Это слово «убийство»,
и оно несет с собой освобождение,
чистое, как весенние цветы.*
Гилберт Кит Честертон

Жара... На подоконнике задыхается вентилятор.
– Хотелось бы все-таки объяснить!
– Извините, но мотивы меня абсолютно не интересуют.
– Но необходимо, чтобы вы поняли.
«Господи, – подумал Виноградов, – какие же они все оди-

наковые. Каждый пытается выглядеть рыцарем, борцом за идею... А внутри – дерьмо. И огромная куча больного тщеславия».

– Этот человек – он, в конце концов, просто символ! Тут нет абсолютно ничего личного. Все прогрессивное человечество...

Клиент всегда прав. Но в обязанности Владимира Александровича вовсе не входило выслушивание исповедей и политических манифестов. К тому же от этого пахло нестиранными носками.

Виноградов решил не церемониться:

– Вы располагаете достаточной суммой?

Это было все равно что спросить у прохожего, есть ли у него чувство юмора.

– Вам объяснили условия контракта?

– Да! – оскорбился клиент. – В общих чертах. Ваш... руководитель?.. Так вот, тот руководитель сказал, что я смогу его прочитать здесь. Если, конечно, мы с вами договоримся.

– Отчего же не договориться... Почитайте! – Он достал из папки экземпляр. – Одно изменение только, в пункте об оплате. Никаких безналичных расчетов, кредитных карт...

– Только «чернухой»?

– Кроме официальной стоимости тура – да! Там копейки... А остальное из рук в руки.

– Налоги? – понимающе осклабился клиент.

– Не только. Соображения конспирации в первую очередь.

Виноградов сделал вид, что ищет что-то в бумагах. Не объяснять же, что именно из-за мелкого прокола с «Мастер-кард» безвременно закончил жизнь и карьеру Полковник!

Теперь фирма страховалась и от этого...

– Какие гарантии вы даете? – Клиент положил было бумагу на столик, но Владимир Александрович тут же перехватил ее – такие документы из рук выпускать не полагалось.

– Гарантии чего?

– Ну... что все закончится без проблем.

– Если вы имеете в виду себя, то мы тоже заинтересованы, чтобы сафари закончилось благополучно. Четвертый параграф довольно подробно описывает степень нашей ответственности.

– Скажите, а вообще... были несчастные случаи?

– Меньше, чем на мотогонках. Или виндсерфинге! – Виноградов изобразил самую лучезарную из своих улыбок, но клиент оказался дотошный.

– А все-таки? Конкретно!

Можно было соврать, никто не проверит, но не хотелось.

– Погибли двое... нет, трое.

Да, третьим был тот парнишка, что шел с ними через границу в горах. Собеседник хмыкнул:

– Желательно бы свести вероятность к минимуму.

– У нас отличные профессионалы. Лучшее, что можно приобрести за деньги!

– Да не в деньгах дело...

– Тем более что если вы попадете в беду, нас привлекут за соучастие. Сами понимаете, мы не заинтересованы, чтобы клиент оказался в руках у соответствующих органов.

– Разрешите еще раз взглянуть?

– Пожалуйста! Только с собой забирать нельзя.

– А после подписания? Мой экземпляр?

– Он будет храниться у нотариуса. Там все в договоре сказано...

Собеседник снова прочитал текст.

– В принципе я согласен. Тут сказано... дайте-ка!., вот, про «таблицу коэффициентов». Это что такое?

– Речь идет о конкретной стоимости именно вашего тура. Есть базовая калькуляция, она умножается на коэффициенты. С учетом таких факторов, как регион, выбранный клиентом, степень обученности, вид оружия, наконец, уровень защищенности объекта. Сами понимаете, президента республики охраняют лучше, чем паровозного машиниста.

Посетитель еще раз пробежал глазами контракт.

– Ладно! Считайте, что я согласен.

Когда за клиентом закрылась дверь, Виноградов плюхнулся в кресло. Но неудачно – задел бедром и поморщился. Странно, шрамы на шее зажили быстрее, чем те, что внизу...

Да, заставить теперь себя равнодушно смотреть на собачек будет безумно сложно!

Дождь... Тогда только что кончился дождь.

Владимир Александрович открыл элегантный, больше похожий на микроволновую печь сейф. Это был суперсейф! Последнее слово техники. При несанкционированном проникновении он моментально превращал в молекулярный пепел все свое содержимое.

Сначала была извлечена бордовая папка с фамилией клиента. Просто так, с улицы в кабинет к Виноградову не попадали – потенциального клиента проверяли, как когда-то в застойные годы космонавтов и поваров для Кремля. Тут про человека в крокодиловых ботинках было все – даже то, что он про себя или не знал, или напрочь забыл. Но сейчас вникать в собранную информацию не хотелось: В папку лег текст контракта – и она нырнула в бронированную утробу.

Скоро начнутся новости... Владимир Александрович крутанулся в кресле, взял пульт и включил телевизор.

Во весь экран возникло изображение рослого, средних лет господина с седой шевелюрой. Он что-то весело говорил в протянутые со всех сторон микрофоны, улыбался, приветствуя многотысячную толпу...

Покойник... Интересно, будет минута молчания в Организации Объединенных Наций?

Седого сменил другой сюжет: страшные последствия взрыва воздушного лайнера. Полиция ищет «черный ящик»; мина, судя по всему, заложена при посадке в Каире... Среди погибших – известный своими антивоенными выступлениями экс-сенатор Быковски...

«Пока ни одна из экстремистских организаций не взяла на себя ответственность за совершенный террористический акт. По мнению компетентных лиц, в мире наблюдается устойчивая тенденция к увеличению подобных анонимных и не объяснимых с точки зрения политических или религиозных интересов убийств».

Виноградов пожал плечами – так уж и тенденция!

Ерунда, фирма никогда не гналась за дешевым и быстрым успехом... Когда-то, не так уж давно, Владимир Александрович испытал это на себе.

Помнится, первая очередь в тот день ушла куда-то высоко в сторону...

Глава первая

При малейшем сопротивлении они сорвутся и начнут карать. Потом они опомнятся, им сделается невыносимо стыдно, и, чтобы спасти свою совесть от этого стыда, они дружно примутся оправдывать самих себя друг перед другом, и в конце концов эту самую позорную страницу своей жизни они представят себе как самую героическую и, значит, изувечат свою психику на всю оставшуюся жизнь.

А. и Б. Стругацкие «Отягощенные злом»

Первая очередь ушла куда-то высоко в сторону. Вторая – плеснула веером под ногами, заставив отвыкшего от подобных забав Виноградова ринуться вслед за попутчиками в узкую щель капонира.

– Чего творят-то, а?

– Ну... война все-таки!

– Серьезно? – удивился Владимир Александрович. – Кто бы мог подумать!

– Извините. Это случайно, видимо. – Голос у молодого с родинкой на щеке капитана был виноватый. Будто это он сам там, в горных сумерках, выцелил зазевавшиеся фигурки и нажал на гашетку. – Я схожу разберусь?

– Куда? – Только сейчас Виноградов и капитан разгляде-

ли, что третий их спутник прижимает к подбородку нечто отдаленно похожее на давно не стиранный платок.

– Зацепило?

– Не, ерунда! Камешком... – Ротный, могучий мужик из бывших милиционеров, убрал тряпицу и потрогал не менее грязным пальцем коротенькую царапину. На всякий случай выругавшись, он переспросил: – Куда это?

– Проверю. Разберусь.

– Без тебя разберутся. Тоже мне... Фурманов. – Капитан был здесь вроде замполита и к шуточкам на эту тему вынужденно относился как к издержкам профессионального статуса. – Сиди ровно!

Подтверждая его уверенность, снаружи уже начали разбираться: сначала треснул испуганный автомат с четвертого поста, потом отозвались ребята снизу... Бронетранспортер выбил штатным крупнокалиберным пулеметом несколько гулких очередей, что-то рвануло на расстоянии – и уже ничего нельзя было различить в перестрелке, усиленной горным эхом.

– Та-ак... – Ротный поправил ремень, – Фурманов! Отведи Саныча обратно, пусть подождет, пока разберемся... А мы сходим поглядим, какая им вожжа под хвост попала.

– Пойдемте, – облегченно кивнул интеллигентный замполит и взял Виноградова под локоток.

– Только тихонько там... огородами! Понял?

– Доставлю в лучшем виде.

Офицеры прошмыгнули мимо открытой площадки, которая раз уже подставила их под пули. Теперь обошлось – вероятно, противнику было не до старых мишеней, к тому же видимость резко упала.

– Осторожнее!

– Спасибо. – Виноградов с трудом удерживал равновесие на узкой, противной, как местные змеи, тропе – и в конце концов все-таки оступился, выматерился отчаянно, отражая в многострадальных устойчивых оборотах русской речи собственный страх, боль от ушиба и абсолютное непонимание миротворческой роли таких же, как он, идиотов с погонями. – ...Перемать!

– Что случилось? Упали?

– Нет! Грибы ищу, – сплюнул Виноградов.

– Здесь мин раньше было полно. Еще когда военные базировались. Потом, конечно, разминировали, но... Держитесь все же за мной. По возможности шаг в шаг, хорошо?

– Куда уж лучше...

Командировка нравилась Владимиру Александровичу все меньше и меньше. И не то чтобы последние годы у него был сплошной курорт, но... Восстановившись в рядах родной рабоче-крестьянской милиции, Владимир Александрович честно и небезуспешно отпахал четырнадцать месяцев и неделю в уголовном розыске, копаясь в свежих трупах и попорченных временем агентурных делах. Потом без слез и скандалов перевелся в пресс-службу, обрел животик и май-

орские погоны, решив для себя раз и навсегда, что описывать чужие подвиги значительно интереснее, чем совершать их самому.

Все постепенно налаживалось... Даже материально – оклад плюс газетные гонорары, плюс кое-что за выступления на радио и питерском ТВ! Кроме того, Владимир Александрович поучаствовал в написании парочки нашумевших не только у нас, но и в далекой Норвегии сборников кроваво-криминальной публицистики, что также способствовало социальной и экономической стабилизации в масштабах отдельно взятой семьи Виноградовых.

Кавказ... Не думал, не гадал, никак не ожидал он... Просто – вызвали, начальник как раз в отпуске был, а с замами не сложилось: надлежит откомандировать в объединенную газету группировки федеральных войск и МВД в зоне известного всем конфликта одного сотрудника. Сроком на три месяца.

О семье, если что, Родина позаботится. Вопросы есть? Вопросов нет! Газета называется «Миротворец».

И вскоре вместо вечно перекопанной, но почти не протреливаемой Захарьевской, бывшей Каляева, Владимир Александрович уже осваивал улицу Ленина в пыльном и заштатном Вардино-Халкарске – триста метров туда и обратно между офицерской гостиницей и республиканским военкоматом, где редакции выделили аж четыре клетушки.

Коллектив, куда влился волею управления кадров Вино-

градов, был небольшой – всего человек восемь пишущих, в основном армейские журналисты, да сотрудники милицеских пресс-служб. Подразумевалось еще наличие нескольких военных разведчиков, числившихся за редакцией и решавших под этой крышей какие-то свои загадочные проблемы, но появлялись они редко, а о существовании некоторых вообще можно было только догадываться.

При Виноградове обошлось без потерь, да и раньше работу в редакции нельзя было сравнивать даже с самыми тихими блок-постами: только в самом начале, при вводе войск, подорвался на mine фоторепортер, да за месяц до приезда Виноградова ранили свои же бойцы капитана-москвича, возвращавшегося с церемонии сдачи двух кремневых ружей затюканным старостой равнинного села. Капитан, прикомандированный от внутренних войск, успел сдать в номер фанфарный материал и читал его уже на госпитальной койке: судя по тексту, боевики в районе напрочь лишились своих арсеналов, а фотографию коллеги вообще подмонтировали из боснийской хроники.

Владимир Александрович отвечал в редакции за освещение славных боевых будней ОМОНа, спецподразделений МВД и транспортной милиции. Это было естественно, так же естественно, как первая же инициатива его по прибытии на место – организация постоянной юридической рубрики «Ваш адвокат». По мысли Виноградова, газета должна была бы из номера в номер публиковать разнообразные норма-

тивные документы о льготах и компенсациях, положенных миротворцам в погонах и членам их семей... Предполагался и авторитетный профессиональный комментарий.

Худой, весь прокуренный редактор с хронической язвой и подполковничьими звездами по запарке подмахнул первый материал «Вашего адвоката», а потом ставил новичка в пример подчиненным за общественный резонанс и потоки читательских откликов... но недолго. Дня три, пока не побывал в штабе на ковре у первого зама командующего. Там ему популярно объяснили, что не время сейчас, когда Отечество в опасности... и что – шкурные интересы... и насчет дешевой популярности... тоже – «правозащитники»!

Словом, рубрика скончалась во младенчестве.

Виноградову было уже не семнадцать, и даже не двадцать пять. Поэтому, получив от шефа исчерпывающий, но непечатный отчет о визите к генералу, он только вздохнул, расписался в ведомости и пошел к вертолетчикам, где, естественно, и напился так, что похмельный синдром заглушил на некоторое время тягу к самокопанию.

А что бы вы хотели? Стучаться в закрытую дверь – занятие скучное и неблагодарное. Это не слишком опасно, но больно, особенно если стучаться головой...

Коллеги поняли, посочувствовали и с утра угостили добытым у съемочной группы Ти-би-эн безалкогольным пивом.

...Почему-то у Владимира Александровича все гадости происходили в жизни, что называется, под занавес. То в мо-

реходке прямо перед выпуском сперли сумку с написанным и отпечатанным дипломом. То под самый конец экспедиции в Карском море, когда уже сутки считали до порта, затонул пароход, еле выплыли! В Москве, опять же, накануне увольнения... Вот и теперь: последняя командировка на «точку», задание строк на триста – расписать положительный опыт существования питерских омовцев с местным населением.

Действительно, село здешнее с примыкающей к нему зеленкой, кусочком трассы и нависшими слева и справа горами уже который месяц числилось нейтральным. С тех пор как с глаз долой ушли отличившиеся в мартовских боях внутренние войска, а на смену им перебросили бывших виноградовских сослуживцев.

В первый же день бородатый, настороженный и плохо умытый командир местного отряда самообороны удостоил беседой прибывшего не с пустыми руками полковника Гуляева. С утра сам нанес ответный визит, по пути производя разведку и оценивая боеспособность северян... Стрелять с тех пор почти перестали, процветал натуральный обмен, и проблемы решались в рабочем порядке – по мере их поступления, так сказать. ОМОН досматривал проходящие по трассе автоколонны, изредка ввязываясь в проводившиеся в соседнем районе войсковые операции, и не лез в село. Местные же во главе с бородатым делали вид, что не пускают на контролируемую ими территорию боевиков, продавали Гуляе-

ву свежие овощи и не позволяли особо несдержанной молодежи резать русских, расположившихся в полуразрушенном комплексе древней, тридцатых еще годов машинно-тракторной станции. В конце концов, с точки зрения старейшин, делать это почти у порога собственных домов было неразумно – «непримиримые» всегда имели возможность отъехать за перевал, немножко повоевать в одном из многочисленных бандформирований, а затем вернуться на заслуженный отдых.

Сзади шумно возник обрадованный здоровяк автоматчик:

– Ух, еле догнал!

– А ты-то здесь зачем?

– Командир послал, на всякий случай.

Бежать за офицерами в полной выкладке, с рацией на боку и бронежилетом на пузе, да еще в одиночку... Не отсылать же его теперь обратно!

– Ладно... Идем дальше?

– Ага, – кивнул Виноградов. Томления замполита он понимал, но, в отличие от спутника, знал, что главное – не суетиться. Есть задание описать положительный опыт мирного сосуществования? Есть. Значит, будет такой материал, даже если в это время здесь начнут кидаться водородными бомбами.

Через пару минут спутники уже стояли на терраске, отделенной от базы ОМОНа пологим, покрытым стружьями мертвой растительности склоном. Пальба, которая уже при-

обрела некое подобие ленивой осмысленности, воспринималась отсюда, из-за скалы, как нечто абстрактное, не имеющее лично к ним никакого отношения: так обыватели наблюдают из занавешенного окна панельной многоэтажки пьяную драку молодежных компаний.

Свет в помещениях МТС предусмотрительно выключили, и только неестественно белые конусы дежурных прожекторов выхватывали из томительного пространства то горбатый валун у дороги, то дерево, то изуродованную минным подрывом еще в декабре боевую машину пехоты. Неожиданно луч накатил на Виноградова, и они почти одновременно прижали к глазам рукава камуфлированных ватников.

– Ох, етить твою!

– Да уж! Одна-ако...

И опять темнота заполнила все вокруг, но теперь она казалась еще плотнее и настороженнее. Глаза постепенно отходили от шока...

Хрюкнул динамик:

«Двести третий! Двести третий!»

И сразу же, обрывая позывные, грохнуло – снизу, от базы: контуры неуклюжих построек ожили, высветились белым пламенем пулеметного залпа. Выплеснув первую ярость, он рассыпался было на разноголосую дробь отдельных очередей, но уже через мгновение все огневые точки неразличимо вели каждая свою партию в тщательно отрепетированном хоре.

– Мать моя!..

Многократное эхо не позволяло определить, кем и откуда ведется ответная стрельба, казалось, испуганный лагерь отчаянно ощетинился сотнями вспышек и белыми иглами «трассеров».

Капитан, прижимая к уху черную пластиковую полусферу и пытаясь хоть что-нибудь разобрать, досадно махнул рукой:

– Не слышно ни черта!

Казалось, сейчас он потребует убавить звук.

– Да что там такое-то? – неизвестно к кому обращаясь, спросил Владимир Александрович.

Вместо ответа пальба неожиданно осеклась – только один неугомонный боец продолжал откуда-то с крыши столовой нарушать тишину безобидным чиханием своего «калаша».

– Двести третий... двести третий! Ответьте Граниту...

– На приеме двести третий! – выпалил наконец свои позывные замполит.

– Где находитесь?

– На подходе...

– Срочно на базу! Как поняли? Срочно на базу!

– Понял вас, понял... Что случилось-то?

– Срочно на базу!

«Гранит» – это были штатные позывные дежурного по отряду, и вместо привычной начальственной твердости сквозь шум помех однозначно улавливались нотки истерики.

– Гранит! Гранит! Что там у вас – атакуют, что ли?

Виноградов мысленно похвалил капитана – вопрос был не праздный; под горячую руку вполне можно было схлопотать пулю от своих.

– Двести третий, у нас потери... Срочно возвращайтесь!

– Что? Не понял, Гранит!

– Убиты...

– Кто убит, не понял! Повторите?

– Двести первый и двести второй! – выдавил наконец информацию дежурный.

– Чего – двести первый? – думая, что ослышался, переспросил капитана Владимир Александрович.

– Чего – двести первый? – вслед за ним прокричал в микрофон замполит.

Матерно, но отчетливо дежурный подтвердил, что они не ослышались.

– Да-а... блин!

Теперь замполит был за старшего: двести первым значился сам полковник Гуляев, а двести вторым, соответственно, его начальник штаба. Стала понятной истерика дежурного и его стремление как можно скорее переложить на кого-нибудь бремя ответственности за сводный отряд.

Незаданные вопросы толпились невидимым сгустком, но время для них еще не пришло.

– Понял вас, Гранит! Держитесь там... Скоро буду.

Стрелять, кажется, перестали, даже со стороны трассы не доносилось ни звука.

* * *

Двинулись не по склону – в обход: короткая дорога и раньше не пользовалась популярностью, а теперь относительно ровное пространство вокруг МТС было сплошь нашпиговано разнообразными минами – армейскими, бандитскими, вообще неизвестно чьими...

– Эй, кто там?

С лету уткнувшись в могучую спину спутника, майор даже не сразу понял, кто и кого окликает.

– Кто идет?

На этот раз голос замполита прозвучал настороженно. Автоматчик внушительно щелкнул предохранителем и присел. Пользуясь случаем, Виноградов оперся о камень, давая измученному организму короткую передышку. Он все равно ничего не слышал.

– Свои!

– Какие свои? – с облегчением выругался боец и шагнул навстречу невидимому обладателю среднерусского говорка.

Больше он ничего не успел: короткие, слившиеся в единое целое сполохи сначала высекли из темноты показавшийся неправдоподобно большим силуэт, а затем отшвырнули его прямо под ноги Виноградову. Звуки пришли с опозданием...

– Бля-а-а!

Чтобы испугаться, уже просто не осталось времени.

Слева, из-за камней, опустошал обойму капитан – виднелись только краешек погона и рука с пистолетом. Виноградов зачем-то передернул затвор, запоздало сообразив, что патрон уже был в патроннике.

– Мать их...

В трех шагах, чуть правее и выше, появилась фигура – скорее всего, нападавший решил обойти капитана, не догадываясь о существовании Владимира Александровича.

Как любили говаривать негры-убийцы из голливудских боевиков, в этом не было ничего личного: просто бедняга оказался не в том месте и не в то время... Виноградов два раза выстрелил, и убитый шумно скатился на тропку.

Капитан размахнулся и бросил гранату – куда-то подальше, на всякий случай, но не успело рассыпаться первое эхо, как с той стороны ответили тем же: оглушительный взрыв распустился фонтаном камней, никому не доставив особых неприятностей.

И – тишина.

– Эй, вы в порядке?

– Ага! – неожиданно мерзким фальцетом ответил Владимир Александрович. Застеснялся, прокашлялся, сплюнул.

– Посмотри там! – скомандовал замполит, и, кивнув непонятно кому, Виноградов уставился в сторону, где, скорее всего, затаилась опасность.

Капитан метнул себя к телу омовца, первым делом перехватил автомат, а затем, не особо миндальничая, отволок самого бойца под прикрытие валуна.

– Живой, слава Тебе Господи!

Обе пули принял на себя бронежилет: та, которая должна была разворотить сердце, застряла в пластинах, а вторая, правее, все же достала до ребер, утратив, однако, убойную силу. Контузило как следует: двойной удар – в грудь и затылком о камни... хорошо, если позвоночник цел.

Индивидуального пакета, конечно, в карманах ни у кого не оказалось.

– Чего там?

– Вроде тихо... – без уверенности доложил Виноградов. Все равно разглядеть ничего было нельзя, а в ушах гудело от какофонии скоротечного боя.

– Смотри-и!

– Может, убежали? – Верить в это Владимиру Александровичу хотелось нестерпимо.

Капитан не ответил. Пару раз тряхнув стянутую с плеча раненого переносную радиостанцию, он впервые на памяти Виноградова грязно выругался.

– Чего там?

– Накрылась...

Все было одно к одному... Противник возник неизвестно откуда и был сейчас неизвестно где. И, что хуже всего, мог готовить очередной тур «марлезонского балета»! Виногра-

дов припомнил, что первая обойма уже израсходована, да и во второй тоже...

– Покарауль, а? Слышишь?

Замполит вернулся на свой огневой рубеж: конечно, с «Калашниковым» и кучей боезапаса он чувствовал себя намного увереннее майора. Владимир Александрович торопливо, не разгибаясь, пробрался туда, где по его прикидкам должен был рухнуть убитый.

Натолкнувшись на то, что искал, он прежде всего убедился, что враг не опасен, и сунул в кобуру пистолет. Ощупал пространство вокруг – вот она! Длинная, непривычно удобная снайперская винтовка с прохладным прикладом у казенной части... Магазин небольшой, но должны же быть еще патроны?

Тщательно, снизу вверх Виноградов ощупал покойника: что-то гигиеническое с ампулами и бинтом, нож, фонарик... ага, вот тяжеленькие магазины – два, вороненые и плоские, скалящиеся с одного из торцов острыми зубками пуль! Никаких документов, только в наплечном кармане армейского камуфляжа комок разномастных купюр: рубли какие-то, доллары – сколько и чего, в темноте разбирать было некогда, да и незачем. Виноградов пихнул деньги обратно, стараясь быстрее отцепить их от клейких и ноющих пальцев: все-таки вляпался в кровь, прямо в теплую лужицу под мышкой.

«Чего уж там... бывает!» – мысленно попрощался с убитым Владимир Александрович и против воли посмотрел в

запрокинутое к небу лицо. До этого он старался не поднимать глаза дальше белой ключицы над тельником.

– Й-еб твою...

– Что такое?

А майор и не знал, что ответить...

* * *

С Валентином Батениным он познакомился в восемьдесят восьмом под самый Новый год. Позабылся уже Сумгаит, с мостовых Баку смыли кровь от осенних погромов, весь советский народ без приказа расплакавшегося Рыжкова слал в Спитак и Ленинанкан непрерывным потоком одежду, еду и медикаменты... а в горах озверелые бородачи поджигали в амбарах оставшееся население нищих азербайджанских сел.

Союз был крепок с виду, но жить ему оставалось недолго.

«Транспортника» Виноградова, отбывавшего первую свою, так сказать, кавказскую ссылку, поставили старшим над троицей ленинградских бедолаг милиционеров. И отправили сопровождать через две фронтовые границы огромный состав с колбасой и беженцами.

Войны здесь, конечно, никакой не было и быть не могло по определению. Официально... Только вот местному населению сообщить об этом не удосужились. Оно, понимаешь, местное население, очень любило пожрать и совсем не лщ-

би-ло беженцев, особенно соседней национальности.

И с оружием там тогда обстояло дело намного лучше, чем в рабоче-крестьянской транспортной милиции.

Словом, отбили их с некоторым опозданием доблестные десантники Псковской дивизии. С неба свалились – в прямом и переносном смыслах: взвод лейтенанта Батенина! Вертолеты, пулеметы, русский мат и запах трофейного коньяка.

Сопроводили до Нарашена, по пути познакомились. Лейтенант оказался из питерских, закончил «Рязанку» и почти год отмотал в ограниченном контингенте.

Как положено, выпили – благо, с этим делом у предусмотрительного Владимира Александровича проблем никогда не было. Виноградов позавидовал «Красной Звезде» молодого совсем земляка: тот без шуток поведал, как врезали им перед самым уже выводом из Афгана козлы-моджахеды... Еще выпили – за погибших, за Питер, за тех, кто в пути.

Расставались по-доброму, но за мешаниной событий и дат как-то почти сразу забыли друг друга... В Приднестровье они разминулись, когда капитан Батенин миротворствовал в Югославии – Виноградова посылали в Москву на танковую экскурсию к Белому дому. Так что встретились только случайно на Лиговском проспекте уже в девяносто первом.

Батенин, по прозвищу Батя, больше не служил Отечеству, решив немного поработать на себя. Катался на новенькой «вольво», дружил с городским головой и вопросы решал «по понятиям». Словом, пользуясь терминологией нового вре-

мени, «круто встал»!

А потом – круто сел... То есть это сначала казалось, что круто: пресса, телевидение, депутаты. Букет статей Уголовного кодекса, даже две подрасстрельных! Пессимисты предсказывали лет пятнадцать, оптимисты – восемь с досрочным освобождением. Реалисты прогнозов не делали и оказались правы: получил Батя два года символических при отсрочке, естественно, приговора. С учетом славного боевого прошлого и личности подсудимого, а также ввиду осознания частью особо настойчивых потерпевших своей полной неправоты.

По слухам, недавний десантник и узник «Крестов» после выхода на свободу остепенился, ворочал большими деньгами и всяческого криминала не выносил, как черт лада-на. Спонсировал юношескую филармонию и военно-спортивный клуб, женился удачно, вступил в какую-то партию...

Когда Виноградов прихватил со стволом одного из проживавших на территории отделения Батиных бойцов, Валентин даже связываться не стал. Поручил заместителям... И, узнав про неправильное поведение вредного опера, никаких неприятностей ему не устроил.

Все-таки братство под пулями не забывается... Тем более что дело тогда прекратили за отсутствием состава преступления! А майор Виноградов перевелся в пресс-службу...

– Что такое?

– Слушай, я тут:... знакомого завалил. – Опрокинутое лицо покойника, покрытое свежей щетиной, заострилось. Ба-

тенин был не похож на себя живого, но это был он. Майор вытер зачем-то пальцы с начавшей уже подсыхать кровью о плотную ткань камуфляжа. – Погляди!

– Чего? Не понял, чего там?

Виноградов собрался ответить, но воздух вокруг разорвали тысячи огненных бликов. Глаза на секунду ослепли, и, втиснувшись в крохотную ложбинку, он чувствовал кожей, как очереди прошивают укрывавший Владимира Александровича валун.

Стреляли откуда-то сверху, почти со спины.

– Назад! Отходи, слышишь? Ты жив?

– Вроде бы. – Владимир Александрович непонятным прыжком одолел пробиваемое пространство и рухнул поблизости от замполита. – Во!

Замполит хотел было похвалить майора за трофейную огнестрельную единицу, но не успел: тот, кто сидел на камнях с пулеметом, вконец потерял чувство меры. Казалось, что результат его не интересует, что перед стрелком поставлена задача полностью израсходовать имеющийся боезапас. Очередь следовача за очередью, и в короткие промежутки Виноградов и капитан лишь пытались не прозевать опасного приближения нападающих.

Неожиданно в уши ударила тишина.

– Александрыч?

– Тут я...

– Это хорошо.

Звуки собственного голоса, конечно, демаскировали, но молчать было еще страшнее.

– Смотри, не высовывайся... Может, опять полезут.

– Ты тоже не зевай!

Заныли напрягшиеся барабанные перепонки. Разбуженный дракой инстинкт помогал выделять среди ночных шумов те, что могут представлять опасность.

Владимир Александрович попытался узнать время, но циферблат лишь матово темнел на фоне торчащего из рукава запястья.

Разглядеть, как раскинулись стрелки, было невозможно.

– Эй, комиссар, – еле слышно позвал Виноградов.

– Ну?

– Командуй! – Владимиру Александровичу почему-то казалось, что теперь они на тропе одни.

– Двигаться надо... Пойти проверить.

– Ага, – вздохнул Виноградов. Идти предстояло ему, это было естественно и разумно.

Но не хотелось.

– Сколько времени? – поинтересовался он.

– Двенадцатый час. Шесть минут... – будто извиняясь, откликнулся капитан.

– Засиде-елись...

«Как она хоть работает-то, – подумал Владимир Александрович, перехватывая поудобнее винтовку. – Это вроде предохранитель...»

– Мать честная!

– Чего там?

– Штучка-то моя... с инфракрасным прицелом! Дай-ка секундочку огляжусь. – Он приткнулся к окуляру; резиновый ротик, утративший уже тепло предыдущего владельца, мягко обнял пространство вокруг правого глаза. – Ну-ка, ну-ка...

Через хитрую оптику мир смотрелся еще нереальнее, чем наяву. Виноградов ощупывал взглядом окрестные камни, чувствуя, как с каждым движением вырастает в нем ощущение собственной неуязвимости. Впрочем, Батенин, наверное, думал так же. До...

Винтовка чуть дрогнула, и с некоторым опозданием Виноградов услышал им же произведенный хлопок – мягкий и не похожий на выстрел.

– Чего, Саныч?

– Ничего, извини! – Владимир Александрович и сам не заметил, как нажал пальцем на спусковой крючок. – Трофей проверил.

– Понял.

Да, это оружие любило и умело убивать...

– Прикрой, если что! Пока...

– Осторожнее... Давай!

Виноградов подумал, выбираясь из-за камня, что, если его убьют, капитану тоже придется несладко – одному, ночью... Хотя это, конечно, лучше, чем трупное разложение.

Владимиру Александровичу уже было далеко за тридцать,

он никогда не служил в армии, и контрольные нормативы ему обычно ставили хлопцы из кадров за сахар к чаю или свежий анекдот. Поэтому то, что выделявал майор на горной тропке, мало походило на кадры из учебных фильмов о спецназе...

...В непосредственной близости никого не оказалось.

Ни живых, ни даже, что удивительно, мертвых: Виноградов даже для верности ощупал то место, где совсем недавно обнаружил Батенина.

Он продвинулся метров на сто. Вернулся.

– Все в порядке, комиссар! Это я.

– Правильно, – одобрил капитан. Он уже между делом распаковал раненого, сняв с него переднюю поврежденную часть бронежилета. – Тащить придется...

– Живой?

– Пока да.

– Слышь! А они своего унесли, которого я завалил.

– Ну оружие-то остаюсь... Нарисуем представление в лучшем виде!

– «Считай, Тихон, себя уже с медалью!» – процитировал всем известное Виноградов, и оба офицера расхохотались – нервно и коротко.

Лампочка – крупная, яркая, упакованная за неимением абажура в потертый газетный кулек, мелко подрагивала на шнуре. Там, снаружи, за путаницей коридоров и стенами из кирпича на подсвеченной специальным устройством площадке хозяйничали вертолетчики.

Окон в ружейке, естественно, не полагалось, но Виноградов и так представлял: один за другим опускаются с неба «борта», пригибая к земле встречающих, за секунды наружу высеивается новая дюжина торопливых навьюченных всякой всячиной фигурок какие-то ящики, трубы, мешки... Облегчившись, отталкивается вертолет напружиненными колесами от асфальта, в незапамятные времена заставленного ремонтируемыми тракторами и комбайнами, отваливает в сторону, вверх, уступая кусочек пространства другому.

Там, снаружи, было сейчас очень шумно.

Здесь – нет. Разве только если очень прислушиваться.

Здесь пахло куриным концентратом, промасленной ветошью и немножечко тальком.

Никто не курил...

– Распишись. Вот тут! Тут тоже...»

У старшины были красные от недосыпа глаза, смешная фамилия и орден «За личное мужество».

– Хорошая вещь. Я таких не видел. – Старшина аккурат-

но, но крепко перехватил принесенную Виноградовым винтовку: так обращаются с оружием люди привычные, знающие цену. – Ну-ка, мы ее на почетное место...

Лязгнув запором, он отворил тяжелую металлическую дверь сейфа. Поставил винтовку прикладом на дно, так, чтобы не повредить невзначай оптику. Рядом, в отдельной ячейке, пристроил обоймы.

– Все?

– Все! – Они со старшиной были давними приятелями, но не рассказывать же ему, что один-единственный значенный от государства патрончик сейчас греется в тесном кармашке на груди, рядом с бумажником и ксивой.

Каждый, в конце концов, имеет право на сувениры.

– Поздравляю...

Виноградов уже успел поведать, что к чему, и старшина, покончив с формальностями, предложил:

– Примешь?

– Наливай! – Собственно, это было как нельзя кстати.

– В целях медицины...

Хозяин прошел мимо длинного ряда окрашенных по-корабельному железных шкафов – через соответствующие проушины кокетливо свисали на веревочках пластилиновые печати. Порывшись под штабелем бронезилетов, он на какое-то время исчез в лабиринте заваленных разнообразной амуницией стеллажей.

– Ага! – торжествующе донеслось оттуда, и старшина про-

тиснулся обратно, по пути задев ногой пирамиду бывавших в употреблении резиновых дубинок. – Черт, коз-злы...

На газете возникли бутылка «Московской» кизлярского разлива, стаканы, нож и три корочки хлеба. Подумав, хозяин присовокупил к натюрморту помятую банку, оказавшуюся при вскрытии скумбрией в собственном соку.

Водка была гнусная, так что порцию свою майор одолел с напряжением, в три приема. И набросился на консервы.

– Спасибо... ух!

– Давай рубай – не стесняйся. Потом там вон в углу накидаем шмоток, и спи себе, пока то-се. Утром разбужу, когда наряды придут со смены.

– Думаешь, будут разоружаться? Как обычно?

– Не знаю. Посмотрим... Хорошо бы!

В это верилось слабо. Размеренные будни кончились, опять начиналась война.

– Когда вам заменяться?

– Должны через одиннадцать дней.

– Да-а... Гуляева жалко. Мужик был стоящий.

– Да и Михалыч тоже...

– Я его не застал. Он позже перевелся.

– Да, дела... – Оба подумали, что дай Боже, если все ограничится только двумя погибшими. В осенних боях за неделю отряд потерял столько же, сколько за всю историю борьбы с доморощенными рэкетирами и самолетным террором.

– Идти надо. Доложить на всякий случай. Чтоб не ис-

кали!

– Тоже верно. Зажуй, на! – Старшина протянул четвертинку луковицы.

– Спасибо. Кстати! – Владимир Александрович почти привел себя и форму в порядок. – Кстати... У меня в «макаре» меньше чем пол-обоймы осталось. Выручишь?

– Господи, какие могут быть вопросы... Давай не задерживайся! И не дыши там особо. Хотя, собственно, ты теперь человек большой, начальству нашему не подчиняешься...

...Прежде чем попасть в помещение штаба, Владимир Александрович выслушал версию гибели Гуляева.

– Когда насчет пальбы на трассе доложили, командир, конечно, с замом наружу вылез – резерв отправить, распорядиться, что куда. – Дежурный связист темпераментно сплюнул и покосился на дверь, отделявшую личный состав от прибывшего руководства. – Как водится, словом... И – бац, бац! Никто, бля, понять ничего не успел: оба рухнули моментом. Шум-гам, машины ревут, мы, конечно, ответный огонь открыли...

Из-за тоненькой стенки раздался командирский рев:

– Я сказал – врезать им, ясно?! Ты понял, блин, как тебя? Наших тут, мать-перемать, стреляют, как зайцев... Делай!

Безносова в регионе знала каждая собака: герой, скандалист и отец солдатам. Глупых потерь у него не было, хотя полком затыкали все дыры-смоменты вторжения. Разумеется, не обошлось без легенд: и про то, как мародеров лично

расстреливал, и насчет министра обороны, которому Звезду Героя в морду кинул... Во всяком случае бригаду ему дали только недавно.

– Это кого так?

– Летчиков. Опять связались, просят подтверждения, – прокомментировал, по обычаю, лучше всех осведомленный связист.

– Бомбить станут?

– Обяз-зательно! – кровожадно усмехнулся десантник.

Владимир Александрович представил себе, как за перевалом появляются несколько «сушек», разворачиваются, пере-страиваются поудобнее и с космическим ревом обрушивают силу своих ракет и пушек на четко очерченные приборами сельские улицы. Грохот, пламя, смерть...

– Вы авиация или говно?! – прорычал из-за стенки полковник. – Мир-ро-твор-рцы...

В его исполнении это прозвучало куда оскорбительнее, чем матерное ругательство.

– Не, я, пожалуй, сейчас к нему не пойду...

– И правильно! Целее будете, товарищ майор.

Очевидно, откуда-нибудь из Гималаев все это смотрится как игровая суперкассета с «Денди» или «Сегой»: петляют по лабиринтам крохотные танки, кто-то стреляет, кто-то ко-го-то разносит в куски, наступая на минное поле, исчезают мосты, города, государства, и зловеще хохочут нестрашные монстры... А чего волноваться? У каждого по десятку «жиз-

ней», если же надоест, просто выключи телевизор.

Виноградов перекрестился и пошел спать.

* * *

И никаких тебе кошмаров...

– Эй, Саньч! Войну проспидь.

– О-ох... – Виноградов хотел ответить, что это было бы, в сущности, неплохо, но язык не ворочался. Немножко ныла голова, и ноги, одна расцарапанная, а другая потертая, напоминали о вчерашних приключениях на свежем воздухе.

Хотя в целом организм функционировал.

Владимир Александрович поскреб не мытую с прошлой пятницы макушку и приоткрыл один глаз.

– Уже утро?

– Ага! – подтвердил старшина с превосходством уже опохмелившегося человека. – Утро, так сказать, стрелецкой казни. Холст, масло... Художник Безносос-Закавказский.

– Водички бы?

– Имеем чего покрепче... не желаете?

– Нет, любезный, на фиг!

В соответствии с рекомендациями лучших собаководов... диетологов, прием пищи Виноградов начал со стакана холодной кипяченой воды. Затем, несколько оживившись, проследовал в отрядную столовую, где получил миску пшенной ка-

ши с маслом и средней паршивости чай. Доедая в компании разговорчивых милиционеров положенную порцию, он попытался представить себе еще раз череду событий прошедшей ночи, но картинка получилась немного стертой, утраченной цвет и то, что называют эмоциональным наполнением. Даже мертвый Батенин мелькнул запрокинутым подбородком, тревожа не более, чем какой-нибудь персонаж голливудской премьеры.

– Что там новенького?

– Оцепили, говорят, село. Блокировали...

Тема собеседников интересовала, и они не прочь были поделиться информацией с посторонним майором.

– Слышали, товарищ майор? Говорят, того снайпера взяли, который наших подстрелил.

– Да ну? Живой? – сделал удивленное лицо Владимир Александрович. Его всегда интересовало прихотливое и непредсказуемое функционирование «солдатского телеграфа»: бывали слухи далее достовернее официальных источников, но чаще всего они напоминали метеопрогноз в изложении Нострадамуса.

– Был живой!

– К двум танкам привязали – и тю-тю! В клочья.

– Да-а...

– Вы сейчас с нами? – поинтересовались милиционеры.

– А почему нет?

Это была последняя партия, отправлявшаяся на трассу с

базы, – и меньше чем через час Виноградов уже спрыгивал с брони:

– Приветствую!

– Ага, приехал, – кивнул, пожимая руку, замполит. – С добрым утром!

– Здорово! Seriously тут у вас.

По пути Виноградов со спутниками миновали продвигавшуюся по трассе колонну тяжелых танков. Чуть в сторонке, за брошенной мельницей, притаилась позиция «Градов», ближе к мосту торопливо выравнивали задранные хоботки стволов боевые машины десанта.

– Понагна-али...

Вообще народу вокруг села копошилось множество – и пехота внутренних войск, и армейцы, и «парашютисты»... Воздух, по-утреннему прозрачный, пахивал сизым дымком отработанного топлива, повсюду мелькали береты различных цветов: краповые, голубые, черные. Помчался, выделяясь асфальтовым камуфляжем и вязаными шапочками-презервативами, питерский СОБР – специальный отряд быстрого реагирования, личная охрана генерала.

Федеральные силы готовились к драке.

– А что эти? – Владимир Александрович показал на темнеющие вдаль очертания сельской окраины. Чувствовалось, что летчики потрудились, – два черных клуба, один помощнее, другой совсем уже истончившийся, уходили в небо откуда-то из района жилых построек.

– Приезжал их главарь с муллой... Глянь!

Виноградов принял из лапищи ротного бинокль и подстроил его, крутанув колесико. Сначала в поле зрения оказались развалины уничтоженного прямым попаданием ракеты поста ГАИ, в новое время служившего укрепленной огневой точкой отряда самообороны. Затем Владимир Александрович увидел «уазик», нырнувший за каменную ограду.

– Ага, понял. Ну и что?

– Приехали, уверяли, что это не их рук дело. Что чужие, не местные.

– Может, не врут?

– Кто его знает! Безносому по фигу. Сказал, что если не могут порядок обеспечить – пусть разоружаются. Время – до полудня, двенадцати ноль-ноль. Никаких нейтральных зон: сдать оружие, обеспечить ввод и размещение гарнизона. Всех, кто сейчас в селе и не местный, – на фильтрационные пункты...

– Верно! Давно пора, – кивнул оказавшийся рядом офицер.

– А если не согласятся? – На часах уже было столько, что выполнить условия ультиматума можно было только чудом.

– Безносов сюда не кофейничать прислан... Тем более ему лампасы скоро получать.

– А твоя задача?

– Слава Богу! Обеспечиваем оцепление, перекрываем возможные пути отхода... Потом – разборки с задержанными.

ми.

– С пленными...

– Если они будут.

...Ровно в одну минуту первого над объектом появились самолеты. Наверное, это были «Су-27», а может быть, и нет – Виноградов встречал их красивые, хищные силуэты практически в каждой «горячей точке», куда заносила его судьба, но как-то все не удосуживался уточнить у людей сведущих.

Впрочем, значения это не имело.

Задрожала земля и продолжала вибрировать еще некоторое время после того, как ушли, развернувшись открытым бутонем, реактивные штурмовики.

Почти сразу же свист и шелест наполнили воздух, воплотились на виду у Виноградова в пламенный смерч – заработали «Грады». Что творилось сейчас там, куда падали снаряды, он даже не хотел представлять...

Незаметно, как будто сами по себе, двинулись колонны. Владимир Александрович упустил отданную по радио команду и теперь, стараясь увидеть как можно больше, залез на поросший лишайником валун, рядом с собой обнаружив и замполита, и ротного.

– Господи, пронеси...

Наступали по трем направлениям, две колонны достигли окраинных развалин, и только та, что двигалась параллельно трассе, отстала: на глазах у резерва передняя бронемашина споткнулась, замерла и осела. Из-под нее потянулся дымок,

все густея, закопошились фигурки...

– Мина!

– Смотри, Саныч, во сука!

В окошке осыпавшегося после налета стандартного, блочной постройки барака ярко, так, что даже без оптики различался, пульсировал огонек. Кто-то прицельными длинными очередями выкашивал десантников, занимавших уже пост ГАИ. Бойцы кучились под броней, залегали, отстреливались, но...

– Сейчас, сейчас, – подбадривал их Виноградов, пока сразу несколько выпущенных отовсюду гранат не заставили пулеметчика замолчать.

– Нор-рмально!

Подразделения Безносова, за исключением того, что напоролось на минное поле, уже втянулись на улочки села. Неудачники двинулись влево, меняя маршрут, а второй эшелон, ожидавший команды, доложил Первому о готовности.

В этот момент, тишина которого нарушалась лишь рокотом двигателей и далеким потрескиванием автоматов, захрипела радиостанция. На волне федеральных сил густой бас с ярко выраженным кавказским акцентом потребовал:

– Прекратите стрельбу! Прекратите стрельбу! – Потом, чуть помешкав, добавил: – Генерал Безносов, прекратите стрельбу! Мы сдаемся... Повторяю: мы сдаемся ради мирных жителей.

– Теперь наша работа, – потер переносицу мрачно настро-

енный капитан. Ему, как командиру сводного отряда МВД, предстояла вторая фаза операции. – Схожу-ка получу дополнительные указания... И с победой поздравлю.

– Прекратите огонь, остановите солдат... Мы сдаем оружие! – Это было последнее, что услышал из уносимой радиостанции Виноградов.

Остаться на камне было глупо, идти некуда.

Виноградов достал из кармана обломок печенья и неторопливо куснул его, ощущая приятную твердость зубов.

В конце концов, война есть война. Не мы первые...

Сначала прочесывали не спеша, обстоятельно, потом, по мере приближения к площади, стали уставать и халтурить. Так, что группа прикрытия даже нашла в одном доме забытый в шкафу автомат, а из полуподвала достали сидевшего там мужичонку. Дом, конечно, сожгли огнеметом, пленного покалечили, а личному составу, позволившему себе прокол, замполит пригрозил по рации дисциплинарным взысканием. Устно при встрече он объявил разгильдяям, что в следующий раз будет иметь их в такой извращенной форме, что даже доктор Щеглов содрогнется...

В целом, однако, все пока шло без досадных недоразумений. На площадь сводили и стаскивали мужнин, дети и женщины тянулись сами и стояли теперь молчаливой толпой поодаль, рядом с памятником Ленину, нервируя охрану и вздрагивая при каждом взрыве.

– Документы! – Увесистый собровец выплюнул окурок и

пасмурно глянул на очередного задержанного.

– Дома остались.

– Понял. – Он сидел прямо на крыльце бывшего сельсовета, расставив колени и примостив между ними автомат калибра девять миллиметров. – Налево!

Стоявший рядом с бородачом прапорщик лениво опрокинул задержанного на землю, ударил прикладом и поволок куда приказано. Коротко вскрикнула женщина.

Тех, кто отстреливался, убивали сразу. Остальных делили на две неравные части – общую и подозрительную, подлежащую конвоированию в лагерь. Деление, впрочем, сугубо условное... Это называлось «первичная фильтрация».

На крыльчке рядом со спецназовцем стопкой лежали различные документы: водительские удостоверения, паспорта, даже один партийный билет.

Памятуя о профессиональном долге, Владимир Александрович сделал несколько фотоснимков казенным «Кодаком», а кроме того, с разрешения капитана прихватил на память хорошей старинной работы кинжал. В коллекцию...

Ветер переменился, и от горящих домов потянуло дымом.

– Не любят нас здесь, – сокрушенно качнул подбородком верзила с крыльца. – Станный народ!

И не ясно было, то ли он дурак, то ли это просто юмор такой – солдатский. На всякий случай Виноградов хмыкнул.

– А где нас любят? – после некоторой паузы поинтересовался он.

– Тоже верно, – кивнул спецназовец.

– Пойду я. К своим!

– Увидимся?

– Не знаю... Тут вроде шанс есть вместе с ранеными на «вертушке» до города.

– Торопишься?

– Да пора бы в редакцию. Подвиги описывать. Последний, думаю, очерк.

– Домой, что ли? В Питер?

– Хватит! Напрыгался...

– Письма прихватишь?

– Без проблем. Собирайте. – Виноградов махнул вслед уходящему с площади ротному и посмотрел на часы: – Только не очень...

– Да, верно, мы лучше вот что... – Спецназовец сообразил, что всех своих оповестить не успеет и могут возникнуть обиды. – Мы вот что... Постой, я черкану телефоны – отзовишься прямо по списку, что все нормально, так, мол, и так! Ладно, что я объясняю – ты же битый фраер, придумаешь, чего на уши навешать.

– Сделаем! – заверил Виноградов.

Дышать стало совсем неважно – черная копоть, смрадная и тяжелая, горячими волнами перекачивалась через развалины. Село горело, тушить его было некому.

Женщины, сбившиеся в кучу, упрятывали лица в платки, прижимали детей к животам, закрывали их и не говорили

ни слова. Мужчины – те, кто пришел уже в себя или не был избит до потери сознания, – сидели на корточках и изредка терли слезящиеся глаза. Они тоже молчали, молчал и конвой – больше дюжины автоматчиков с нашивками внутренних войск на плече.

– Интересно, что они сейчас думают? – вытер щеку ладонью Владимир Александрович. – О нас...

– Хочешь, я прикажу, спросим. Любого, на выбор? – ослабился спецназовец и странновато посмотрел на майора.

– Нет, спасибо! Написал?

– Да, готово. – Листок был тетрадный, оборванный, так что свободного от цифр и имен места практически не оставалось.

– А твои где?

– Вон... Домашний, рабочий...

– Слушай, а можно, я тебя в очерк вставлю? Положительно?

Земляк кивнул.

– Ради Аллаха! Но если не понравится... смотри, встречу в Питере – голову оторву. – Он выдержал паузу и добавил:

– Шутка!

– Я понял, – серьезно ответил Виноградов. Сложил листок вчетверо и спрятал его в карман.

Из-за руин углового здания выкатился БТР. Лязгая, осадил перед пленными. В пыль, как с коня, соскочил с брони парень в заломленном на ухо грязном краповом берете:

– Здорово, мужики! Принимай еще одного, командир.

Только сейчас Виноградов заметил нечто отдаленно напоминающее человеческое тело: руки, сцепленные канатом, бесформенный шар без лица, клочья черной от крови одежды. Видимо, человека, привязанного за боевой машиной, волокли через все село. И дороги не выбирали...

– Ну вы... вообще! Чего я тут фильтровать буду? – возмутился виноградовский собеседник.

– Он, сучонок, головного моего из «мухи» подпалил, так двое насмерть сразу... Леха и Саня! Потом, пока вы курили, еще бойца зацепил, слава Богу, затвор перекосило. – «Краповый» не то чтобы оправдывался, он просто докладывал, что к чему.

– Что, сразу на месте кончить не могли? Гуманисты...

– Сам ты... – хотел обидеться здоровяк, но плеснула над ухом короткая очередь: – Стоять! Стоять, сука!

– На землю! Мать вашу...

– Бля, я кому сказал!

Теперь уже врезал из автомата спецназовец – над самыми головами.

– Назад! Не двигаться!

Виноградов не мог толком видеть, что происходит, – колеса и крашенный бок бронетранспортера загораживали обзор. Он только понял, что женщины, разглядевшие то, что осталось от их односельчанина, бросились, смяв оцепление автоматчиков, к телу...

– Муд-дак! – сплюнул под ноги «краповому» подполковник с крылатым грифоном на черной нашивке. – Мальчишка...

Появился он уже после того, как на площади был восстановлен относительный порядок: все трупы – два женских, мужской и ребенка лет четырех – удалось загрузить и отправить с оказией до мечети, задержанных отфильтровали и спрятали в более-менее огороженное пространство, а остальные, кто мог, рассеялись сами – спасти догорающее имущество и собственные жизни. Раненого солдата внутренних войск перевязали на месте и пообещали сгноить в дисбате, если кому-нибудь когда-нибудь...

Здоровенный разведчик стоял перед старшим по званию, виновато вздыхая и вглядываясь в разбитые носищи десантных ботинок.

– А чего? Так получилось...

– Молчи уж! Головорез.

– А чего? Он же Леху! И Саню... Ранил потом одного...

– Пошел отсюда – бе-е-гом! Чтоб я тебя не видел до возвращения.

Разобравшись со вверенным личным составом, подполковник решил побеседовать с собровцем. Подошел к крылечку, жестом разрешил не вставать.

– Ну? Что скажете?

Недавний собеседник Виноградова пожал плечами:

– Бывает... Мудак, одно слово.

– Ну вы же понимаете...

– Понимаю. – Что такое терять сослуживцев, офицер специального отряда бы строго реагирования РУОП знал. Поэтому успокоил: – Я ничего не видел. Бумаги я составлял. На соседней улице.

– Спасибо! – с чувством пожал ему руку подполковник. – А то сам знаешь, пацаны еще... А тот мент, который сейчас на грузовике уехал?

– Корреспондент, что ли?

– Кто-о-о?

Спецназовец сделал лицо идиота:

– Журналист. В газету пишет!

И только когда поток яростного, невыносимого конкретного казарменного мата немножечко поутих, насладившийся зрелищем собровоц констатировал:

– Да не волнуйтесь вы так... Не стоит! Этот парень в таком же дерьме. Как мы все – по уши... Он не опасен.

Глава вторая

Сегодня апаши предпочитают служить в полиции, а профессиональные воры – издавать газеты и заниматься политикой. Убивают и грабят только новички, провинциалы да мальчишки, получившие венерическую болезнь.

А. Толстой «Гиперболоид инженера Гарина», 1926

Кто в Питере не знает Евгения Наумовича?

Да никто не знает... толком.

Живет себе средней руки бизнесмен, производственник, седоватый, чуть старше пятидесяти. С бородой, похож на врача-дерматолога и как истинно русский еврей всем напиткам предпочитает водочку, которую редко когда откажется употребить – в хорошей, разумеется, компании.

А компания у Евгения Наумовича исключительно хорошая. Хотя и несколько пестроватая...

Виноградов сам, собственными ушами слышал, как с днем рождения поздравлял его нынешний заместитель начальника ГУВД, и даже не слишком удивился, столкнувшись прошлой осенью в дверях с самим Мишей Чехом – вторым лицом «поволжских», традиционно-злодейским персонажем криминальной хроники.

Вид у Миши был виноватый, но благодарный – как у дво-

ечника, счастливо миновавшего директорский кабинет родной школы.

При всем при том Евгений Наумович никаким «авторитетом», «крестным отцом» или даже «смотрящим» не являлся – он даже не сидел ни разу. И в органах не служил, и в Смольном не трудился...

Просто он умел дружить. И знал, с кем это делать.

Иногда у Виноградова создавалось впечатление, что ни одно мало-мальски значимое событие в северной столице без ведома и благословения Евгения Наумовича произойти не может.

Вот и сейчас, поздоровавшись и жестом указав на свободный от верхней одежды и мятых коробок стул, он вернулся к прерванному телефонному разговору:

– Спасибо, голубчик... Спасибо. Ува-ажили. Кстати! Перезвоните Анатолию Александровичу, вопрос с вашим переизбранием решен – положительно... Нет, что вы! Вам спасибо за самоотверженность. Чем больше у нас будет порядочных, достойных законодателей, тем... До свидания, всего доброго. Звоните!

Хозяин положил трубку, что-то пометил в копеечном календаре и подмигнул Виноградову:

– За рулем?

– Нет! – с готовностью отрапортовал Владимир Александрович: знакомы они были не первый год.

Евгений Наумович покопался где-то под столом, вытащил

емкость с наклейкой:

– Стопки достань, Володенька.

– По чуть-чуть?

– Конечно! Тяжелый день...

Бухгалтер ушла в магазины, водитель что-то куда-то повез на раздолбанном «каблучке» – они сидели одни в конторе на Комсомольской. По проспекту катили троллейбусы, противная морось загадила окна. Весна...

– С возвращением!

– Спасибо, Наумыч, Будь здоров!

Выпили. Выдохнули.

Вслед за гостем хозяин потянулся к тарелке с нарезанными огурцами, но вместо закуски схватился за трубку ожившего телефонного аппарата:

– Да, слушаю вас?

Что говорили на том конце линии, было не слышно, но на всякий случай воспитанный Виноградов жестом показал сначала на себя, потом на дверь – мол, может, выйти?

Евгений Наумович отрицательно покачал головой.

– Та-ак... та-ак... Ладно! Все-таки не рекомендую... Помилуйте, голубчик, – кто же запретит? Пресса у нас свободная... И вам того же! Привет семье. До встречи!

Он положил трубку на рычаг, потом с недоверием посмотрел на притаившийся до самого неподходящего момента аппарат. Решившись, просто выдернул из розетки вилку.

– Не дадут ведь пообщаться! Считаем, что у меня обеден-

ный перерыв... Имею право?

– Без сомнения!

Евгений Наумович потрясающе умел слушать. Под остатки «Смирновской» и сборную закуску, включавшую в себя причудливый ассортимент из остатков свинины, сырка, огурцов и конфет, Виноградов поведал про командировку. Рассказ получился веселый и несколько тенденциозный.

Чуть-чуть выбивалось из общей тональности описание последних кавказских дней...

– Я слышал, что местные опознали двоих, которых в первый вечер на трассе медведевские кончили... Якобы они были вместе с теми, которые в село пришли, ночевали.

– А остальные?

– С концами. Видимо, двое работали на отвлечение, шум устроили. А Батенин со своими в это время начальство перестрелял. В принципе, если бы они на нас с капитаном случайно не напали – ушли бы спокойненько куда хотели.

– В село?

– Нет, вряд ли... Что им там делать?

Евгений Наумович пожал плечами. Он был человеком сугубо штатским, даже охотничий карабин держал дома только для демонстрации гостям. И на случай погромов.

– Ты про Батю кому-нибудь рассказывал? – почти трезво глянул он на Владимира Александровича.

– Здесь? Нет пока.

– И не надо, не торопись. Может, обознался?

– Да? Вряд ли... – Виноградов подцепил двумя пальцами и отправил в рот ломтик жира. Вытерся о газету,

– Подожди! Ты в отпуске сейчас?

– Как положено! Очередной плюс по приказу, за командировку.

– Ладно...

Отношения у собеседников были давние, возникшие случайно и переросшие из простой взаимной симпатии в нечто похожее на бескорыстную дружбу. Конечно, несколько раз им приходилось друг другу помогать, в этом отношении счет был примерно равным, но... Евгений Наумович был по-человечески интересен Виноградову, а тот, в свою очередь, почему-то прочил Владимиру Александровичу скорую карьеру милицейского генерала.

– Алле? – Вилка уже была воткнута на место, и набранный хозяином номер ожил после пары длинных гудков. – Алле! Виктора Аркадьевича, пожалуйста... Скажите – Евгений Наумович беспокоит.

Коротая паузу, хозяин прокуренным пальцем скомандовал гостю налить по последней.

– Виктор Аркадьевич? Здравствуйте, голубчик! Как служится? Брюки с лампасами скоро?.. Да у меня нормально все, как обычно. Визитки готовы, можешь сам подъехать или пришли кого... Нет, насчет гаража я пока не решился. Подожди до пятнадцатого. Кстати! Вы там, в РУОПе, все знаете... Ой, не кокетничай, Витя! Слушай, есть такой бандит,

фамилия – Батенин, кличка – Батя. Знаешь?.. Зна-а-ешь!.. Да нет, не беспокоит – просто очень нужно... Что-о? Неужели? А как?.. Да-а! Учте-ем... Слушай, подкинь адресочек... Витя! Значит – надо... Жду!

Евгений Наумович покосился на Виноградова и сделал загадочное лицо. Тот в свою очередь уважительно покивал слегка отяжелевшей головой.

– Ага... Понял. – Хозяин размашисто черкнул несколько букв и цифр на обрывке календаря. – Спасибо!.. Да ну, о чем ты говоришь... Когда мне нужны были проблемы?.. Все, до встречи! Насчет визиток не забудь. Пока...

– Очень хороший парень полковник. Я вас потом познакомлю! – прокомментировал Евгений Наумович.

– Спасибо, мы встречались, – хмыкнул гость, припоминая допрос по «чековому» делу. Это было давно... но было.

– А я помню! Но времена меняются...

Они выпили – за всеобщее взаимопонимание.

– Так вот. Ты насчет этого Бати – точно уверен?

– Вроде бы... – События той кавказской ночи казались теперь Виноградову во все не такими уж абсолютными.

– Знаешь, этот парень действительно погиб. Недавно, говорят, на Северном хоронили.

– Ну так! Тело привезли?

– Видимо... Так что молчи лучше. В тряпочку.

– Наумыч! А кто мне что предъявит? Все по-честному...

– Это ты просто выпил... Какие теперь понятия! Одни от-

морозки кругом. Поколение наше вымрет – что со страной будет? Куда покатимся?

Помолчали расстроено о судьбе Отечества. Ничего удивительного, каждый был патриотом – по-своему.

– Так что – забудь!

– Попытаюсь...

– Как у тебя... материально? Ты, если что, не стесняйся! – Обычно это означало, что аудиенция окончена.

– Спасибо, Наумыч! Учту. Собираться пора... Хорошо посидели. Может, я еще сбегаяю? И насчет закуски?

Вопрос был провокационный, но после инфаркта хозяин старался не употреблять:

– Нет, Володенька. В другой раз. Работать надо, сейчас люди потянутся...

– Ладно, звоните, если что. – Владимир Александрович надел куртку.

– Подбросить до метро? Вон Аркаша как раз подъехал.

В другой раз Виноградов обязательно бы воспользовался услугами конторского водителя, но теперь отказался:

– Спасибо, нет. Мне тут в одно место надо...

– Ну тогда – счастливо!

– До свидания.

Православный собор – пышный, с золотом куполов и одновременно по-военному строгий – напоминал иногда Владимиру Александровичу елизаветинского гренадера в парадной форме. Казалось, к нему не пристают грязь и слякоть противного питерского апреля, и даже нищие перед входом не портили общего впечатления. Порывшись, Виноградов отдал им мелочь и в нерешительности перекрестился на полуоткрытые двери – захотелось зайти, но от выпитой водки душа притомилась, и появляться в храме в таком состоянии было нелепо, грешно да и попросту неприлично.

«В другой раз, – подумал Владимир Александрович, – Завтра...»

Мало кто знал, что последние несколько лет Виноградов старался хотя бы раз в неделю, но в церковь попасть. Пусть ненадолго, на четверть часа, но... Рано или поздно к этому приходит каждый, должен прийти.

Многие просто не успевают.

...Но уж так вышло, что на следующее утро Виноградов оказался не в церкви, а как раз наоборот – в форменном борделе.

Собственно, все началось с торопливой поездки на испуганном частнике – с Петроградской домой, в Веселый Поселок. И с не очень отчетливого вопроса дремавшего рядом,

на заднем сиденье Мишки – нет ли у Саньча желания подхалтурить? Без криминала, по своей, милицейской, части? Благо, свободного времени теперь достаточно, а семью кормить надо...

Справедливости ради нужно отметить, что перед этим был полный, как это называют американцы и классик-писатель Рекшан, «блэк аут». То есть, по-нашему, – отключка, вырубон или улет, вызванные извечной российской попыткой сочетать алкогольные эксперименты с процедурами по общему оздоровлению организма.

Сауна – это великолепно! Почти так же великолепно, как русская парная... В сауне, порождении западного менталитета, чисто, гигиенично, светло и... достаточно скучно. Хочется называть соседей на «вы» и в пределах разумного употреблять охлажденное пиво «Золото Лапландии».

Совсем не то – в парилочке да с веничком! Да под водочку... Когда дым коромыслом, мат-перемат пополам со столами, пахнет березой и всеобщим братством. Когда не засидишься, и будь ты хоть четырежды генерал или доктор наук – беспощадно наказан будешь за слабость и малейшее нарушение неписаного банного кодекса.

«Динамо́вская» компания Владимира Александровича была если и не абсолютно русской, то уж на сто процентов русскоязычной. В этом убедился бы любой филолог, случайно подслушавший реплики, доносящиеся из предбанника, – но воспроизвести их в силу непечатности, наверное, не ре-

шился бы.

В выражениях не стеснялись – некого, одни мужики. Женщины, конечно, изредка появлялись, но наличие их не приветствовалось, даже самых доступных...

А Виноградов пришел в самый раз – ко второму заходу. Народ уже раскраснелся, изошел первым потом и теперь обстоятельно погружался в гармонию. Владимир Александрович мог, конечно, добраться и раньше, но решил от конторы Наумыча прогуляться своими ногами – благо, быстрого хода было минут двадцать. Так и вышло... Да, провианта, как всегда, оказалось значительно меньше, чем выпивки, поэтому прикупленные Виноградовым по дороге сосиски оказались желанной добавкой к потрепанному рациону.

– О-о, Саныч! Здорово, братан.

– Привет, проходи.

– А почему на футбол не явился?

– Налейте ему стакан, чего набросились? Во-олки...

– Вон стакан свободный. Я только чуть отхлебнул, но у меня справка имеется!

– Спасибо, мужики, я сначала заходик сделаю, – одолел искушение Виноградов и торопливо шмыгнул в раздевалку.

Через минуту он шлепал уже резиновыми тапками по кафелю, выбирал себе доску почище и, прежде чем оказаться в парилке, подныривал под холодные острые струи душа.

Мимходом дотронувшись пальцами до воды в бассейне, Владимир Александрович охнул и посоветовал себе на сего-

дня воздержаться. Все-таки почти двухмесячный перерыв...

Заканчивалось мероприятие постепенно. Сначала уехали те, кого вез на своем «Запорожце» Витек из ОМОНа – в Купчино как раз набралось ровно столько, сколько вместила машина. Потом ушел Толик Польских, борец с экономической преступностью, – они вместе с Игорем из Метростроя и тренером-рукопашником по прозвищу Носорог решили продать морально нестойких девчонок из василеостровской общаги. К тому моменту, когда за столом наблюдалось не больше шести человек, часы показывали далеко за полночь, и беседа носила характер отрывистый, громкий, но актуальный.

– Нет, ты знаешь...

– А я ему так и сказал: чурка ты, хотя и капитан!

– Саныч, помнишь, у Вознесенского... – Поэт-спецназовец Барков выждал, когда уровень шума снизится до терпимого, и продекламировал:

– ...Космическая в нас зараза!

Что Кафка по сравнению с Кавказом?

– Попрошу в приличном доме не выражаться! Правда, Андрюха? – осадил старейшина бани, огромный и налысо выбритый Манус.

– Умные больно! Грамотные... – согласился начальник одного из «убойных» отделений доблестного уголовного розыска, писавший под псевдонимом Пингвинов потрясаю-

щие милицейские байки. Был Пингвинов длинный – именно длинный, а невысокий, и худой, как жираф. По обычной своей манере он грозно нахмурился и оттопырил нижнюю губу: непосвященным могло показаться, что сыщик сейчас обидится на что-то и уйдет, утирая скупую мужскую слезу. Вместо этого Пингвинов забрал у соседа бутылку и отмерил присутствующим по последней: – Пей, друг народа!

– Владимир Александрович! Ты чего – спишь?

– Нет! Пока – нет, – контролируя дикцию, отозвался Виногорадов. Он сидел, опираясь на самовар, и пытался воспринимать обращенный к нему монолог журналиста Жени.

Женя появился в бане недавно и теперь цитировал сам себя:

– Знаешь, каждый военный конфликт порождает массу новых политиков, причем преимущественно миротворцев. По моим оценкам, к концу этого тысячелетия население страны будет состоять исключительно из миротворцев, но будет не слишком велико, поскольку военная техника здесь очень хорошего качества.

– Теоретик! Эс-стет-т... – заклеил журналиста Манус.

– А по сути он прав! – не согласился Пингвинов.

– Может, о бабах лучше? – проявил здоровый цинизм подозреваемый в поэтических наклонностях Барков.

– Пойдем помоемся. Напоследок.

– Нет, пора уже ехать...

– Тем более что все уже выжрали! Интеллигенция!

– На «Горьковской» купим... Эй, Саныч! Guten morgen.

– А все нормально! Сейчас, в лучшем виде...

– Мишка, ты его отвезешь?

– Что же делать! Все равно тачку брать. – Михаил Григорьевич Манус перекатил с места на место свои потрясающие бицепсы: – Саны-ыч, ну-ка, ну-ка! Соберись. Надо одеваться,

Виноградов, ведомый друзьями, направился в душ, а незадействованные в реанимационных мероприятиях потихонечку занялись собственным туалетом...

...Определение «форменный» по отношению к предстоящему мероприятию было обусловлено отнюдь не спортивной формой присутствующих. Хотя спортивные, без грамма лишнего жира фигуры имели место быть, особенно у «девочек» и охраны, большинство составляли солидные дядечки в возрасте и дамы без оного, но с деньгами. «Форменный» – пришло в голову Виноградову, когда он увидел в дверях особняка пару здоровенных омовцев зверского вида: все положенные по приказу нашивки, эмблемы, шевроны и бирочки красовались на сером их потрепанном обмундировании и были уместны на нем, как на свадебном платье воронья какашка.

Поблизости, в скверике, прогуливалось еще несколько автоматчиков в полном боевом облачении и примкнувший к ним на своем «Москвиче» в ожидании возможной халявы наряд местной муниципальной милиции.

Так что с формой все было в порядке. Что же касается содержания... Определяемое слово заменить чем-то другим представлялось затруднительным, но организаторы презентации постарались. То, что сейчас торжественно запускалось в эксплуатацию, обзывалось в рекламных буклетах «Элитным салоном эротического и нетрадиционного массажа». Учредителями значили себя один из комитетов мэрии, несколько частных лиц и тайландская фирма.

Охрану и, как догадывался Владимир Александрович, негласную «крышу» заведению обеспечивал Манус со своими головорезами. Ребят в погонах пригласили для солидности, да и вообще – на всякий случай.

Благо, это оказалось не слишком дорогим удовольствием, почасовая расценка проститутки значительно выше.

– Здорово! Как ты?

– В кондиции. Проснулся, правда, – вообще жить не хотел.

– Да, отличились вчера... – Миша встретил Виноградова в вестибюле: в глазах приятеля явственно читалось желание вспомнить, пригласил он Владимира Александровича в качестве личного гостя или чтоб дать ему подзаработать.

– Какие указания? – развеял сомнения Мануса деликатный майор. К обоюдному удовольствию, это значило, что пить на дармовщинку и хватать за задницы девок Виноградов не будет, но за время, проведенное вдали от семьи, получит определенную сумму со статьи расходов на безопасность.

– Ты готов?

– Иначе бы не пришел. – По счастью, мероприятия подобного рода начинаются обычно несколько позже детских утренников, поэтому Владимир Александрович успел не только отоспаться, но и съездил до главка, оформил себе отпускные. Теперь о походе в баню напоминали только некоторая припухлость глаз и пессимистическая точка зрения на данную в ощущения реальность.

– Как Татьяна?

– Не спрашивай, – отмахнулся Виноградов. – Стыдно!

Обычно после возвращения с очередной войны семья смотрела на художества героя-кормильца с пониманием. Но на этот раз имел место некоторый перебор.

– Ты с оружием?

– Откуда! – удивился Владимир Александрович. – Сдал, я же в отпуске.

– Понял... Только не говори никому, а то я тут имею определенные обязательства насчет охраны.

– Нет проблем! Задачу усвоил: изображать детектива в штатском с большим пистолетом под мышкой.

– Ну, Саныч... – хохотнул Михаил. Вид у Виноградова был и вправду подходящий: костюм, стрижка... Упрощенный вариант Кевина Костнера, только негритянки не хватает. – На, прицепи!

Майор принял у Мануса пластиковую табличку с надписью «ОХРАНА-СЕКЬЮРИТИ», только что украшавшую

борцовскую грудь приятеля, и прицепил ее себе на кармашек:

– Рад стараться!

Они, конечно, дурачились, но некоторая неловкость ощущалась.

– Будешь в резерве. Рацию получи в сто второй комнате, там Димка, он тебя знает... Все, пора!

Виноградов пошел оснащаться и получать позывной, а когда вернулся – гости валили уже бурным потоком.

Многих, очень многих – если не всех – Владимир Александрович знал. Кого-то когда-то сажал, с кем-то пил, на кого-то работал, а остальных по меньшей мере видел по телевизору или в сводках наружного наблюдения. Исключение составляли, пожалуй, только тайны, да и то по причине их полной неразличимости для среднерусского глаза.

Вон прошел, поздоровавшись, лидер «поволжских», недавно отпущенный под подписку. Следствие на днях сняло с него обвинение в бандитизме, поэтому очередной, третий срок, даже если дело дойдет до суда, предстоял символический. Седовласая дама, гроза городского собрания и без пяти минут вице-мэр, покуривала у колонны с господином из Центробанка. Режиссер-кинокритик с известной фамилией прибыл из столицы в сиреновом пиджаке и с огромными полномочиями – все знали, что представляет он здесь сексуально угнетенные меньшинства, поэтому предпочитали только вежливо улыбаться.

Поднимаясь по лестнице, Виноградов улыбнулся шефу одной из силовых структур города, молоджавому и отменно фотогеничному генералу Орловченко и сопровождавшему его истребителю коммерсантов Максиму Гудковичу. Владимир Александрович констатировал, что слухи об очередной опале начальника самого грозного отдела в их ведомстве не оправдались...

– Позвольте?

– Да, пожалуйста! – Виноградов почтительно пропустил к фонтанчику с рыбками кражистого мужичка с неприметным лицом и уверенным голосом сильного человека. Поговаривали, что это – вор в законе, «смотрящий» по Питеру, что по их иерархии приблизительно соответствовало генерал-губернатору.

Ожидался и другой «смотрящий», официальный – представитель президента в Северо-Западном субъекте Федерации, но его почему-то все не было, и решили начинать. Грянул оркестр, и приглашенные устремились к столикам: несколько видных актеров, директор завода, бандиты с супругами, депутаты, пресса, начальник РУВД почему-то в парадном полковничьем кителе...

Все вели себя интеллигентно – никто не толкался и почти не чавкал.

– О, Владимир Александрович! Вы ли это?

– Да, очевидно.

– Все такой же... – Виноградов помнил, что девицу зо-

вут Юлька, лет ей сейчас немногим за двадцать, а когда он оформлял на бедняжку протоколы за проституцию в порту, ей было и того меньше, лет шестнадцать. Выглядела Юлька классно – ноги, бюст... Майор не слишком разбирался в женских платьях и прическах, но и то и другое, безусловно, стоило чертову уйму денег.

В отличие от Виноградова, она таблички на груди не имела, поэтому опознать Юлькин статус представлялось весьма затруднительным – то ли чья-то жена-подруга, то ли преуспевающая бизнес-вумен, то ли...

– Охраняете нас?

– Приходится. А какими судьбами?.. – Владимир Александрович попытался грамматически и интонационно построить вопрос так, чтобы обойтись без «вы», но в крайнем случае избежать неприятностей.

– Работа! – закатила глаза Юлия. – Эротический массаж.

– Дану?

– Честное слово! Курсы закончила, сертификат есть... А вы все в милиции?

– В ней, в родимой, – решил не вдаваться в подробности Виноградов.

– Бе-едненький, – пожалела дипломированная и перестроившаяся проститутка. – Заходите! Просто, по старой памяти... Обслужу в порядке шефской помощи, хотя нам и запряцают.

На счастье Владимира Александровича, рация вызвала

его к выходу – официальная часть мероприятия заканчивалась, и солидные гости, блюдя репутацию, направлялись догуливать куда-нибудь подальше от посторонних ушей и телекамер.

– Спасибо. Буду иметь в виду. Пардон!

– Всего доброго, служите дальше...

Подождав, пока толпа внизу рассосется, майор вернулся в зал – там оставались либо самые отчаянные любители экзотики, либо те, кому о своей репутации заботиться уже не имело смысла.

Второе, неформальное, отделение шоу проходило в теплой, почти семейной обстановке. Сначала маленькая смуглая профессионалка продемонстрировала чудеса древнейшего из эротических искусств на довольно меланхолическом блондине. Оба были голые, пахли пряностями и поначалу мерзли. Затем, под поощрительные хлопки зрителей, цыганистого вида хлопец потрудился руками, ногами, а также целым рядом других частей тела над сладко постанывающей партнершей. Их сменила парочка губастых и языкастых подружек...

Завершилось действие на бис – пуля-нием теннисными мячами в цель из совсем уже непотребного места.

– Ну как, Саныч? Пойдем примем «Абсолютика». – Манус возник за спиной Виноградова, похожий на северного медведя, но более злой и веселый.

– Я же на работе, – напомнил Владимир Александрович.

– Плевать! Считай, уже закончили.

– Как скажешь, – отстегнул Виноградов табличку. – А как насчет?.. Чтоб не забыть.

– Мудрая мысль! – Приятель достал из кармана заранее приготовленные купюры и отдал их Владимиру Александровичу. – Пошли?

– Побежали! – поправил довольный Виноградов. Неловкость между ними исчезла: ерунда, что такого, раньше один другого выручал, случалось, теперь – такая полоса... – Спасибо! Сочтемся.

– О чем ты говоришь?

Через минуту оба уже заходили в так называемую малую гостиную. Небольшое по сравнению с залом, с интерьером в стиле барокко и великолепной акустикой, это помещение сегодня использовалось для особо избранных приглашенных, утомленных и сутолокой, и обжорством, и голыми существами. Раньше, в начале века, владевшие особняком князя Голицыны-Ростовские устраивали здесь концерты заезжих знаменитостей, но уже начиная с понедельника в малой гостиной клиенты будут соответствующим образом настраиваться, прежде чем пройти дальше, в отдельные кабинеты. Если верить обещаниям управляющего, для обеспечения психологического комфорта посетителям с двадцати до полуночи будет играть струнный квартет лауреатов. Предполагались также выступления заезжих и местных мастеров разговорного жанра, вокал и встречи с кандидатами в депутаты.

Говорят, это очень влияет на потенцию...

– О, это мы вас удачно застали! – потряс набитой о физиономии, мешки и макивары клешней Михаил.

– Какие люди! И без охра-аны...

Прислуга уже погасила светильники, оставив только дежурную люстру. Если не принимать во внимание вышколенных, без единого лишнего звука снующих между столиками официантов, в гостиной Виноградова с приятелем дожидались только двое: Саша Следков и мужчина значительно старше, в кремовой тройке и черной рубашке с расстегнутым воротом.

– Эй! Это не убирай пока. – Следков размашистым, барственным жестом обвел прилегающее пространство стола. Отсеченными от процесса наведения порядка оказались несколько початых бутылок, два блюда с бутербродами и куски ананаса в хрустальном вместилище.

– Слушаюс-с-сь... – отреагировал официант и переключился на новый участок работы.

– Я думал, вы уже смотались, – деловито плеснул водки себе и Владимиру Александровичу Мишка Манус. – Дай-ка мне вот этого вот... с рыбкой!

– Ну извини. – Следков развел руки шутливо и протянул виноградовскому приятелю сразу целую тарелку: – Закусывай, мы – уже.

– Но пить-то будете?

– Отчего же? Конечно!

– Да! – спохватился уже примерившийся было к стопке Манус. – Вас ведь знакомить не надо?

– Ну... – пожал плечами Владимир Александрович.

Самого Следкова, основателя и вождя крупнейшей в регионе охранной ассоциации «Заслон», Виноградов знал еще старшиной милицейского спецназа. Друзьями близкими они не были, но несколько раз жизнь предоставляла то одному, то другому возможность обменяться услугами – подчас достаточно деликатными и требовавшими безусловного взаимного доверия. Соратники называли Следкова Папа, посторонние – Железный Винни-Пух, за внешнюю неуклюжесть и уникальные бойцовские качества. Впрочем, второе прозвище вороватые журналисты в последнее время приклеили к Егору Гайдару, и из местного обихода оно почти вышло.

Следковского собеседника Владимир Александрович раньше не встречал. Манерой одеваться и аксессуарами – массивная золотая цепь на шее и перстни, то ли два, то ли три – мужчина напоминал классический образ итальянского мафиози. Усиливалось это впечатление южным разрезом достаточно близко посаженных глаз и профилем, характерным для тех мест, откуда недавно вернулся Виноградов. Несколько нарушая шаблон, выделялись две резко прочерченные носогубные впадины, встречающиеся на лицах вечно голодных фанатиков, одержимых какой-нибудь национально-религиозной идеей.

– Папу ты знаешь прекрасно, а это... – Михаил в затруд-

нении посмотрел на Следкова.

– Полковник! – опережая, протянул руку мужчина и двинул в коротком поклоне затылком.

Вот так, всего-навсего: воинская кличка? блатное звание? Может, и то и другое. Что же, каждый представляется так, как сочтет нужным.

– Виноградов! – пожал протянутую руку Владимир Александрович.

– Как же, слышал. Очень приятно! – То ли это была форма вежливости, то ли, действительно...

– Ну поехали...

Ощущая разлившееся по желудку тепло, майор обратил внимание, что, за исключением Мануса, все поднимавшие полные стопки не то чтобы просто пригубили – нет, сделали по добросовестному глотку, умеренно и без жадности. Так что оставалось еще по крайней мере на пару тостов. Сам он не допил по причине вчерашнего алкогольного эксцесса, Папа дружил со спортом и не злоупотреблял, а некто назвавшийся Полковником, очевидно, следовал законам шариата, осуждавшим пьянство.

Один Мишка, любящий жизнь во всех ее проявлениях, дело довел до конца, смачно выдохнул и заработал челюстями.

– Чего мрачные такие?

– Да вот, Батенина поминали.

– Кого? – Владимиру Александровичу показалось, что он

ослышался. Это случается, если имеешь где-то в глубине, на уровне подсознания, постоянный очаг тревоги.

– Ну – Батю, Батенина... Ты ведь знал его вроде? – Следков нахмурился, припоминая.

Виноградов покосился на переставшего даже жевать приятеля и определил:

– Он чего – помер?

– Погиб! Недавно...

– Убили? – Холодок в груди поднимался, рос, вынуждая нестись напролом, навстречу опасности.

– Нет. Автокатастрофа... Разбился на Кипре.

– Где-е?

– На Кипре. Поехал по путевке, там взял машину в аренду.

И – насмерть!

– Саньч, а ты мне другое рассказывал... – Приятель Миша покончил-таки с приемом пищи и захотел получить причитающуюся ему толику общественного внимания. – Помнишь, вчера?

– Не, не помню! – попытался уйти с воображаемой линии атаки Виноградов. – Чего только спьяну не...

– Как же? Насчет перестрелки! Знаете, мужики, Саньч такую историю выдал – якобы лично сам Батенина...

– Миша, налей лучше!

– Это конечно, но я, скажу прямо, чуть не поверил. – Чувствительности и деликатности у Мануса было как у носорога. Расплескивая по стопкам сорокаградусную жидкость, он

даже не удосужился глянуть в отчаянно злые глаза Виноградова: – И ведь клялся-божился, что чистая правда!

– Ладно, проехали. – Владимир Александрович пытался найти повод, чтобы перевести разговор на что-нибудь другое, но на ум ничего не приходило.

Неожиданно на помощь пришел Следков:

– Давайте, за помин души! Не чокаясь...

Снова пригубили, но теперь Виноградов физически и неотступно ощущал на себе тяжелый, задумчивый взгляд Полковника. Неожиданно вскинув глаза, он увидел, однако, что тот смотрит вовсе не на собеседников – мимо, в служебное помещение прошествовала одна из «массажисток», и собеседник по-восточному зацокал языком, провожая ее поворотом головы.

Выпив теперь уже до дна, Владимир Александрович закусил ананасной долькой и вежливо рассмеялся какой-то очередной Мишкиной похабени.

Ощущение беззаботности, однако, не вернулось...

– Господа! Мы заканчиваем.

– Вот, мать его...

– Михаил Григорьевич?

– Да нет, все в порядке. – Виноградовский приятель хлопнул по белоснежному плечу метрдотеля. Двубортная тулупка делала старика похожим на штурмана заграничного плавания. – Выметаемся, дед.

– Пойду верну рацию. Всего доброго! – откланялся Вла-

димир Александрович. – Миша, можно тебя на минутку?

– А ты куда, Саныч? Могу подбросить, я с шофером, – естественно предложил Следков.

– Нет, спасибо. Мне еще кое-какие проблемы надо...

– Счастливого пути, – протянул руку Полковник. – До встречи!

Не по голосу даже, не по словам – по выражению глаз Виноградов безошибочно угадал, что встретятся они вновь очень скоро. И хорошего в этом будет не много.

* * *

– Нет, но ты хоть можешь объяснить, зачем тебе все это?

– Я же сказал.

– Ничего ты толком не сказал!

– Не злись...

– Ладно. Выключи кофеварку, а то пробки повышибает. – Профессор что-то еще неразборчиво просопел под нос и вернулся к экрану компьютера.

– Тебе наливать? – Владимир Александрович поискал под столом и на ощупь извлек банку «Плантейшена», сахар ку-сочками и засохшую в чем-то коричневом ложку.

– Покрепче, как всегда.

– А чашки? – задумался было Виноградов, но, не дождав-шись ответа, обнаружил на подоконнике разнокалиберные

остатки нескольких сервизов. – Готово!

С тех пор как Профессор окончательно и бесповоротно бросил пить, уходящих к нему обязательно возникала проблема: что нести с собой? Раньше все просто было – коньяк, винишко красное... А теперь? Денег за консультации со своих Профессор не брал, что создавало дополнительные трудности.

В этот раз Виноградов принес шикарный, невысказанной свежести торт – говорят, сладкое, а в особенности шоколад и суфле, стимулирует мозговую активность. Правда, жена, увидевшая, с чем собирается из дому Владимир Александрович, выразила некоторые сомнения по поводу того, куда направляется супруг, – но ограничилась только просьбой «передать ей привет» и по возможности предохраняться.

Профессор был умный, высокий и толстый. Точнее, даже не то чтобы толстый, а так, рыхловатый, подобно большинству кабинетных работников. Он носил дорогие очки, много курил и представлял собой интеллектуальное крыло виноградовских друзей и приятелей – в отличие от Мишки Мануса, представлявшего крыло силовое. Прозвище свое и репутацию Профессор оберегал и жестоко обиделся, прочитав у известного московского писателя-детективщика о своем «тезке», мозговом центре преступного мира столицы.

Настоящий Профессор преступников не консультировал. Принципиально! И не потому, что служил в милиции, – сам по себе этот факт никогда и никого от предательства не оста-

навливал. Тем более что звание он имел невысокое, и соответствующий оклад составлял далеко не самую главную статью доходной части его бюджета.

Нет, просто Профессор не любил жуликов. А также воров. И бандитов! Не любил, и мог себе это позволить.

Блестящий аналитик с двумя высшими образованиями – юридическим и техническим, – он вызывал вполне естественную неприязнь коллег и начальства. Но терпели... Потому что хотя бы изредка требовалось отчитываться перед Москвой и главком о чем-то более значимом, чем пьяный «бытовик», зарубивший жену, или кладовщица, списавшая «налево» казенный телевизор.

Тогда, подымив пару дней над компьютером, сделав пару звонков и ударив по сердцу очередной цистерной кофеина, Профессор выдавал на-гора полновесную раскладку по очередной группе – в зависимости от социального заказа и личных пристрастий руководителя это могла быть повязанная с мэрией компания контрабандистов-«медников» или вооруженная банда, разграбившая перед Днем милиции базу снабжения Ювелирторга.

Распечатывал он и рекомендации, как лучше эту информацию реализовать, – но отклика обычно не находил, и все заканчивалось громко и топорно: кого-то хватали, кто-то что-то успевал отправить неизвестно куда, адвокаты оказывались расторопнее оперов, выпущенный из поля зрения свидетель всплывал неожиданно где-нибудь в Финском за-

ливе.

Профессор вздыхал, забивал свежими данными еще пару файлов и до следующего аврала целиком предавался любимому делу: созданию общей концепции безопасного бизнеса. И если теория была понятна только самому автору, то практическое применение некоторых ее аспектов неплохо кормило. Консультирование западных и восточных бизнесменов, правовая поддержка крупнейших сыскных и охранных структур, аналитические справки о надежности предполагаемых партнеров... Сейчас в одной из типографий готовилась к выходу в свет четырехсотстраничная в глянцевом переплете книга «Что не стоит делать в России» – совместный труд Профессора и, в качестве популяризатора, самого Владимира Александровича.

Наибольший доход Профессору приносили рекомендации по использованию недостатков существующего законодательства. Кстати, его неоднократно пытались сманить в департамент на 2-ю Советскую, но Профессор отказывался – вежливо и категорично. Он знал в той системе очень многих, и мнения о них был не самого высокого.

– Вот! – Повинуясь нажатию клавиш, принтер зажурчал и выдал на четверть за полненный шрифтом листок. – Имеются три фигуранта по кличке Полковник. Но все, как я понимаю, не те...

– Дай-ка...

Пока Виноградов изучал распечатку, его собеседник из-

влек из коробки солидных размеров ломоть даже, а не кусок торта, скептически оглядел его и почти целиком сунул в рот. Запив термоядерно крепким кофе, поинтересовался:

– Коньяком не пропитан?

– Нет, я же знаю, – оторвался от текста Владимир Александрович. – Тебе же нельзя!

– Всякие недоразумения случаются, – с некоторой примесью сожаления вздохнул Профессор. – Ну что?

– Да, конечно. Все не то! Или возраст, или...

– Вспомни еще раз, что Следков о нем сказал.

Владимир Александрович наморщил лоб и притих, вспоминая. Папе он позвонил сам на следующий день – хотелось избавиться от «непонятки» или во всяком случае получить дополнительную информацию. В сущности, Виноградов нутром, инстинктивно почувствовав опасность, предпочитал любое, пусть даже опрометчивое действие пассивному ожиданию. Иногда это здорово выручало, иногда – наоборот.

Саша предложение встретиться воспринял без удивления, выкроил для приятеля получасовое «окошко», и вскоре после обеда майор уже садился на углу Свечного и Лиговки в Папину машину. На особые прелюдии Виноградов времени не тратил, справедливо полагая, что если захочет хозяин «Заслона» чего-нибудь не сказать, то хоть ты Кашпировского приглашай – не поможет. Оставалось полагаться на Папину порядочность и собственное умение чувствовать, когда собеседник врет.

Следкову, однако, скрывать оказалось нечего – вопросам о Полковнике он не удивился, сразу же подтвердив опасения Владимира Александровича: да, по пути с презентации тот дважды сводил разговор к персоне Виноградова – кто такой, чем живет... Это не то чтобы не понравилось, но как-то не пришлось по душе и вообще в принципе не склонному обсуждать своих приятелей Папе. Поэтому он и ограничился тем, что сообщил: мент, мол, правильный, с понятиями, пару раз помогал. Халтурит, мол, по мелочи – но без криминала.

– А насчет милиции-то зачем сказал?

– Ну это я обязан... Сам понимаешь, если знал, что с ментом идет базар, и не предупредил – могут и предъявить!

– Логично. А он что – имеет право? Тебе?

Выяснилось, что Следков этого самого Полковника знает не близко. Якобы появился тот в Питере около полугода назад, с полномочиями то ли от мятежного кавказского президента, то ли, наоборот, от российски ориентированной оппозиции. Последнее, кстати, вероятнее, потому что жил он легально, ни от кого не скрываясь, крутил какие-то денежные «темы» с оружием и нефтепроводами, скупил пару фирм с репутацией и теперь контролировал долю в туристическом бизнесе города. Безопасность Полковника обеспечивали на контрактной основе бойцы из «Заслона», которым, в сущности, было все равно, чье тело охранять, – лишь бы клиент вовремя оплачивал услуги и не забывал про надбавку за риск. Собственно, этим и ограничивалось знакомство Полковника

и Папы – подписанием договора за «заслонные» услуги, ежемесячной передачей «черной верхушки», выходящей за рамки указанной по бумагам суммы, а также случайными встречами на мероприятиях, подобных вчерашнему.

– А фамилия? И прочее?

Следков без проблем сообщил и это, а также по памяти и оставшемуся со времен службы в органах профессиональному навыку – год и место рождения. Присовокупив, что «чурка – он и есть чурка, хоть душманская, хоть наша...».

– Как же ты с ним работаешь? Ты же, я помню, рассказывал, что еще с Афгана их только через прицел воспринимаешь?

– А при чем тут это? Бизнес есть бизнес!

– Почему он Полковником называется?

Следков презрительно, на правах человека, заслужившего офицерские звезды под пулями, ответил:

– Говорит, ему звание присвоено. Вроде от госбезопасности... Или, может, Паша Мерседес по пьянке? Хотя, скорее всего, они там, у себя в горах, друг дружке погоны навешивают: за трех баранов – сержанта, за мешок валюты – генерала.

Это было не смешно. И очень походило на правду, как и все, что узнал от Папы Владимир Александрович...

Теперь, излагая содержание разговора Профессору, Виноградов еще раз анализировал мимику, жесты, интонации Саши Следкова:

– Нет, все... Кажется, ничего не забыл.

– Ладно, исходим из того, что приятель твой не врет. Или думает искренне, что не врет... Я попробую навести справки, но не сегодня. Скажем, к среде. Подъезжай к концу дня, я на месте буду. Устроит?

– Наверное, – пожал плечами Владимир Александрович. – Ты особо-то не заморачивайся!

Честно говоря, он по-прежнему не знал, что ответить на вполне закономерно повторенный вопрос – а зачем, собственно? На кой, простите, ляд? Может, Виноградов просто понравился новому знакомому и тот хочет предложить майору необременительный приработок? Вообще, какую такую ужасную пакость может учинить измотанному борьбой за существование менту господин, вращающийся в высших сферах! Даже в качестве объекта вербовки Владимир Александрович давным-давно интереса не представлял.

Но Профессор больше ни о чем не спрашивал. Как добротная ЭВМ, он уже занялся анализом вариантов, просчетом простейших и многоходовых комбинаций – и даже сам Виноградов был для него не персонифицирован, а лишь представлял собой важный, но не решающий фактор в игровом пространстве.

Глянув в подернувшиеся влажноватой пленкой глаза Профессора, Владимир Александрович понял, что его дальнейшее присутствие в кабинете по меньшей мере бессмысленно. В тишине опустевшего милицейского этажа Виноградову послышалось, что под шевелюрой хозяина раздается отчет-

ливое электрическое потрескивание.

– А-а-у-у! – помахал он в воздухе пальцем.

– Что еще? – Профессор включил, так сказать, «ближний свет» и принял к сведению посторонний объект.

– Ухожу! Распечатай только по Батенину справку.

– Забирай. – Как правило, виноградовский собеседник свою продукцию навывнос не давал, но сейчас ему требовалось одиночество. Причем побыстрее. – Здесь все, потом по-рви.

Несколькими точными движениями пальцев он выискал нужный блок, вывел его на экран, отметил и выдал на принтер.

– Всего доброго! До среды.

– Ага, приветик...

Уже в дверях Виноградов услышал рассеянное:

– Будь осторожен...

– Попробую! – Владимир Александрович обернулся даже, не зная, как реагировать на подобное проявление эмоций, но Профессор уже с головой ушел в компьютер – так, что только макушка отсвечивала.

...В троллейбусе, да еще после зимних сюрпризов питерского метрополитена, читать из-за давки если и удавалось, то только некрупного формата книжки. Газеты просматривать из-за их величины и необходимости некоторого простора для перелистывания было затруднительно. Что же касается конфиденциальных документов, то их изучение неизбеж-

но сопровождалось бы естественным любопытством широких масс прилегающих пассажиров.

Поэтому справку о покойнике Виноградов смог прочитать только дома – да и то не сразу, потому что добрался до Веселого Поселка в момент, когда семья усаживалась за стол. Покончив с ужином и отправив детей к телевизору, он заинтересовался:

– Кто звонил?

– Много. Человек пять! Я говорила, что будешь к девяти.

– Просили передать что-нибудь?

– Нет, обещали, что перезвонят. Не представлялись, только какой-то Евгений Наумович... Пожилой.

– Да? А он чего? – удивился Виноградов. Это был второй, если не первый раз, когда Наумыч связывался с ним по домашнему телефону.

– Не знаю. Я не спрашивала, но...

– Ладно, Бог с ним! Кому надо – дозвонятся.

Дома было, как всегда, тепло и уютно.

Татьяна добавила чаю. Поговорили о школьных делах дочерей, о том, что сегодня вечером по кабельному, прикинули расходы к праздникам.

– Устал?

– Да, есть немного.

Они жили вместе шестнадцатый год, и у Виноградова с женой давно уже установилось взаимное понимание – не испорченное еще обоюдной скукой, характерной для тысяч и

тысяч окружающих семей со стажем.

Владимир Александрович любил возвращаться домой – с охоты, с дежурства, с войны... Это очень важно – когда есть куда и зачем возвращаться.

– Пригласи ребят. Посидите на кухне, а то давно уже...

Да, умная жена – подарок судьбы, Виноградов еще и подумать не успел, а Татьяна озвучила: преферанс – лучший отдых, когда не банный день и охота уже закрыта! Мужская отдушина.

– Давненько не писали пулечку.

– Давай отвлекись. – Она справедливо полагала, что жареную курицу семейный бюджет вытянет, но пусть уж лучше здесь Володя получит чего хочет, чем это предложит ему на стороне какая-нибудь отзывчивая дамочка.

– А если проиграюсь опять?

– А ты когда-нибудь выигрывал? – сделала удивленные глаза жена. Картежная невезучесть Виноградова в их кругу давно уже стала притчей во языцех, подтверждая известную поговорку.

– Ну зато мне в любви везет!

– Наверное, – пожалала плечами Татьяна и принялась убирать со стола. С ужином несколько припозднились, ждали главу семейства, поэтому пора было готовить детей ко сну, а их вещи – к следующему гимназическому дню. – Газета под телевизором.

– Посмотрю обязательно. Но – потом! – Владимир Алек-

сандрович вышел из кухни, прихватил по пути свою сумку и уселся за письменный стол под подаренной еще на свадьбу «керосиновой» лампой со стилизованным абажуром.

Собственно, справка по Батенину представляла собой нечто вроде листка по учету кадров, если бы таковые вели организованная преступность. Фамилия, имя, отчество, дата, год, место рождения, вместо партийности – кличка. О предыдущих «местах работы» достаточно скупое: время окончания Рязанского училища, перечень «горячих точек», награды и воинское звание при увольнении в запас. Личностные характеристики, по-бюрократски стандартные, но вполне совпадающие с субъективным мнением Владимира Александровича – Батя был человеком храбрым, инициативным, неплохо организовывал подчиненных бойцов, но портила ему и военную, и криминальную карьеру неуживчивость с руководством, излишняя самоуверенность и склонность к импульсивным авантюрам.

Отдельно указывались связи: в порядке подчиненности, а также по горизонтали, включая дружеские, любовные и партнерские, каковых в общей сложности составителям справки было известно чуть более дюжины. Виноградов знал, что в такого рода документах особой графой выделяют врагов или лиц, потенциально опасных для объекта, но относительно Бати подобной информации не имелось. Это вовсе не означало, что бывший десантник ни у кого не вызывал отрицательных эмоций, нет! Просто степень их не достигла той

критической массы, когда ее можно использовать для ликвидации или причинения серьезных неприятностей. Возможно также, что Профессор мог чего-то не вычислить...

– Спокойной ночи, папа!

– Спокойной ночи. – Виноградов подождал, пока за младшей дочерью закроется дверь. Старшая уже который год считала соблюдение семейных традиций для себя не обязательным и сейчас уже валялась в кровати с невымытыми ногами и плеером под подушкой.

Владимир Александрович отметил серьезные провалы в собственной педагогической деятельности и вернулся к справке.

Согласно выданному машиной документу Батя состоял в «тенево», неформальном структурном подразделении ассоциации «Заслон». То, что ребята Следкова наряду с лицензированной охраной и консультационно-правовой деятельностью решали проблемы на грани закона, на уровне «терок» и силовых, вплоть до стрельбы, разбирательств, в Питере не знал только тот, кто активно не хотел этого знать.

Плоть от плоти милицейского спецназа, «Заслон», по бандитским понятиям, не мог в полной мере партнерствовать с братвой за столом переговоров. По мнению некоторых ортодоксов криминального мира, даже «лохов разводить на долях было впадлу с ментами», что в переводе на общепотребительный русский означало принципиальную невозможность для порядочных преступников совместно с со-

трудниками органов внутренних дел, пусть даже бывшими, пусть даже с обоюдной выгодой, создавать для охраняемых бизнесменов такие ситуации, при которых эти бизнесмены вынуждены производить абсолютно внеплановые и по сути необоснованные выплаты... Уф-ф-ф! Все-таки в жаргоне есть определенная практическая прелесть.

Вот для того, чтобы не задеть щепетильность бандитов, в системе ассоциации и родилась так называемая «ветеранская» группировка из бывших десантников и просто понюхавших пороху офицеров и демобилизованных солдат. Никто из них не запятнал себя ношением серых милицейских погон, поэтому представители многочисленных организованных преступных групп делали вид, что ничего не знают о том, что «ветераны» фактически представляют Следкова. С другой стороны, ассоциация почти с чистой совестью могла сказать, что среди ее сотрудников никто криминалом не занимается, – ни Батя, ни его товарищи по оружию в штате «Заслона» не числились.

Если верить справке, Батя-Батенин довольно быстро прошел славный трудовой путь от рядового вышибалы до руководителя спяянного коллектива в десятках бойцов. В этом году его «бригада» уже контролировала казино в центре города, несколько вино-водочных точек и на процентных с «приволжскими» и «тамаринскими» началах – сеть областных бензоколонок.

Учитывая отсутствие данных в разделе «Враги», серьез-

ных проблем у Батенина ни с подопечными дельцами, ни с представителями сопредельных преступных группировок не отмечалось.

В самом конце, после столбика с данными родителей, дочери полутора лет от роду и жены, а также перечня официальных и неофициальных адресов и телефонов Батенина и используемых им автомобилей значилось: «Погиб: осенью тысяча девятьсот девяносто пятого года в автомобильной катастрофе за границей».

– Да-а! Что написано пером...

– Ты меня? – отозвалась из соседней комнаты жена.

– Нет, просто так... – Еще немного, и Владимир Александрович окончательно поверит, что там, на Кавказе, ему все пригрезилось. Может, оно и к лучшему?

– Иди сюда, скоро начнется. – Татьяна что-то зашивала перед телевизором, и Виноградов с опаской глянул на экран, ожидая увидеть там какую-нибудь очередную Мануэлу или Хосинту.

Однако, судя по титрам, ожидать следовало крутого боевика про полицию – не то Майами, не то Сан-Франциско.

– Сейчас приду! – Владимир Александрович кинулся было к холодильнику за вечерним бутербродом, но в спину ударила трель телефонного звонка. – Кого там?

– Тебя. – Трубка перекочевала из рук супруги к Виноградову.

Изобразив без труда крайнюю степень досады и получив

в ответ сочувственную улыбку, глава семьи отозвался:

– Алле?

– Володенька? Это Евгений Наумович.

– Добрый вечер.

– Извини за поздний звонок... Не оторвал ни от чего?

– Нет, все в порядке. – Виноградов перехватил взгляд жены, пихнул пальцем сначала в экран, потом на себя – мол, расскажешь, в чем суть и кто кого убивает, – и извинился в трубку: – Секундочку, Евгений Наумович...

Вернувшись к столу, он прикрыл дверь, чтобы не мешать Татьяне погружаться в мир Голливуда вместе с ее руководителем, и возобновил разговор:

– Да, теперь все! Чем могу?

– Видите ли, Володя... Хотелось бы побеседовать. Не по телефону.

Ничего удивительного в этой просьбе не было.

– Да, конечно. Проблемы?

– Не то чтобы, но... Может быть, даже – наоборот! – Уверенности в голосе собеседника, однако, было не много.

– Когда скажете?

– Ты свободен завтра? С утречка?

– Вообще-то... Желательно – после двенадцати. Терпит?

– Конечно! Какой разговор.

– Нет, если надо – я раньше... – Владимир Александрович несколько лукавил, но скорее из вежливости.

– Нет нет, нормально... К часу? Заодно и пообедаем?

– Великолепно! – В контору к Наумычу приходила уникальная повариха, за две сотни долларов плюс стоимость продуктов она так кормила хозяина, его персонал и особо избранных гостей, что одни только запахи могли привести в состояние экстаза простого смертного.

– Договорились! Значит, завтра в тринадцать... жду. Всего доброго.

– До свидания!

Прежде чем присоединиться к Татьяне, Владимир Александрович еще раз просмотрел профессорскую справку, неторопливо разорвал ее на бесчисленное множество бумажных кусочков и зажал в кулак. Посидев так – с тревожным ощущением чего-то непонятно холодного и близкого, он прошел в туалет, бросил то, что осталось от документа, в унитаз и спустил воду.

* * *

Помимо всего прочего, Владимир Александрович учился в университете. Юридический факультет на базе высшего образования, очно-заочное отделение... Студенческие страдания Виноградова начались еще в незапамятные времена, когда заработка милицейского капитана и нескольких удачных халтур вполне хватало не только на жизнь, но и на роскошь в виде платного обучения. Начальство не возража-

ло, Татьяна в очередной раз вычеркнула из списка покупок недостижимую лисью шубу – и он поступил! Потом было жалко бросать, родители помогли материально, и худо-бедно теперь Владимир Александрович почти вплотную приблизился к заветному дипломному финишу.

Требования были, особенно ко взрослым дядям и тетям, достаточно либеральные, хотя, конечно, жестче, чем в учебных заведениях МВД. Поэтому те, кто считал, что для получения «корочек» юриста достаточно просто внести в кассу определенную сумму, отсеялись в самом начале.

Иногда, конечно, везло...

– Тебе что осталось?

– Финансовое право, курсовик по гражданскому процессу и этот вот... спецкурс.

– А у меня последний.

– Завидую!

Так уж получалось, что из-за командировок или какого-нибудь очередного городского аврала Виноградов половину экзаменов сдавал по рапортам, индивидуально – или до, или после срока. Были в этом свои плюсы, свои минусы, но в двоечниках Владимир Александрович не числился.

На этот раз сессию с ним почти одновременно досрочно сдавала симпатичная брюнетка лет двадцати, с улыбочивыми глазами и огромным животом.

– О! Звонок... – сообщил Виноградов и тут же понял, что сморозил глупость. Коридор утонул в металлическом дре-

безжании, и не услышать его было в принципе невозможно.

– Спасибо, – вежливо поблагодарила однокашница за информацию, когда звонок прекратился.

Из аудитории на волю выкатился густой поток волосатых, по-детски раскованных и очень неплохо одетых студентов дневного отделения. Это был второй курс, на юристов они походили куда меньше, чем на школьников.

– Ну тьфу-тьфу-тьфу...

– Пошли...

Виноградов и будущая мама предстали перед собравшимся уже было направиться на кафедру преподавателем. Собственно, об этом симпатичном бородаче оба знали только имя, отчество и что ведет он какой-то замысловатый специальный курс, который в практической работе никогда понадобиться не может и введен лишь для общего развития подрастающей молодежи.

– Виталий Аронович!

– Товарищ профессор!

– Я не профессор, – отказался от не законного повышения в звании бородач. – Чем могу служить?

Представились – сначала однокашница, потом и сам Виноградов.

– Зачет?

– Так точно! – бодро отрапортовал Владимир Александрович.

Преподаватель зачем-то переложил из руки в руку дерма-

тиновую папку, посмотрел сначала на стриженую макушку Владимира Александровича, потом на живот его спутницы:

– Та-ак... О чем же вас спросить?

– А вы нас ни о чем не спрашивайте, Виталий Аронович! Ей рожать через неделю, а я двенадцать лет в милиции проработал... – ударил на жалость Виноградов.

Он вдруг сообразил, что бородач просто-напросто хочет в туалет. Времени мало, а впереди еще целый академический час...

– Хотя что-нибудь по предмету знаете?

– На уровне... представления. В общем и целом.

– Давайте зачетки, – махнул рукой преподаватель.

Возвращающиеся на места с перемены студенты-«дневники» завистливо зашелестели: у них бородач имел репутацию зверя.

Проставив где положено автографы, автор спецкурса направился к выходу и уже в коридоре окликнул счастливую парочку:

– Вы все-таки почитайте то, что я на лекциях рекомендовал! Так, для себя...

– Обязательно! Спасибо.

– Да мы читали! – по женской привычке к избыточному вранью присовокупила однокашница.

– Не стыдно? Сама будешь ребенка учить не обманывать... – укорил Виноградов, но в ответ получил только небрежный поворот головы.

– Да ладно... Ты все? Куда сейчас?

– Хотел в деканат, но... – В конце концов, от добра добра не ищут, нагнать не стоило и пытаться поймать еще кого-нибудь с кафедры было бы неприлично. – Ты на колесах?

– Ага. Рвану – на Гражданку, домой.

– До Комсомольской улицы подбросишь? Или до метро?

– Нет проблем!

Внизу, на парковке, она втиснула в узкое пространство между сиденьем и рулем сначала себя, потом живот. Пристроилась поудобнее, завела машину:

– Сейчас поедем.

Салон был под стать автомобилю – такой же новый, ухоженный, чистенький. Марку Виноградов снаружи не разглядел, но это явно было нечто импортное и страшно дорогое: папа будущего ребенка трудился участковым инспектором в звании старшего лейтенанта, недавно приватизировал квартиру напротив Петропавловки и, судя по всему, оказывал услуги жилищной мафии, расселявшей коммуналки в центре города.

Впрочем, не исключено, что коллега просто экономил на еде, питье и ходил только в форме, отказывал семье во всем из любви к заграничным автомобилестроителям...

– Не тяжело тебе за рулем... последнее время?

– Мне сейчас все тяжело, – хмыкнула однокашница. – Не пешком же ходить!

– Тоже верно, – согласился Виноградов, подумав, что, к

сожалению, перед большинством соотечественниц проблема выбора не стоит. Они никогда не столкнутся с трудностями управления автомобилем на девятом месяце беременности. Причем не из-за отсутствия в стране беременных, а из-за ощутимого дефицита индивидуальных легковых транспортных средств.

...Почти точно в назначенное время Владимир Александрович уже мыл руки в офисе на Комсомольской.

– Мы вдвоем?

– Дамы поели. – Евгений Наумович имел в виду сотрудниц бухгалтерии. – Водители тоже... Гостей не ожидается! Вы пьешь?

– Нет, воздержусь. Сегодня еще надо по делам, в пару местечек. – Виноградов придумал это с ходу, без особой цели, но не ошибся:

– Хорошо! Тогда вон – сок в графине.

Евгений Наумович не настаивал даже формально, и это указывало на предстоящий обоим серьезный разговор.

Салат был из морепродуктов, с лимончиком и какими-то экзотическими добавками.

– Изумительно!

– Положи еще, не стесняйся – тут не в ресторане.

За едой говорили только о пустяках.

После пиалы с ухой и украшенной сложным гарниром каспийской осетрины Виноградов сообразил, что сегодня четверг, рыбный день.

Чем дольше Евгений Наумович выдерживал заполненную чепухой и гастрономическими изысками паузу, тем явственнее давала о себе знать затаившаяся где-то под сердцем гостя тревога – тревога человека, побывавшего в своей жизни и дичью, и хищником.

Вопросительно звякнул телефон. За стенкой, в соседней, «девичьей», комнате подняли трубку и почти сразу же положили на место.

– Я проста не тревожить, пока обедаем. Без крайней необходимости. – Хозяин откинулся в кресле, вытянул из пачки сигарету и, прикрыв от удовольствия глаза, исполнил первую затяжку. – Там параллельный, в бухгалтерии...

Виноградов не курил уже вторую пятилетку, и для него обед закончился. Переставив свою и Наумыча посуду на жостовский поднос, он прикрыл образовавшуюся конструкцию белой салфеткой и счел развлекательную часть визита исчерпанной:

– Зачем вызывали-то? Слушаю.

Прямой вопрос требовал, по идее, прямого ответа. Так, во всяком случае, полагал недоучившийся юрист Виноградов.

– Володенька, голубчик... Помнишь, ты мне про того парня рассказывал, которого... который чуть тебя на Кавказе не убил?

– Помню.

Евгений Наумович славился тем, что всегда мог найти в разговоре формулировку, не задевающую собеседника. По-

игрывая интонацией, он продолжил:

– Как его, говоришь, фамилия?

Продемонстрировав паузой явственное нежелание углубляться в тему, Виноградов тем не менее выщедил:

– Батенин.

– По кличке Батя... – уведомил самого себя Евгений Наумович и поинтересовался: – А ты уверен?

– Нет! – почти сразу же отреагировал Виноградов.

– М-да-а... Что же, это естественно, – непонятно за что не то пожалел, не то похвалил хозяин. – Может, выпьешь все-таки?

– Для храбрости?

– Ну что ты! – рассмеялся Евгений Наумович. – Скажешь тоже. Герой Кавказа, боевой майор... Говорят, на тебя представление за последний «заезд» подготовили – орден, кажется.

– Seriously? – против воли порозовел Виноградов.

– Точно! Тут из ваших кадров ко мне с просьбой обращались – не важно кто, – так я поинтересовался, попросил взять на контроль, чтоб не замылили.

– Спасибо. – Владимир Александрович не сомневался, что все услышанное правда, такие вопросы на уровне главка хозяин решал запросто. Он, собственно, и помог в свое время с восстановлением в органах, но... Майор с трудом преодолел неприличное желание поинтересоваться, о каком конкретно ордене идет речь, но сдержал себя – все равно На-

умыч, человек сугубо штатский, ничего в правительственных наградах не понимал. – С меня стакан. Огромный!

– Ла-адно! Ты, кстати, в каких «горячих точках» бывал?

– Да во всех практически...

– По службе?

– Где-то по службе, а где-то... Вы же знаете, я рассказывал. – Действительно, Евгений Наумович был в курсе многих наиболее причудливых изгибов жизненного пути Виноградова,

– Да уж. – Хозяин кивнул. – Везде стреляют... Как помнишь, Вишневский писал: «Такое время – страшно за собак!»

Владимир Александрович вежливо улыбнулся в очередной раз – и промолчал. Собеседнику ничего не оставалось, кроме того, чтобы продолжить:

– Отдохнуть не хочешь? Съездить, развеяться?

– В баню? – нарочито невпопад поинтересовался гость.

– Нет, подальше... В теплые края.

– Так я вроде только что вернулся? Горы, юг, море недалеко... Загар только не очень хороший, если в бронежилете. Зато бесплатно да еще командировочные давали!

– Ты на Кипре был? – не обращая внимания на игривый тон Виноградова, продолжил Евгений Наумович.

– Не был, – честно признался майор.

– Хочешь?

– Ну-у... наверное. Лучше, конечно, в Испанию или, ска-

жем, куда-нибудь в Таиланд, но...

– Есть возможность поехать на Кипр. Это тоже неплохо.

– Наумыч! Я же грамотный, газеты читаю... Знаю, что по сравнению с другими местами дешево там, но даже если один билет туда-обратно...

– Платить ничего не надо. Тебе заплатят!

Окончание фразы повисло в насупленной тишине.

– Надеюсь, – попытался перевести разговор в режим легкомысленного трепана Виноградов, – речь идет не о том, что я понравился какому-нибудь легкомысленному педикю?

– Нет, – покачал головой Евгений Наумович.

– Давайте по порядку! – сдался Виноградов. В любом случае хотя бы из благодарности за шикарный обед выслушать хозяина стоило.

– Видишь ли, Володя... Помнишь, я много раз говорил тебе, что бесплатного сыра не бывает?

– Только в мышеловке, – кивнул Виноградов.

– Да-а... – Хозяин шевельнул пальцем только что раздавленный в пепельнице окурочок, вздохнул и достал из пачки новую сигарету. Продолжил: – Я предлагаю тебе нечто, у самого меня вызывающее определенные сомнения. Более того, я даже не вижу причин, по которым ты мог бы согласиться!

– А зачем тогда предлагать? – Евгений Наумович явно пребывал в затруднении, и гость уже даже немного жалел его.

– Просили...

Это прозвучало так, что Владимир Александрович понял: подробностей не будет. Во всяком случае в данный момент.

– Послушайте, Евгений Наумович... А я могу отказаться от разговора? Еще даже не узнав, в чем дело?

– Да!

– А если узнаю – и откажусь?

– Можешь.

– И мне за это ничего не будет? – усомнился Виноградов.

– Это условие я им поставил сразу же. Поручился... Они согласились.

Майор знал, что гарантии Евгения Наумовича стоят недорого. Очевидно, и партнеры его тоже не дети.

– Излагайте!

– Володя, все очень просто, – оживился хозяин. Начав говорить по делу, он вновь обрел обычную, свойственную блатным «авторитетам» и крупным хозяйственникам конкретность: – Необходимо проверить официальную версию гибели Батенина. По полной программе! Естественно, с выездом на место. В расходах можно не ограничиваться, сроки тоже не регламентированы. Билеты, суточные... все, что надо, – за счет клиента.

– Хм-м! А результат?

– Влияет только на размер гонорара. В случае, если тебе удастся доказать, что история с автокатастрофой липа, – получаешь полностью. Если нет – пятьдесят процентов.

– А сколько это?

Евгений Наумович взял листочек и изобразил цифру в долларах:

– Можно попросить увеличить.

Виноградов прокашлялся: сумма была достаточно велика, чтобы заинтересовать, но и космической запредельностью не поражала. Это внушало доверие, так как те, кто обещает золотые горы, как правило, или «кидают» исполнителя, или просто-напросто уверены, что живым он к ним за расчетом не заявится.

– Соблазнительно!

– Решай сам...

– Два вопроса. Первый – почему я?

– Ты где-нибудь рассказывал про гибель этого Бати?

Владимир Александрович смутился:

– Ну, может, было... Но не особо!

– А я разве не советовал воздержаться? – Евгений Наумович снова был прежним – надежным и мудрым – старшим товарищем, почти наставником. – Язык твой...

– Враг мой, я знаю. – Виноградов почему-то почувствовал облегчение.

– Питер наш – город маленький, информация разносится со скоростью звука, даже быстрее. Второй вопрос?

Владимир Александрович поднял глаза на хозяина и решил, что анализом собственного трепа и самобичеванием займется позже, на досуге.

– Кто заказчик?

– А какая, в сущности, разница?

– Не, Наумыч... Это ведь не вам нужно?

– Не мне.

– Согласитесь, одно дело – взаимное доверие, а другое...

Я уже как-то работал на бандитов, больше не желаю.

– Хорошо... Допустим – так! – Очевидно, версия у Евгения Наумовича имелась. Такая, что не затронет самолюбия Виноградова и позволит ему чувствовать себя борцом за благое дело. – Этот самый Батенин – он был застрахован. На очень – очень! – крупную сумму. Я видел копию страхового полиса... Он действует только на территории России.

Хозяин отметил молчанием паузу, достаточную для того, чтобы Владимир Александрович сам сделал вывод.

– То есть если Батенин погиб на Кипре – хрен с маслом!

– Абсолютно!

– А если я его убил там, в горах...

– То его вдова станет очень состоятельной женщиной.

– Интере-есно... Она заказчик?

– Допустим.

– Во, блин! Убийца мужа на деньги жены доказывает, что это именно он оставил ее вдовой с сироткой на руках? А одного моего свидетельства недостаточно?

– Ну пока не опровергнута версия с Кипром...

– Логично. – Ситуация уже перестала пугать неясностью, слушать Наумыча становилось все забавнее.

Если бы речь еще не шла о собственной шкуре...

Владимир Александрович поморщился:

– Честно говоря, не убеждает.

Хозяин кивнул почти одобрительно:

– Видишь ли, я заказчи... ку сразу по пытался объяснить, что без мотива ничего не получится. А у тебя его нет, так?

– В каком смысле?

– Ну-у-у! Что может заставить майора милиции Виноградова бросить дом, семью, заслуженный отдых – и ввязаться в сомнительную авантюру? – Евгений Наумович поднял вверх указательный палец и тут же согнул его наподобие вопросительного знака: – Что вообще заставляет людей делать подобные глупости?

Не дожидаясь ответной реплики, он продолжил:

– Таких причин – поверь, Володя, – всего три: страх, жадность, тщеславие!

Нечто подобное, почти слово в слово, Виноградов слышал не так уж давно от их общего знакомого, поэтому усомнился:

– А насчет этого... либидо? В смысле насчет баб?

– Похоть, Володя, это всего-навсего производная от первых трех. Подумай, и ты со мной согласишься!

– Наумыч, есть еще патриотизм, чувство справедливости...

– Я не оперирую абстрактными понятиями. Вообще, математические действия с положительными величинами меня никогда не увлекали. Так вот... Пугать тебя нет никакого резона, покупать – вряд ли. Честолюбие? Нет, не тот случай.

– Вы меня прямо в краску вгоняете!

– Ерунда... Словом, я им сразу сказал, что ты не согласишься.

– Скорее всего. – Виноградов посмотрел на часы и решил, что успеет еще заскочить в Гостиный.

– Завидую, – неожиданно вздохнул хозяин.

– Чему это, Евгений Наумович?

– Море, пляж, вино... Все купаются...

– Где – купаются? – напрягся Виноградов.

– Как – где? На Кипре! Плавки не забудь.

– Так вы же сами сказали, что я не...

– Володя... Могу я ошибиться на старости лет? – Хозяин встал и уже на выходе, в дверях, придержал в руке протянутую для пожатия ладонь Владимира Александровича: – Крем от загара здесь не покупай! Там дешевле.

...Можно было дойти до метро пешком, но без зонтика шлепать по лужам и сырости никакого желания не возникло. Виноградов нырнул под жестяной козырек трамвайной остановки и решил подождать.

Будка, в которую набился в ожидании транспорта народ, была старого образца, давно не крашенная, грязноватая, под стать окружающим доходным домам дореволюционной постройки. Но большая – места хватило всем. Владимир Александрович по привычке и отчасти ввиду замкнутости пространства прислушался к разговорам окружающих. В основном это были женщины – возраста среднего и постарше,

усталые уже в середине дня, с кошелками, сумками, пакетами и соответствующей тематикой негромких бесед. Одинокая девица в турецкой коже, перехватив неосторожный взгляд Виноградова, механически поправила шарфик... Капитан космических войск – румяный, отглаженный, – очевидно, преподавал какую-нибудь умную дисциплину в академии, а двое потертого вида инженеров с воодушевлением, но без мата, обсуждали задержку зарплаты за май и возмутительные козни некоего Розенгольца, сдавшего половину НИИ в аренду коммерческим структурам и не желающего делиться с трудовым коллективом.

Владимир Александрович попытался представить себя на их месте – да, скучновато! Да, одно и то же из месяца в месяц, из года в год: дом, работа, дача... Незаметно растущие дети, жена, привычная до зубной боли, дураки начальники. Страсти – только перед телевизором, в теплых тапочках... Зато?

Зато – все ребра целы, и ни одной дырки в шкуре! Профсоюзный подарок к пенсии и далекая тихая смерть на девятом десятке. Как это пелось? «Думайте сами, решайте сами...»

Люди вокруг зашевелились – показался трамвай. Вслед за потоком Виноградов шагнул на мостовую:

– Простите, он к метро идет?

– Нет, раньше поворачивает, на набережную.

– Спасибо! – Майор про себя чертыхнулся и пошел об-

ратно к тротуару, где оставались те, кому этот маршрут не подходил.

– А-а-а! А-х-х... хак!

Сначала Владимир Александрович услышал крик, но лишь потом пронзительный скрежет металла и одновременно несколько тупых ударов за спиной.

– Мама родная...

Прежде чем обернуться, он увидел застывшие лица людей на тротуаре: какого-то старика, офицера... И было от чего!

Трамвай стоял, распахнув темнеющие провалы дверей, – почти у самой кабины, как след от снаряда в линкорной броне, выделялась надорванными краями огромная вмятина. Отброшенный ударом грузовик развернулся почти поперек проезжей части, а пространство за ним и вокруг него было заполнено страшно неподвижными телами.

Несколько мгновений не шевелились и те, на чьих глазах произошла трагедия, – пассажиры трамвая, прилипшие к окнам, люди на тротуаре... Потом кто-то кинулся к пострадавшим, кто-то, нырнув в телефонную будку, накручивая нужные номера, кто-то тянул на себя дверцу кабины... Капитана космических войск вытошнило. Суматошные крики и ругань сменились командами случайных медиков, а Владимир Александрович уже вглядывался в белое от страха лицо водителя:

– Пьяный, сука?

– Нет! – И это было, судя по всему, правдой. Парню успе-

ли разбить лицо, и теперь он пытался утереть рукавом вытекающую из носа кровь. – Тормоза...

– Чего?

– Тормоза! Мокрая дорога... Мок-рая-я! – Он был еще в шоке, способном в любую секунду смениться истерикой.

– Ну-ка, граждане! Ну-ка! – Виноградова оттеснил старшина-гаишник. – Так... Документы?

Второй милиционер уже записывал данные свидетелей.

В «скорую помощь» грузили тех, кого еще можно было спасти, – девчонку в кожаной куртке и седую пенсионерку с черным месивом вместо лица. Трое – оба инженера и еще одна женщина с сумкой – в помощи уже не нуждались. То, что от них осталось, прикрыли материей и пока не трогали.

Вот так – думайте сами, решайте сами...

Еще не добравшись до дома, Виноградов знал, что завтра позвонит Евгению Наумовичу.

И вовсе не для того, чтобы отказаться.

Глава третья

Дышите глубже – это даром. За все остальное вы будете платить, и еще не ясно, насколько понравится вам ваша будущая покупка.

Е. Зубарев «Милицейская академия»

Первое отчетливое ощущение Владимира Александровича на Кипре – это ощущение зябкой прохлады, этакого простудного сквозняка. Сонный, разморенный четырехчасовым перелетом, он почти сразу же очутился в огромном, залитом белым пронзительным светом досмотровом зале аэропорта. На полную мощь, но практически бесшумно гоняли воздух кондиционеры, доводя температуру до приемлемых градусов, отчего и казалось настроенным на тропическую жару пассажирам, что вовсе и не так страшен черт, как его малюют... Одна мамаша даже вытянула из пакета упрятанную туда еще в самолете вязаную кофточку и заставила крохотную девчушку одеться.

– Во, народ! Еще хуже, чем наши, – выругался вставший сразу же за Виноградовым мужчина – пузатый, с огромной золотой цепью «Кайзер» на шее.

– А, везде одно и то же, – с видом бывалого странника согласился Владимир Александрович. – Бардак...

– Не скажите! Немцы бы, к примеру, никогда такого не

допустили. Там порядок – будьте нате...

Действительно, две огромные очереди вызмеились от кабинок иммиграционной службы до самого выхода на летное поле. Не то чтобы они совсем не двигались, но оба инспектора выполняли свою работу с такой равнодушной неторопливостью, с таким неторопливым равнодушием, что казалось, простоять здесь придется не меньше часа.

– Нет чтобы еще пару человек посадить! – Пузатый показал на пустующий ряд нумерованных кабинок.

– Вы торопитесь?

– Нет, но...

– А к этому что – нельзя? – поинтересовалась дородная тетечка рыночного вида.

– Там только для тех, кто с европаспортами, – развеял иллюзии соотечественницы насчет сидящего под соответствующей табличкой киприота в форме паренек с плеером. Инспектор, о котором шла речь, скучал в одиночестве – рейс был чартерный, прямо из Питера, и ни граждан Европейского Сообщества, ни даже дипломатов не наблюдалось.

– Мог бы, наверное, подключиться...

– Ага, как же! Очень ему надо из-за русских задницу отрывать, – опять возмутился пузатый. Судя по носу, он был не совсем чтобы уж очень русским, но...

– Зря вы так! Здесь к нам очень даже неплохо относятся.

– А вы не первый раз?

– Второй, – улыбнулась вступившаяся за местное население.

ние блондинка в очках.

– Простите, а за визу платить надо?

– Нет, сейчас прямо поставят – и все!

– Вы знаете, я еще хотела спросить...

Удивительно, но уже минут через двадцать Владимир Александрович протягивал свой паспорт для регистрации.

– Плиз! – Инспектор неторопливо поднял на Виноградова смуглое и довольно симпатичное лицо, подождал чуть-чуть, а затем очертил в воздухе нечто напоминающее прямоугольник.

– Что, простите?

– Анкету ему дайте, – подал голос парень в наушниках.

– А-а! Конечно. – Владимир Александрович протянул забытую среди разных второстепенных бумажек анкету, которую все заполнили еще в полете.

Не глядя, киприот сунул полученный бланк в общую кучу, а сам тем временем взял вложенную в паспорт вывозную таможенную декларацию Виноградова. Сумма, которую имел при себе турист, была сочтена инспектором вполне достаточной.

– Тикетс?

Владимир Александрович продемонстрировал обратный билет на самолет, после чего, получив штампик в паспорте, перетащил свой багаж на территорию Кипра.

Миновав последовательно полицейского с не очень новым автоматом и сонной физиономией, «зеленый» таможенный

коридор и толпу туристических агентов, увешанных табличками с названиями фирм и отелей, Виноградов поменял на фунты полсотни долларов. Курс был, само собой, грабительский, но чужую валюту здесь брали не везде и, как слышал Владимир Александрович от знакомых, без особой охоты.

– Такси?

Сразу за стеклянными дверьми аэропорта начиналась огромная, увенчанная куполом звездного неба... парилка. Влажный, горячий воздух окатывал каждого выходящего с головы до ног, проникая до глубины беззащитного обмякшего тела. Запахи – пряностей, моря и – странно! – березовых веников – ощущались как нечто материальное, имеющее вес и объем.

Владимир Александрович замер на мгновение, привыкая к обрушившемуся на него шквалу ощущений.

– Такси? – повторили над ухом.

Законы «отстоя», наверное, незыблемы – они не зависят от климата, языка, политической системы. Точно так же сейчас где нибудь в Пулкове-2 или заснеженном Усть-Илимске толпится в ожидании клиентов могучая стая «извозчиков», ревностно оберегая свою территорию от посторонних и следя, чтобы очередь на выгодную работу продвигалась честно.

В этот раз повезло неопрятному толстяку в расстегнутой до пупа рубашке – его собратья по водительскому цеху дисциплинированно держались в сторонке. Следующий за толстяком таксист уже отделился от них и высматривал на выходе

очередного пассажира-иностранца.

– Пафос? Лимассол?

– Ноу! Ларнака.

Толстяк не расстроился – конечно, поездка отсюда в другие города на побережье выгоднее, но и в самой Ларнаке можно заработать.

– Отель? Йес? – Он уже завладел виноградовской сумкой и вертел головой в ожидании, пока Владимир Александрович не растолковал, что приехал один и без лишнего багажа.

– Рашен? – поинтересовался толстяк, направляясь к расположенному неподалеку паркингу.

Виноградов кивнул – сам он лично ничего плохого в этом не видел, а таксисту по большому счету было все равно.

Машина оказалась хоть стареньким, но «мерседесом». Владимир Александрович автоматически обошел ее справа, но, натолкнувшись на радостный хохот привычного к этому аттракциону таксиста, сообразил, что лезет за руль: он не то чтобы не знал, но как-то не вовремя забыл, что на острове, бывшей британской колонии, левостороннее движение.

Оставалось только дожидаться, пока толстяк захлопнет багажник и откроет пассажиру дверцу...

По местному времени близилась полночь, и духота отступила – а может быть, просто Виноградов, привыкший к еженедельным походам в «динамовскую» баню, понемногу адаптировался. Водитель что-то спросил на ломаном английском, и Владимир Александрович извлек из кармана открыт-

ку с рекламой. Услышав цену, он поначалу крикнул – это оказалось раза в полтора дороже, чем обещали в туристическом бюро, – но потом сообразил, что платит не из своего кармана, и кивнул.

Стоило, наверное, поторговаться, но за закрытыми окнами таксомотора уже мелькала экзотика: кипарисы, пальмы, подсвеченные прожекторами развалины древних строений и бесконечная череда неповторяющихся харчевен, кафе, ресторанчиков... Виноградов расслабился и стал получать удовольствие.

Добирались недолго, на удивление.

– Плиз! – Толстяк развернулся напротив многоэтажной «Принцессы», отеля, освоенного русскими туристами в числе первых, и направил машину в укромную улочку. Эта улочка, скорее даже не улочка, а переулок, сплошь состояла из миниатюрных, довольно красивых, но слишком похожих один на один коттеджей.

– «Эва-Крист апартаменте»!

Судя по транспаранту над входом в ближайший из домиков, это действительно были так называемые апартаменты. Эва, хозяйка их, сдавала туристам, не склонным терпеть гостиничный сервис и скученность, одно-, двух – и трехкомнатные квартирки в отдельно стоящих коттеджах. Это выходило несколько дороже, но удовольствие иметь собственный крохотный дворик с террасой и не просматриваемый приглугой вход того стоило.

– Хэллоу! – К принимавшему от водителя свою сумку Виноградову уже семенила крепенькая, даже в темноте заметно загорелая женщина – уже не молодая, но и не старуха. Со всем по-деревенски она протянула Владимиру Александровичу ладошку лодочкой: – Эва! Мистер Виноградов?

Они поздоровались, улыбнулись друг другу и заговорили по-английски, демонстрируя примерно одинаково средний уровень владения этим языком межнационального общения. Впрочем, словарного запаса пока хватало, а насчет грамматики можно было не тревожиться.

Зарезервированные для Виноградова еще из Питера по телефону апартаменты оказались в ближайшем коттедже. Эва толкнула не запертую по местной традиции дверь с медной цифрой «2», и гость оказался в уютно обставленной, безупречно чистой двухкомнатной квартирке. Здесь было все, что надо, – от микроволновой печи и кондиционера до видеодвойки тайваньского производства. Впечатляла кровать – обширная, аккуратно застеленная фиолетовыми простынями. Хозяйка продемонстрировала, где что включается, распахнула дверцы стенового шкафа и даже для ясности спустила воду в унитазе. Убедившись, что постоялец попался не дикий, понятливый, она вручила Виноградову ключ и ушла, не попрощавшись.

Владимир Александрович пожал плечами – может, здесь так принято? Вынул из сумки необходимое, повозился, осваивая управление кондиционером, включил душ...

В окно деликатно, но требовательно постучали.

– Йес? – Собственно, он никого не ожидал.

– Сорри! – Это оказалась опять Эва, точнее – ее рука с полиэтиленовым пакетом, показавшаяся в отошедшую на полосьях стеклянную ставню.

Гость подхватил передачу и заглянул внутрь: банка пива из холодильника, зелень в шуршащем целлофане, половина оттаявшей пиццы. Запоздало высунувшись, чтобы поблагодарить, он разглядел только исчезающий за кустами силуэт Эвы.

Ужин был как нельзя кстати, вне зависимости от цены, решил Виноградов – только наутро узнав; что платить ничего не требовалось. Просто добрая женщина Эва придерживалась принципа: бизнес бизнесом, но гость не должен ложиться спать голодным! Традиции семейного пансиона...

Но об этом Владимир Александрович узнал потом, а сейчас он помылся, поужинал и выключил свет. Прежде чем рухнуть в кровать – проверил защелки на окнах и на два оборота запер замок.

* * *

Собственно, никакого особого плана действий у Виноградова не было. Он так и сказал тогда, в конторе у Евгения Намовича, ушастому хлопцу, представителю заказчика.

Кроме оттопыренных ушей и добротного финского костюма-тройки, собеседник обладал неожиданно густым басом:

– Но вы согласны?

– Да... не знаю вашего имени-отчества.

– Неважно! – отмахнулся ушастый. – Условия вас устраивают? Что-нибудь не ясно?

Виноградов покосился на дверь, за которой скрылся хозяин:

– Почему именно я?

– Видите ли... – Собеседник оказался готов к ответу. – Видите ли, у вас есть уже вполне конкретное, предвзятое, я бы сказал, мнение об исследуемом предмете.

– Это хорошо?

– В нашем случае – да, безусловно! Вы будете постоянно, почти независимо от желания, выискивать детали, которые другой просто не заметил бы. Детали, факты, намеки на факты, которые подтвердят, что там, в горах, вы не обознались – и что с головой у вас все в порядке.

– А может, я ошибался – там?

– Вряд ли! Надеюсь, что нет.

– Располагаете информацией?

– Да, определенной... Но вам пока ее знать не обязательно – чтобы свежесть, так сказать, картинки не утратить.

– Вы усложняете мне задачу!

– Мы неплохо платим, – парировал ушастый.

Спорить с этим было неразумно:

– Деньги – не главное. Репутация дороже...

– Кто же спорит? Поверьте, вас не упрекнут в любом случае. Если бы мы сомневались в порядочности и добросовестности майора Виноградова, мы поискали бы другие пути.

– Приятно слышать. Я могу побеседовать с вдовой?

– Увы! – Кажется, собеседник не врал. – Ее нет сейчас в городе... Возьмите вот это.

Владимир Александрович взвесил на ладони желтый, распухший от содержимого конверт, по размерам не уступавший машинописному листу:

– Что здесь?

– Билеты, деньги... Кое-что из бумаг насчет пребывания господина Батенина на Кипре. По сути все, что касается официальной версии.

– Хорошо! – щелкнул Виноградов замками «дипломата». – Но не исключено, что мне понадобится кое-что уточнить. Как мы свяжемся?

Ушастый, однако, тоже был профессионалом:

– Через Евгения Наумовича. У вас ведь есть все его телефоны?

– Я могу передавать через него информацию?

– Нет, не стоит – Евгений Наумович просто оказал любезность, познакомил нас... Он знает, как и где меня разыскать! Зачем забивать человеку голову?

– Если со мной что-то случится?..

– О семье позаботятся! – . Ушастый встал, показывая, что беседа подходит к концу. – Желаю удачи! Возвращайтесь скорее, мы ждем.

...И теперь, не спеша потягиваясь на смятых за ночь простынях, Владимир Александрович решил плясать, что называется, от печки. Впрочем, та печка, на которую стоило ориентироваться, находилась, судя по всему, не здесь, а в покинутом вчера дождливом Петербурге.

Желтый конверт не содержит в себе даже намека на ответ: с чего это вдруг «бизнесмен» и глава «ветеранов» Батенин посреди года решил отойти от дел и погреться на солнышке? Однако вопреки предположению Владимира Александровича и сам Следков, и еще один давний виноградовский «контакт» в ассоциации нисколько поступку соратника не удивлялись – «система» работала, стабильно принося доход, серьезных конфликтов давно уже не возникало, и Батя последние месяцы жаловался, что становится скучновато. Хотел развеяться... Несколько удивил выбор места отдыха – обычно братва снимала напряжение где-нибудь в секс-шоу Бангкока или в европейских казино, а Кипр скорее пользовался репутацией острова семейного, не богатого экзотическими страстями. Но, в конце концов, ни в душу, ни в кошелек товарища заглядывать в среде серьезных людей не принято.

Тем более что, по мнению девушки Марины из туристического агентства, осенью на Средиземном море еще даже

лучше, чем в разгар сезона:

– Жара спадает... а цены – просто смешные!

Среди документов, полученных Виноградовым от ушастого, была и копия счета на фирменном бланке со стилизованным глобусом и надписью «ИНТЕРМИР». Владимир Александрович позвонил по указанному в уголке телефону и уже через несколько часов после расставания с заказчиком попивал кофеек в небольшом, но красиво обставленном офисе.

– Знаете... говорят, все-таки одному скучновато.

– В каком смысле?

– Ну через вас, наверное, в основном семейные пары оформляются? Или группы туристические?

– Как правило – да! Но не только. Бывают и индивидуалы вроде вас.

– Неужели – мужики молодые?

– Да, вот как раз недавно... Отправляли.

– Высокий такой? Батенин?

– Да, вроде... – Марина пожалала красивыми плечиками. – Я уж не помню. Очень много народу.

– А тот, который один был, – он надолго ездил?

– Стандартный тур – две недели.

– Созвониться бы с ним, поспрашивать – как там, что?

Сотрудница фирмы приняла любопытство майора за обыкновенную осторожность клиента, не желающего отдать деньги в ненадежную контору, о которых так много пишет

пресса последнее время.

– Да вы не волнуйтесь! Мы уже пятый год работаем. Практически без жалоб... Многие по второму, по третьему разу приходят.

– А как все-таки насчет того, который вроде меня был, одинокий? Не заходил, когда вернулся?

Девушка улыбнулась:

– Нет! Это вообще редкий случай, что бы кто-нибудь после отпуска заглянул, – естественно, другие заботы... Появляются, только если недоразумения возникали или претензии.

– Я обязательно загляну.

– Будете оформляться?

– Конечно! Вы меня так сагитировали...

– Тогда минуточку! – И Марина упорхнула куда-то за стойку. – Сейчас я документы принесу.

Пока Виноградов рассматривал пестрые, сочащиеся красками и светом рекламные плакаты экзотических маршрутов, она деловито и споро заполнила несколько бланков.

– Вам на какое число билет?

– У меня уже есть... на послезавтра.

– А зачем же тогда?.. – удивилась Марина.

– Видите ли, я, как авиационный метеоролог, имею право лететь бесплатно – раз в три года. – Владимир Александрович врал от души, но вряд ли девушке придет в голову перепроверять. – Мы, полярные летчики, пользуемся льготами...

Ну вот, я и решил на Кипр выбратсья.

– Правильно, – не очень уверенно кивнула Марина.

– Но дорога – это же полдела! А там что? Куковать самому по себе? Не-ет... Я уж лучше вам заплачу – за гостиницу, на счет питания, культурной всякой программы... Можно это?

– Разумеется! – Такой вариант устроил бы любое туристическое агентство, – Сейчас мы выберем, как лучше.

В оживленном диалоге выяснилось, что питаться Виноградову при его потребностях и деньгах стоит самостоятельно, а жить исключительно в Ларнаке, в пансионе у некоей госпожи Эвы.

– Это что – ваши партнеры?

– Да, очаровательная женщина. Очень честная, чисто-плотная... Я вам сейчас буклетик дам.

– Красиво! – Под фотографией утопающих в зелени коттеджей у самого моря были указаны факс, телефон и рекламный текст, сулящий гостям пансиона «Эва-Крист апартаменты» длинный-предлинный перечень услуг. – Все правда?

– Конечно. Я сама у нее останавливалась.

– Верю! Вы его всем рекомендуете?

– Почти всем. Кстати, тот молодой человек, который вас интересовал, – он тоже у Эвы останавливался.

– Вот как? Тогда оформляйте! – Владимир Александрович откинулся в мягком кресле, чувствуя себя хозяином жизни. – У вас, наверное, интересная работа...

– Да, – согласилась Марина. – И платят неплохо. Вот еще

что... Как вы о нас узнали?

Она взяла из лежащей на столике стопки бланк чего-то напоминающего листок социологической анкеты. Виноградов видел такие в больших магазинах – на основании полученных данных оценивается эффективность различных видов рекламы.

– Я? Да... друг рассказал.

– То есть от нашего бывшего клиента? А куда он ездил?

– Куда-то... в Майами! – наугад, ориентируясь на развешанные по стенам плакаты, парировал Владимир Александрович.

И не промахнулся – кивнув, девушка сделала пометку.

– А в газетах, по радио... не слышали?

– Нет: Я не очень-то насчет прессы.

– Хорошо, спасибо. В принципе, большинство так и приходит – по рекомендации. Хотя некоторые иначе поступают – берут рекламу туристических фирм, обзванивают...

– И выбирают вас?

– Как правило! Потому, что у нас имя, репутация... и билеты самые дешевые в городе.

Виноградову захотелось поинтересоваться насчет Батенина, но он сдержался – во-первых, Марина вряд ли запомнила, что писала в его опросном листке, а во-вторых, покойник мог и не сказать правду.

– Вы не собираетесь, кстати, в круиз? На теплоходе? Израиль, Египет, греческие острова? – вспомнила девушка.

– А можно?

– Да почти все катаются! Без всяких виз...

– Дорого это? – выбился из «легенды» Владимир Александрович, но девушка ничего не заметила.

– Что вы... Вот прайс-лист – это, учтите, цены здесь. Там, в местных туристических агентствах, значительно дороже получается, поверьте! За счет того, что мы заранее дешевые каюты выкупаем, со скидкой.

– Неужели дешевле?

– Раза в полтора! – Марина думала, что Виноградов сомневается в ее искренности, но в действительности майор просто жалел, что даже приблизительно не может себе представить своего расписания на Кипре. В конце концов, решил он, куплю билеты там – чего экономить, деньги-то неподотчетные...

– Спасибо, Мариночка, но... Пока не готов. Морально!

– Жаль, – искренне огорчилась девушка. – Помянете меня, но поздно будет. Да, между прочим...

Она что-то вспомнила и назидательно покачала головой:

– ...Между прочим, тот, ваш предшественник, он тоже отказался, я запомнила. Теперь, наверное, себя ругает!

– Отказался?

– Да! Он ведь единственный, кроме вас, был, который не воспользовался. Остальные все предпочитают экономить – даже, поверьте, самые состоятельные.

– Видите ли, Марина... Я там, возможно, с друзьями по-

встречаюсь. Жаль будет, если планы пересекутся. Представляете, мне в круиз – а у них билеты на другое число?

– Да, действительно, – согласилась девушка. – Обидно...

Кстати, тот мужчина тоже что-то в этом роде говорил.

Они побеседовали еще минут десять, Владимир Александрович внес по приходному ордеру необходимую сумму и выпил чашку кофе.

Фактически командировка началась, отступить было поздно.

– Всего доброго, Мариночка!

– До свидания, приходите еще!

– Непременно...

Это происходило несколько суток назад, и теперь Виноградов мог убедиться, что девушка не приукрашивала – ни насчет климата, ни насчет гостеприимства хозяйки апартаментов.

Поначалу Владимир Александрович только хотел поинтересоваться, что Эва посоветует насчет завтрака и вообще питания – чтоб не слишком дорого, но прилично. По местному времени шел уже десятый час, сразу за порогом выстуженного кондиционером холла начиналось тягучее марево – без солнцезащитных очков приходилось щуриться, и Виноградов почти бегом преодолел по белым, прожаренным утренним зноем дорожкам расстояние от своего коттеджа до офиса. Отдыхающие давным-давно отлеживались на пляжных циновках после очередного купания, служащие и торговцы

укрылись от зноя, поэтому Ларнака производила впечатление брошенной декорации.

По шоссе, на значительном удалении, беззвучно неслись разноцветные автомобили.

– Хэллоу!

– Монинг! – Хозяйка при виде приближающегося постояльца раздвинула матовые створки двери и пропустила его внутрь. – Хау а ю?

– Файн!

Подчиняясь настойчивому жесту Эвы, Владимир Александрович уселся за столик. Откуда-то из подсобного помещения вынырнула прислуга-филиппинка, сноровисто подала прибор, ветчину, какие-то тосты, джем... Поставив перед хозяйкой большую фаянсовую кружку кофе, без слов подхватила ведро и швабру – и вышла на улицу.

Виноградов кивнул – от соседа в самолете он слышал, что азиаток на Кипре работает бесчисленное множество. За гроши, не только по здешним, но и по российским меркам, эти женщины исполняют любые прихоти хозяев. Абсолютно! Впрочем, если исходить из внешних данных именно этой филиппинки, то майор предпочел бы, чтобы она ограничилась только уборкой комнат...

Эва оказалась человеком общительным, но практичным. Сразу же пояснив, что за завтрак платить не надо, она дала новичку несколько ценных советов относительно пляжной экипировки, режима солнечных ванн и культурной програм-

мы. После чего, вооружившись страничкой блокнота и ручкой, продемонстрировала Виноградову свои расчеты.

Сумма была даже чуть меньше, чем его предупреждала Марина, – это, несмотря ни на что, радовало. Владимир Александрович поинтересовался, когда необходимо заплатить, и получил ответ, что раньше принято было рассчитываться перед отъездом, но с некоторых пор... Вполне естественно беседа перетекла в русло воспоминаний о том милом молодом человеке, который погиб, не дожив до конца отпуска.

После того как гость сообщил, что покойный господин Батенин приходился ему чуть ли не одноклассником, Эва даже прослезилась. Нисколько не усомнившись – очевидно, она полагала, что Питер – это нечто наподобие курортной Ларнаки, где все местные знают друг друга, – хозяйка достала со стеллажа внушительных размеров папку. Наряду с целой кипой каких-то счетов и квитанций, скрепленных зажимом, лежала пачка газетных вырезок. Вежливо пробежав глазами столбцы греческого и английского шрифта, Владимир Александрович мысленно выругался по адресу целомудренной местной прессы – ни одного крупного плана на фотографиях, никаких обезображенных тел и кровавого месива. Впрочем, копии большей части этих статей уже лежали в том самом конверте, который майор получил от ушастого...

А вот еще один листок, подколотый к вырезкам, Виноградова заинтересовал. Это был отпечатанный на принтере

по-английски список вещей – на двенадцать позиций. В числе прочего указывались: обувь различная – три пары, белье мужское – три пары, ваза сувенирная, электробритва... Реквизиты красивого бланка и подпись внизу свидетельствовали, что документ составлен и заверен вице-президентом туристического агентства «МИНИТУРЗ».

Владимир Александрович обратил внимание на дату, и Эва подтвердила – да, эти господа приехали на второй день после гибели русского. Рассчитались за проживание господина Батенина, собрали его имущество... Там был и сотрудник из консульства, он даже хотел оставить визитку, но как-то забыл. Почему именно «МИНИТУРЗ», а не постоянные партнеры Эвы из Санкт-Петербурга? А какая разница? Да, господин Батенин приехал от «ИНТЕРМИРА», но у этой фирмы нет здесь представительства. Тем более что соотечественник Виноградова незадолго до гибели пользовался услугами «МИНИТУРЗ»...

– Реалли?

– Йес! – кивнула хозяйка. И пояснила Далее, что господин Батенин не все время жил у нее, только два дня, по приезде. А потом, как большинство туристов, заказал круиз – морской, на шикарном лайнере... Куда? Он сказал, что самый дорогой: почти по всему Средиземному морю – Египет, Израиль, греческие острова... Фактически после возвращения из путешествия она его и не видела. Но пусть господин Виноградов поймет правильно – апартаменты все равно про-

стаивали, она их никому сдать не могла бы, поэтому даже сотрудники агентства не возражали против полной оплаты проживания...

Владимир Александрович заверил, что все понимает правильно, запомнил адрес и телефон «МИНИТУРЗ» и вернул бумаги Эве. После чего, узнав, что все присутственные места в Ларнаке скоро закроются и вновь начнут обслуживать туристов не раньше, чем спадет жара, то есть часа в четыре, гость почувствовал себя относительно свободным и решил прогуляться до пляжа.

– О, гуд лак! – пожелала удачи госпожа Эва и повторила в который раз рекомендации относительно ласкового, но коварного кипрского солнца.

...Это было, конечно, чудо.

Все равно никогда не опишешь всей прелести, пышного великолепия южного моря – тому, кто не видел сам. А тот, кто побывал здесь, в колыбели цивилизаций, – и сам через многие-многие годы, закрыв глаза, представит себе: изумрудные волны, прибой, голубое прозрачное небо... Солнечный свет заливает открыто-сказочным глянцем золотистые пляжи древней бухты, опоясанной утонувшими в зелени белыми силуэтами многоэтажных отелей. Частые россыпи разноцветных зонтиков, яхты, пятно парашюта над акваторией.

Виноградов нашел себе место напротив стоянки для водных велосипедов и расстелил презентованную хозяйкой на

первое время соломенную циновку. Денег, обмененных в аэропорту, хватило в аккурат на вчерашнее такси и покупку крема от ожогов.

Доллары – дикие люди! – никому здесь нужны не были, а обременять очередной просьбой Эву гость постеснялся.

Жалея, что нет возможности спрятать глаза за темными стеклами солнцезащитных очков, Владимир Александрович оглядел публику. В основном это были семейства откуда-то из Европы, с детьми и походными холодильниками. Девицы и дамы постарше лежали «топлесс», абсолютно голых не было, но тут и там выделялись намокшими футболками те, кто по жадности к солнечным ваннам успел обгореть. Местные парни-спасатели бронзовели мускулатурой и о чем-то хихикали с группой бесцветных веснушчатых учениц из Голландии.

Шум прибоя то и дело перекрывал детский визг, отовсюду слышались обрывки немецкой, русской, английской речи. Где-то неподалеку, в рыбном ресторане, приемник передавал концерт нежной и томной греческой музыки.

Виноградов посмотрел вслед военному вертолету, возвращающемуся на британскую базу под Айя-Напой, отжался от мелких камешков пляжа и побежал навстречу волнам...

...Оповещать о своем визите заранее он не стал. По пути в «МИНИТУРЗ», оказавшийся практически в паре кварталов, Владимир Александрович прикупил на полученные в банке фунты бутылку «Святого Пантелеймона», путеводи-

тель и сувенирную кепку-бейсболку с очертаниями острова Афродиты.

Если бы не белые волосатые колени под шортами, он ничем не отличался бы от приморских плейбоев. Несколько натирала стопу не обношенные еще резиновые шлепанцы, безрукавка навывпуск расцветкой напоминала последствия взрыва на складе художников-авангардистов, очки же скрывали не только глаза, но добрую половину щек. Трудно сказать, на кого сейчас был похож Виноградов – но уж точно не на слугу правосудия. Даже Крокетт и Таббс из «Полиции Майами» не позволяли себе выглядеть такими идиотами.

– Хэллоу!

– Хэллоу! – расплылся в улыбке поднявшийся навстречу парень. И тут же перешел на русский: – Добрый вечер. Как дела? Присаживайтесь.

Он говорил без всякого акцента, и это почему-то не удивило Владимира Александровича:

– Нормально...

Конечно, изображать чужака перед собственными соотечественниками было глупо – все равно распознают вмиг. Да и не только свои! Виноградов помнил, как из почти двух тысяч пассажиров балтийского парома именно его, двух негров и бородатого наркомана остановил для проверки документов шведский полицейский в порту: для остальных, цивилизованных пассажиров, формальностей не существовало. Уже пытались объяснить это с точки зрения ментальности

либо пассионарности... Но, по мнению Владимира Александровича, дело все было просто-напросто в сквозящем в каждом жесте, движении, выражении глаз осознании случайности собственного нахождения за пределами необъятных просторов Родины. Находясь где-то вне государственных границ, россиянин ежесекундно готов к тому, что стальная рука государства вдруг водворит его обратно. И станет карать – за провинность или же просто так, чтоб другим неповадно было...

– Кофе? Сок?

Прежде чем войти, майор по привычке понаблюдал за объектом – стандартный офис, красивая табличка у единственной двери, в окнах по обе стороны рукописные объявления, сулящие скидки на туры. Аж до сорока процентов! Виноградов прикинул – все равно получалось дороже, чем питерские цены, о которых рассказывала Мариночка.

– Да, кофейку, если можно.

– Почему же нет? – Молодой человек, служащий фирмы, был под стать помещению. Современный, корректный, при белой рубашке и редком на этих широтах галстуке. – Меня зовут Николай!

– Очень приятно. Владимир!

– Секундочку...

Пока Николай копошился с «Ровентой» и крекерами, посетитель успел оглядеться пообстоятельнее. Набором рекламных буклетов и красочной наглядной агитации на сте-

нах контора ничем почти не отличалась от тысяч и тысяч таких же туристических офисов по всему миру. Впрочем, имелось необходимое: факс, телефоны, компьютер... Кондиционер позволял не растечься по креслу.

– Прошу! Сахар, сливки – по вкусу.

Николай был загорелым курносым блондином и походил почему-то на морского пехотинца.

– Благодарю... Я, собственно, по делу.

– Догадываюсь, – улыбнулся Николай. – Чем можем помочь?

– Можете... Вы кто по должности?

Собеседник удивился:

– Вице-президент агентства... А что?

– Ваша фамилия Круглов?

– Да! – Николай насторожился, но по-прежнему держал на лице профессионально-заботливое выражение.

– Это вы забирали вещи господина Батенина?

– Какого Батенина? – чувствовалось, что вопрос застал сотрудника туристического агентства врасплох.

– Вещи из апартаментов «Эва-Крист»... Не помните?

– А-а! Конечно, конечно. Но... простите, а вы?..

– Управление уголовного розыска. Министерство внутренних дел, Москва! – Виноградов для солидности кашлянул. – Под отдел по внешним расследованиям.

Тут он мог врать без зазрения совести и страха – никто, даже действующие милиционеры, не могли бы с уверенно-

стью утверждать, что представляют себе структуру собственного министерства. Если уж госбезопасность пять раз поменяла названия...

– О! – уважительно поднял брови посерьезневший Николай. Но на всякий случай поинтересовался: – А насчет... удостоверения?

– Шутите? – посмотрел на него Виноградов. – Кто же позволит с собой за кордон ксивы таскать? Ну вы даете! Вот...

Он извлек из бумажника сложенный вчетверо листок. Это оказалось уведомление в адрес министра внутренних дел Республики Кипр о необходимости оказывать содействие инспектору по особо важным делам господину Виноградову В. А. в проведении мероприятий в рамках запроса Интерпола номер 658/242-бис. Текст был набран по-английски с приемлемым количеством помарок, внизу красовалась подпись некоего начальника подотдела и плохо читаемая печать.

Впрочем, бланк Российского бюро Интерпола являлся подлинным, хранившимся в качестве сувенира у Владимира Александровича с начала девяностых. Все остальное под руководством Виноградова исполнила одна из сотрудниц Евгения Наумовича в день перед вылетом.

Вице-президент проникся серьезностью визита:

– Я к вашим услугам!

Виноградов аккуратно сложил свой мандат и принял хозяйскую позу:

– Несколько вопросов... Нет, не волнуйтесь, к вам ника-

ких претензий! Чистая формальность.

– Знаете, – смущенно вздохнул Николай. – Все-таки несколько неожиданно. Кто-то из наших клиентов?

– Да. Вы забирали вещи господина Батенина?

– Да, я лично.

– По чьему указанию?

– Нам позвонили из консульства... Кстати! Этот работник консульства потом ездил со мной, присутствовал.

– Как его фамилия?

– Не помню сейчас... Зовут – Михаил, кажется. Где-то должна быть визитная карточка.

– Где сейчас вещи?

– Я их ему передал для отправки в Россию. По линии Министерства иностранных дел.

– Да, все правильно, – с умным видом искушенного в протокольных тонкостях «международника» кивнул Владимир Александрович. – Как положено... Ничего необычного в вещах не заметили?

– Нет, по-моему... Как-то не обратил внимания.

– Ладно! Давайте с самого начала. Когда вы впервые увидели этого Батю?

– Кого, простите? – Провокация не удалась.

– Батенина... Я потом объясню.

– Он появился... Да вы пейте кофе, остынет!

– Спасибо! Я люблю не очень горячий. Так когда?

– Он пришел так же, как вы... Жил недалеко; очевидно,

прочитал объявление в газете или рекламу увидел снаружи.

– Вы, Николай, что – все время в офисе?

– Да, практически постоянно. Видите ли... Вице-президент – это так, для солидности. Нас двое всего здесь в Ларнаке – я и местный коллега. И прислуга, конечно, – приходящая.

– Я понимаю! Вы давно из России?

– Второй год уже живу, – ответил собеседник и сразу же вскинулся: – Все официально, женился! Так что никаких...

– Ой, ради Бога! Я по другому департаменту.

– Да, понимаю... Так вот, он пришел, поздоровался, захотел купить тур. Платил наличными.

– Когда он пришел?

– Момент. – Николай заметался между полкой с документами и собственным столом. – Где же... где же? А, вот!

На компьютерной карточке значилась дата – следующий день после прибытия Батенина на остров. Оплата за восьмисуточный круиз оказалась вполне приемлемой – с учетом скидок и еще каких-то льгот получалось сопоставимо с питерскими ценами.

– Недорого!

– Рекомендую, – оживился Николай. – Вы сами – надолго?

– Как получится. На неделю, может – меньше.

– Есть отличные туры в Израиль – всего двое суток! Возможно, для вас сделаем вообще почти бесплатно, все-таки не каждый день мен... простите, сотрудники милиции наве-

щают.

– Не знаю, – вздохнул Виноградов. – Хотелось бы, но...

– Попробуйте, вот расписание пассажирских судов. – Теперь Николай чувствовал себя в своей тарелке. – Мало ли, вдруг выкроите время? Это же сказка! Вы где остановились?

– «Эва-Крист апартаменте».

– Отлично! Я заеду вечером...

– Посмотрим. Итак, насчет Батенина?

– А что? Я оформил ему тогда круиз, предложил забросить на машине до Лимассола, здесь час езды. Но он отказался, сказал, что сам доберется.

– У него была машина?

– Не знаю, наверное... Он же разбился?

– Да, судя по всему. На обратном пути.

– А о том, что господин Батенин погиб, мы узнали из газет, потом телевидение передавало. А днем позвонили из консульства, этот самый, как его...

Николай сунулся было опять рыться в бумагах, но потом махнул рукой:

– Ладно, вечером найду – завезу вам, если надо,

– Да, на всякий случай. Кто рассчитался с хозяйкой?

– По-моему... этот, из консульства.

– Вы сами – видели... тело?

– Нет, что вы! Все формальности в полиции решали официальные лица. Гроб уже был запаян, когда его грузили в самолет, я только присутствовал.

– А почему вы?

– Ну ребятам из консульства не хотелось возиться, судя по всему. Они забрали все нужные документы, дали их нам и попросили обеспечить отправку покойника на родину.

– Здесь что – всегда так делается?

– Не знаю... На моей памяти русские не погибали.

– Но это же денег стоит – оформление, отправка...

– А вот именно! – развел руки Николай. – Как вы думаете, я могу возразить сотрудникам МИДа, если они просят?

– Пожалуй, нет, – убежденно согласился Владимир Александрович. Не нужно быть гением, чтобы представлять, насколько туристический бизнес завязан на официальные внешнеполитические ведомства и сколько проблем может возникнуть сразу у жадного и упрямого соотечественника, не желающего идти навстречу правительственным просьбам.

– Пришлось все оплатить...

– А что вообще говорили – по этому поводу? Насчет авткатастрофы? – И тоном, и позой Виноградов дал понять, что официальная часть беседы закончена.

– Ну... Разбился! Здесь очень сложно привыкнуть поначалу – руль с другой стороны, все едут наоборот. Я первое время тоже – хочу скорость переключить, а хватаюсь за ручку дверцы.

Оба посмеялись. Николай предложил еще кофе.

– Нет, хватит! Вообще – много бьются?

– Да часто в общем-то... Но легко, как правило, даже по

пьянке.

– А Батенин пьяный был? – уцепился за слово майор.

– Не знаю... Вскрытие ведь не делали, говорят – обгорел до ужасного состояния. Ну и не стали раздувать.

– Машина вроде в пропасть свалилась? На побережье?

– Вроде... Я, честно говоря, подробностями особо не интересовался.

Чувствовалось, что у вице-президента хватает своих забот. Виноградов счел возможным спросить:

– Как бизнес? Клиентов много?

– Да не то чтобы. Но... На кусок хлеба зарабатываем, в основном – бывшие соотечественники обращаются. Потом, мы с гостиничной службой дружим, с владельцами пансионатов. Процент – за каждого нового клиента получают, им неплохо, да и нам выгодно.

– Нормально... Что же, желаю удачи!

– Спасибо. А в чем, если не секрет, дело-то? С этим Батениным?

– Видите ли, Николай... Этот самый господин Батенин – по кличке Батя – был бандитом. Числился в розыске, Вот меня и послали, чтобы проверить – по правде ли он того... откинулся, или просто имитация. Чтобы хвосты обрубить, понимаете?

– А, ну ясно! Нет, вы... – Чувствовалось, что по имени назвать собеседника Николай не решается, а звания и должности не запомнил. – Нет, вы не сомневайтесь. Местные, ко-

нечно, лопухи, но не настолько, чтобы мертвого от живого не отличить. А насчет Израиля... Или, скажем, Египет? Тоже туда-обратно – и недорого?

И до того, как они расстались, Виноградов уже почти позволил себя уговорить...

Вечером Эва передала, что к нему домой заезжал господин из той туристической фирмы, которая занималась покойным господином Батениным. Особого впечатления это известие на Владимира Александровича не произвело – в конце концов, не к спеху, дела могут и подождать. Сытый до неприличия, он завалился спать – в голове приятно шумело от выпитого вина и экзотических мелодий. Последним усилием мысли он поблагодарил покойного Батю за доставленное удовольствие...

* * *

С утра никакого похмелья не было и в помине, но о вчерашних солнечных ваннах противным покалыванием напоминала порозовевшая кожа. От похода на море, видимо, стоило воздержаться, но упрямый Виноградов все-таки добежал до пляжа, окунулся, поплавал в упругой, пропахшей жарою и солью воде.

Обсохнув, вернулся в коттедж. Принял душ. Позавтракал тем, что поставила в номере незаметная филиппинка – Эва

еще на рассвете выехала к брату, в горный монастырь. То ли за яйцами, то ли за медом... Виноградов не все понял из объяснений прислуги, но не огорчился.

Пора было браться за дело. Сверившись с содержимым питерского конверта и картой Ларнаки, Владимир Александрович напялил «официальные» шорты и остальную экипировку – идти было не слишком далеко, но уже припекало.

Вообще здесь все было рядом. Вот и контора по прокату автомашин обнаружилась чуть ли не за ближайшим углом.

Меланхоличный, с огромным отвислым носом греко-киприот лет пятидесяти сидел на скамеечке перед калиткой и мерно чесал выпирающую из-под рубахи волосатую грудь. Тени навеса хватало только ему и возможным клиентам – сзади, во дворике, приблизительно с дюжину различных подержанных тачек плавались на солнце. Среди покрытых пылью ветеранов дорожного движения Виноградов еще издали высмотрел джип армейского образца и сиреневую «тойоту» с никосийскими номерами. Прежде чем Владимир Александрович произнес первую фразу, хозяин привычным движением ноги сдвинул в сторону задвижку и, поведя носом, пригласил его заходить прямо на автомобильную площадку. После этого он, казалось, потерял к потенциальному клиенту всяческий интерес.

Виноградов добросовестно обошел выставленные экземпляры и вернулся под навес:

– Гуд монинг!

– Русски? – лениво утвердился в собственных наблюдениях обладатель густой растительности.

– Да, – кивнул Владимир Александрович.

– Кароши. – Собеседник достал откуда-то из-под себя упакованный в полиэтилен прејскурант, посплюнявил страницы и выбрал ту, которая считалась написанной на русском языке. – Давай?

Очевидно, этот местный житель считал себя полиглотом.

– Но, ай эм...

Однако владелец конторы по прокату автомашин принципиально желал общаться на языке клиента. Тех нескольких ломаных слов и выражений, наверное, могло бы хватить для того, чтобы выбрать интересующую модель и рассчитаться. Но, учитывая, что перед Виноградовым стояла несколько иная задача...

Потом по прошествии времени Владимир Александрович вспоминал этот разведдопрос как самый бессмысленный в своей жизни. Даже от трижды судимого наркомана Сереги Кальмара получить информацию было значительно легче. Только к обеду майор расстался с хозяином, имея в пассиве головную боль, оскомину от паршивого кофе и задаток, выплаченный в конце концов за аренду малолитражного «форда».

В активе имелись следующие сведения. Господин Батенин взял машину за два дня до гибели, на неделю – тут все было документально подтверждено, учет велся на удивление

аккуратно. Оплатил только таксу, страховку не оформлял, что было вполне естественно для виноградовских соотечественников, привыкших надеяться на авось. Взял довольно приличную «тойоту», из самых дорогих на площадке, что тоже присуще российским курортникам: кондиционер, мощный двигатель, магнитола...

Когда случилось несчастье, в контору сразу же пришли. Сначала – из полиции, потом – двое русских. Один, кажется, из консульства. Очень приличные люди – не торгуясь, оплатили владельцу полную стоимость автомашины, разбитой и сгоревшей по вине покойника. Если, конечно, прилично так говорить... Рассчитывались наличными, хозяин выдал им для отчетности расписку...

Нет, документов он у тех русских не спрашивал. Зачем? Претензий нет, все цивилизованно... Хорошо, когда государство готово принять на себя обязательства собственных подданных! Что же касается самого господина Батенина – как же, обязательно: вот номер его водительского удостоверения, данные паспорта. Хозяин лично переписал, иначе выдавать машины не положено.

Все бы хорошо, подумал тогда Владимир Александрович, если бы не одна мелочь... Согласно тому, что зафиксировано в журнале прокатной конторы, Батенин физически не мог в день аренды машины беседовать с греком! Если верить расписанию круиза, полученному Виноградовым в туристическом агентстве, его покойный соотечественник тем утром

махал на прощание с кормы пассажирского лайнера одному из Средиземноморских островов – то ли Родосу, то ли Патмосу... По официальной версии, Батя как раз и разбился, возвращаясь из порта домой! Интересно, почему это противоречие не выплыло в первые же сутки расследования? Потому, ответил сам себе Виноградов, что и расследования-то как такового не было – ввиду полной очевидности происшедшего. К тому же официальным властям вовсе не было никакого смысла копаться в туристский сезон в чужом грязном белье, раздувая без повода нездоровые страсти.

Для очистки совести майор предъявил собеседнику фотографию: лишний экземпляр из шести, незадолго до тура сделанных Батениным на заграничный паспорт. Батя получился вполне похожим на самого себя, и когда хозяин конторы с уверенностью не перегруженного визитами иностранцев человека заявил, что парень на снимке хотя и напоминает господина, бравшего на прокат «тойоту», но вовсе не он... Тогда майор почувствовал себя дурно. После почти часового диалога выяснилось, что вислоносый полиглот отнюдь не обязан был сличать тождество изображения в предъявленных ему документах с оригиналом. Это, в конце концов, дело полиции! Здесь не принято вглядываться в лица клиентов, больше интересуют их кошельки. Тем более что в России делают черно-белые фотографии – просто смешно! Верить надо не плоским картинкам, а людям – господин Батенин, например, производил куда более солидное впечатление, чем,

простите, сам сегодняшний посетитель.

...Ясно, думал Владимир Александрович, пробираясь из тени в тень по направлению к рыбному ресторанчику. Ясно... Рабочая версия такая: некто вместо Батенина, но по его документам оформляет аренду автомобиля. Затем...

А что – затем? Ни хрена не понятно! Если сравнивать даты, то это произошло на следующий день после той стычки в горах и за два почти дня до мнимой гибели Бати в катастрофе. Документы предъявлялись подлинные – во всяком случае номера загранпаспорта и водительского удостоверения из журнала конторы совпадали с теми, которые имел покойный. Да, но если Батенин... Находясь в круизе, он мог, конечно, обойтись без прав, но паспорт! Паспорт необходим был ему в каждом порту захода – и в Греции, и в Египте, и уж подавно в отсеивающем каждого потенциального террориста государстве Израиль.

Стоило поразмыслить. Но сначала требовалось сделать кое-что еще.

Владимир Александрович заскочил во вчера еще облюбованную лавочку напротив закрытого ночного клуба, купил бутылку апельсинового сока, дыньку-«колхозницу» и пластиковую телефонную карту. Перекусив, отыскал глазами ближайший уличный автомат, сориентировался по таблице кодов и набрал номер:

– Алле?

– Алле! – отозвались в Питере.

– Танька, ты? – слышно было, как в соседнем доме.

– Да! Как ты там? – Голос у жены был обрадованный и торопливый.

– Нормально! У вас все в порядке?

– Все отлично, не волнуйся...

– Отлично! Как дети?

– Все хорошо, у тебя как?

– Да вот... Купаюсь! Загораю. Нет, просто сказочно – рай земной...

– Счастли-ивый.

– Ждите! Привезу вам чего-нибудь... этакое.

– Сам возвращайся, – отмахнулась на другом конце линии

Татьяна. – Когда будешь?

– Не знаю пока. Дня три-четыре еще побуду, во всяком случае обменяю билет – это сейчас не проблема. Что нового? Звонил кто-нибудь?

– Да, самое главное! Подожди секундочку... Вот! – Жена отыскала заранее приготовленную бумажку: – Звонила Ба-те-ни-на Виктория. Просила передать, что прилетает на Кипр завтра, рейсом из Пулково. Хотела, чтобы ты встретил в аэропорту.

– Да? Интересно...

– А кто это? – Добросовестность сменилась в голосе супруги некоторым намеком на ревность.

– Да так, одна... Выделена мне для развлечения, чтоб не скучал.

– Ну-ну!

– Да ладно, шучу. Спасибо, это очень важно. А насчет того, как мы друг друга узнаем?

– Она просила стоять на выходе с табличкой – ну фамилию крупными буквами, по-русски. – Татьяна представила себе картинку и мстительно хмыкнула: – Может, еще кепку перед собой положить и приписать, чтобы подали Христа ради?

– Я именно так и сделаю. Мерси тебе с кисточкой! Еще какие-нибудь звонки были?

– Нет, ничего важного.

– Тогда ладно, все. Целую! Детям привет.

– Пока... Не лезь там куда не надо, хорошо?

– Попробую.

Татьяна не знала подробностей, но по опыту и женской интуиции догадывалась, что проблема выбора крема от загара далеко не самая сложная из стоящих перед ее мужем в дальних странах. Если бы Виноградов ее спросил, она посоветовала бы остаться дома – в конце концов, всех денег не заработаешь, плевать...

Но Виноградов, как правило, все решал сам.

Повесив трубку, он сверился с цифрами на дисплее телефонного аппарата – остатка времени хватало еще по меньшей мере на один разговор.

– Алле, Наумыч?

– Да, Володенька! Здравствуй. Откуда ты?

– Куда сами послали...

– Чего нового?

– Работаем! Всякого тут много интересного.

– Ладно, не по телефону... Как тебе Ларнака?

– Чудо! Оно того стоило. Так что – в любом случае спасибо.

– Ну так! Всяко лучше, чем... Много не пей только. Не обгорел еще?

– Нет... Евгений Наумович, я, собственно, по делу.

– Слушаю, – приготовился собеседник. Виноградов представил себе, как он снимает с лица легкомысленное выражение и берет традиционный «Паркер». – Говори, я записываю!

– Да тут, собственно, нечего... Мне вот что надо: проверят пусть, сколько денег Батенин взял с собой за кордон.

– Наличку?

– Да, по декларации, потом, может, у него кредитная карточка была...

– Хорошо, я выясню. Жена, наверное, в курсе была...

– Вдова!

– Что, не понял?

– Вдова, а не жена. У нее я сам узнаю, но пусть тот, с которым я общался, по своим каналам отработает.

– Хорошо. Еще чего-нибудь?

– Да нет пока... Все, время кончается! Счастливо.

– До свидания!

Владимир Александрович закончил разговор, повесил на

рычаг трубку, вынул использованную карточку. Отер обильный пот – все-таки было душно, особенно в раскаленной кабинке.

Хотя, с некоторым удивлением отметил он, климат перестал раздражать. Период адаптации проходил нормально...

Очевидно, госпожа Батенина прибывала с инспекцией. Не то чтобы Виноградов волновался – ему было что доложить заказчице, но к встрече стоило подготовиться. В крайнем случае имелся вариант послать ее куда подальше – все равно уже позагорал, покупался... Часть денег можно было бы и вернуть – из той суммы, что оставалась. Все равно почти половину гонорара он даже не взял с собой из Петербурга, а на сувениры домашним уже отложено. Владимир Александрович почувствовал, как под воздействием южного солнца и вкусной еды им постепенно овладевает царящий повсюду здесь дух ленивой и томной невозмутимости.

Искупавшись в бассейне перед апартаментами, Владимир Александрович завалился в кровать и проспал сразу несколько самых жарких, опустошивших кварталы и пляжи часов. Потом встал, нырнул в чем-то подкрашенную до изумрудного цвета воду, накинул на себя некое подобие одежды...

В офисе Эвы, кроме хозяйки, опять никого не было.

Виноградов улыбчиво и многословно отказался от предложения перекусить, но попросил телефонный справочник. Хозяйка вывалила на стол глянцевый том и несколько раз-

ноцветных брошюрок. Увидев затруднение гостя, она поинтересовалась, чем может помочь, – и через несколько мгновений перед Владимиром Александровичем лежал обведенный фломастером номер телефона посольства Российской Федерации. В Никосии не старая еще женщина с профессионально поставленным голосом посоветовалась с кем-то по интеркому и назвала координаты консульского работника в Ларнаке: недавний инцидент с гражданином Батениным относился к его компетенции.

Эва куда-то заторопилась, но когда Виноградов попытался встать вслед за ней, чтобы покинуть офис, почти силой усадила его на место, предложив без стеснения пользоваться телефоном, а уходя – просто прикрыть за собой дверь.

Пожав плечами, гость дождался, когда хозяйка скроется из виду, – и набрав номер. К удивлению того, кто наблюдал бы за его действиями, Владимир Александрович набрал код международной связи, потом код города, где сейчас находился, и только после этого – названный в посольстве телефон. Ответили по-английски. Потом – по-гречески.

– Здравствуйте, Петербург беспокоит! – заорал Виноградов.

– Здравствуйте, – отреагировали на нормальном русском языке. Без особой, впрочем, радости.

– Это из редакции журнала «Международная безопасность», заместитель редактора Пеночкин... Илья Иванович. Хотелось бы задать несколько вопросов, не возражаете? Мы

уже с Парижем беседовали, в Копенгаген звонили...

– Слушаю вас. – Голос на том конце провода заметно потеплел: во-первых, за штатный кипрский городок оказался в одном ряду с европейскими столицами, а во-вторых, судя по всему, журналист не собирался требовать ни денег, ни дубликатов посеянных где-нибудь по пьянке документов. Именно с такими просьбами обращаются обычно к консульским работникам непутевые соотечественники.

Кстати, первый вопрос «Пеночкина» именно так и прозвучал: с какими проблемами россиян чаще всего приходится сталкиваться нашим дипломатам за рубежом? Что можно посоветовать, чтобы избежать неприятностей?

Интервьюируемый охотно и обстоятельно ответил по теме, перестав даже под конец поправлять корреспондента, то и дело называвшего его «господин вице-консул». Затем перешли к конкретике:

– А если нужна медицинская помощь? Или, не дай Боже, турист скончается или погибнет? Я звонил в Москву, в МИД – там сказали, что как раз недавно в Ларнаке был такой случай. И что ваши как раз действия можно считать чуть ли не... образцовыми, что ли?

Собеседник смущенно прокашлялся и сообщил, что вообще-то в том случае с автокатастрофой вся его роль заключалась только в получении из местной полиции официальных документов – все остальные заботы приняла на себя одна туристическая фирма...

– А какая фирма?

– Как же... Да, вот – «МИНИТУРЗ», российско-кипрское агентство с отличной репутацией. Они, кстати, все расходы оплатили.

– Серьезно? И консульство наше ни чего не платило?

– Что вы! Это такая обычно проблема...

– Неужели сами вызвались?

– Да! Я, честно говоря, даже удивился...

– Но вам, наверное, пришлось все-таки побегать – то-се, расчеты за поврежденную машину, вещи собрать и отправить тело?

– Зачем? Они сами прекрасно справились. Я только оформил документы как положено – остальное все сами! – Своим образом истолковав замешательство собеседника, дипломат вздохнул: – Видите, не повезло вам с положительным примером.

– О, ну что вы! Умело организовать взаимодействие с отечественными коммерческими структурами – это тоже надо уметь. Это тоже – пример положительный...

Собеседник вынужден был скромно согласиться:

– Только, пожалуйста... Пришлите мне статью на подпись, перед опубликованием. Хорошо? А то, не дай Боже, какая-нибудь деталь или фраза неудачная...

– Да я все равно повезу материал на просмотр в Министерство иностранных дел, это их заказ. Но, если хотите, вышлю и вам – по факсу?

Записав еще раз номер факса и фамилию, имя, отчество «далекого» консульского работника, Виноградов попрощался и закончил беседу,

...Нельзя сказать, что вечерний поход на пляж прошел для Владимира Александровича в безмятежном наслаждении окружающей южной природой. Нет, море и солнце по-прежнему были великолепны. Дело было в том самом назойливом червячке профессионализма, не позволявшим даже здесь до конца отключиться от мыслей и громоздившихся друг на друга вопросов.

Поэтому, возвращаясь в коттедж, чтобы выбрать какую-нибудь не слишком фривольную майку для ужина, он не сразу заметил разлапистый джип-«лендровер», остывающий в переулке.

– Господин Виноградов! – Из салона, надежно укрытого матово-серыми стеклами, выскочил не кто иной, как вчерашний Николай – в белой рубашке и галстуке.

От неожиданности Владимир Александрович чуть не икнул:

– Добрый вечер.

– Здравсте... У вас, простите, найдется несколько минут?

– Ну – допустим! А в чем дело?

– Видите ли... – Представитель туристического агентства не знал, стоит ли говорить прямо здесь, или стоит пригласить Виноградова в машину. Сам майор тоже не спешил проявить воспитанность – не то чтобы из соображений конспирации, а

просто ему не хотелось вести неожиданного визитера к себе. Наконец Николай решил: – Присядем ко мне? Или?..

Инстинкт самосохранения, который в кругах оперативников и бандитов еще называют неприличным термином «чувство жопы», молчал. Поэтому Владимир Александрович спокойно уселся на свободное сиденье рядом с водителем:

– Ну? Я слушаю? – Сзади никого не было.

Николай выглядел смущенным.

– Я тут после вашего ухода... – Он протянул Виноградову глянцево-черный угольник визитной карточки. – Поискал, нашел.

– Что это?

– Это оставил тот работник консульства, который вместе с нами ездил. Насчет Батенина.

– Да? А я думал, что это был... – Виноградов назвал фамилию сотрудника, с которым недавно разговаривал по телефону от имени редакции.

– Не-ет! Тот только бумаги нам передал. А всем заправлял вот он. И за вещами тогда со мной ездил, и отправку тела организовывал... Он, собственно, первый нам и звонил от имени консульства, посоветовал в разговоре с его коллегами сказать, что это наша собственная инициатива.

– Во-от оно как! Опишите-ка господина...

– Такой высокий, крепкий, со стрижкой... – После серии наводящих вопросов выяснилось, что некто Михаил Г.

Бычков, третий секретарь посольства Российской Федерации, подозрительно напоминал того господина, который под именем покойника забирал в прокате злополучную «тойоту».

– Кстати, а за машину кто рассчитывался?

– За машину? – удивился Николай. – Мы! Но деньги передал Михаил, сказал, что из консульских фондов.

– Спасибо! Опознать этого... – Владимир Александрович поднес к глазам визитку. – Этого Бычкова сможете?

– Конечно! Но...

– Что смущает? – Виноградов сунул карточку в карман шорт.

– Видите ли... Может, зря, но... Я, когда нашел, сразу к вам поехал. Но не застал. И не удержался! Позвонил в посольство. – Николай виновато развел руки: – Нету у них никакого Бычкова, третьего секретаря.

– Нету? Может, уже уехач?

– И не было, – вздохнул Николай. – Так что нас «кинули», не могу только понять – кто?

– А зачем?

– Ну это ясно – денег с нас получить на отправку покойника в Россию да на всякие формальности...

– Бросьте! Ради такой суммы...

– Товарищ майор, а если это спецслужбы? Какую-нибудь операцию проводили, под «легендой»? Или мафия?

– Не знаю. Но в любом случае спасибо за помощь! Завтра

у себя будете?

– Да, в офисе. Я все время там, если что.

– Я дам знать, если понадобится. Но пока – никаких шагов! Без меня ничего не предпринимайте, ясно?

– Понял. Вот мой домашний номер телефона, звоните.

– До свидания! – Виноградов выбрался на улицу.

– Счастливо! – Обменявшись рукопожатием, они расстались.

«Вот ведь как интересно, – подумал Владимир Александрович. – Откуда он знает мое звание? Вроде я не говорил никому...» Достав визитку, он на всякий случай потер подушечкой большого пальца глянцевую поверхность – краска оказалась совсем свежей, шрифт без усилия смазался и под действием пота утратил начальную элегантность. Чувствовалось, что нанесли его прямо сегодня.

* * *

Вдова прибывала тем же рейсом, что и Виноградов, другого в расписании просто не значилось. Летом самолеты из Питера прилетали ежедневно, не только в Ларнаку, но и в маленький аэропорт Пафоса – теперь же был не пик сезона, поэтому чартер ограничивался тремя «бортами» в неделю.

Удивительно, но по прошествии считанных суток Владимир Александрович уже чувствовал себя в какой-то степе-

ни старожилom: роскошь природы не то чтобы больше не впечатляла, нет... просто теперь она воспринималась вполне естественным фоном, оставаясь на периферии сознания. Привычными, незаметными стали – жара, шум прибоя, пряные запахи экзотической флоры.

До недели дождей, которая здесь наступала с точностью железнодорожного графика, оставалась еще уйма времени.

Расплатившись с таксистом, майор налегке миновал узкую полоску тротуара и оказался в зале прибытия. Времени оставалось достаточно, и сейчас он мог совершенно спокойно, без суеты, оглядеться. Сам аэропорт показался Виноградову чистеньким, но тесноватым – стойки регистрации, билетные кассы и офисы разнообразных служб громоздились друг на друга, не то чтобы мешая соседям, но... Впрочем, никто не нервничал – ~ очереди, если они и образовывались, расторопные парни и девушки из обслуживающего персонала регулировали сразу же и таким образом, что обидеться было невозможно. Публика ничем не отличалась от пассажиров любой точки земного шара – с обилием чемоданов, сумок и даже банальных, запеленутых в материю тюков, с невыспавшимися разновозрастными детьми и выражением озабоченной сосредоточенности на лицах. Внимание привлекла группа католических монашек, добиравшаяся, как понял Виноградов, до Иерусалима, и цыганского вида семейство, насчитывавшее, по наблюдениям Владимира Александровича, душ двадцать.

Разглядывая полусонного автоматчика в заломленной на затылок фуражке, Виноградов вспомнил: аэропорт в Ларнаке задумывался как сугубо местный, чуть ли не внутренний... Но после гражданской войны и турецкой оккупации семьдесят четвертого года, когда великолепный и суперсовременный столичный аэропорт в Никосии оказался в аккурат на линии фронта – оправившиеся от кровавого поражения греко-киприоты в считанные месяцы перестроили экономику и обслуживающую инфраструктуру. Заштатные курорты южного побережья острова стремительно превратились в престижные и недорогие туристические центры европейского уровня – и, соответственно, преобразовалась эта воздушная гавань.

По-английски объявили о посадке самолета из Санкт-Петербурга – и соответствующая информация сразу же высветилась на стандартном табло.

Виноградов пересек зал, миновал небольшой коридорчик и оказался в толпе увешанных разнообразными табличками встречающих. В прошлый раз в суматохе он миновал их почти не глядя, теперь же имел возможность рассмотреть поподробнее. В основе своей толпа состояла из представителей туристических фирм, поджидавших прибытия клиентуры – как уже состоявшейся, оплативших услуги еще в России, так и потенциальных, тех, кому может понадобиться кров и сервис. Большие листы или пластиковые папки с названиями своих фирм они держали, как правило, в руках, реже – ве-

шали на шею... и улыбались. Кто – старательно, кто – скупающе, но, видимо, в обязательном порядке. Двое или трое частных лиц встречали кого-то персонально – на их исполненных от руки с разной степенью художественности плакатиках значились либо фамилии, либо названия организаций. по-русски, по-гречески. Владимир Александрович достал из кармана стандартный лист бумаги с собственноручно написанной красными буквами строчкой: «ВИНОГРАДОВ». Развернул его, стараясь не мять и, напротив, разгладить сгибы. Припасенной булавкой пришил к рубашке слева.

Теперь он ничем не отличался от окружающих.

Вглядываясь в темноватое жерло таможенного коридора, Владимир Александрович неожиданно ощутил где-то под лопаткой совсем не уместный в подобной ситуации холодок – верный признак приближающейся опасности. Казалось, некто спокойный и неторопливый пристраивает неподалеку на заранее облюбованном огневом рубеже полированный приклад к тренированному плечу. Не спеша совмещает в перекрестье прицела красную точку лазера и самим же Виноградовым нарисованную табличку, еще раз перечитывает заранее обусловленную фамилию, чтобы не ошибиться, – и плавно нажимает пальцем на спусковой крючок...

Что-то раскатисто громыхнуло. Оцепенев, Владимир Александрович даже не успел среагировать, броситься в сторону, упасть... И слава Богу – это всего-навсего скатилась с дежурного транспортера неловко принятая зазевавшимся

служителем металлическая тележка для багажа. Оставалось только обрадоваться собственной нерасторопности и попытаться прогнать ощущение мерзко холодного пота на шее и под прической.

– О, здравствуйте! – непонятно откуда возник перед Виногодовым жизнерадостный представитель туристического бизнеса, тот самый – с именем Николай и внешностью морского пехотинца. – Чуть не опоздал... Не помещаю?

– Нет, наверное. Встречаете кого-то? – Майор не знал, что спросить, по-этому сказал первое, что пришло в голову. На загорелой шее Николая висела большая, яркая, выполненная типографским способом табличка с уже знакомой Владимиру Александровичу элегантной эмблемой и надписью: «МИНИТУРЗ».

– Да, как обычно...

– Каждый рейс из России?

– Ну почти каждый. Знаете, иногда везет – три-четыре клиента в месяц, тоже неплохо.

– Вы и гостиницы устраиваете?

– А чего тут устраивать? – улыбнулся с некоторым превосходством соотечественник. – Тут наоборот... Привез клиента, поселил – получаешь комиссионные с отеля.

– Ну и сам турист платит?

– А почему нет? Я его встретил, сэкономил ему на такси, избавил от проблем с выбором гостиницы – исходя из возможностей и потребностей... Да и не только это! Клиент,

пока он здесь, предпочтет иметь дело с тем, кого знает, – и насчет, допустим, экскурсий по острову, и если захочет – в круиз отправим.

– Что же, выгодное дело! – В голосе Виноградова непривольно прозвучало снисхождение государственного служащего к частному, вынужденному бороться за существование предпринимателю. – Можно позавидовать.

– Конкуренция, – вздохнул Николай. Он хотел, судя по всему, развить тему, но из таможенного коридора уже потянулись первые пассажиры российского рейса.

– А вашему... кого вы встречаете... не нужно будет? – Туристический агент помер бы с голоду здесь, если бы не использовал и малейший шанс.

– Не знаю пока, – честно ответил Виноградов. – Вряд ли, но чем черт не шутит? Посмотрим.

Он принялся ошупывать взглядом выходящую публику – так же, как собеседник и вся остальная толпа напряженно притихших встречающих... Собственно, Николай в сегодняшнем раскладе был лишним, но избавляться от него просто не оставалось времени.

– Здравствуйте! Вы – Виноградов?

Стоящей перед Владимиром Александровичем женщине еще явно не перевалило за тридцать. Меньше всего она напоминала вдову – скорее вырвавшуюся на отдых в Сочи московскую проститутку.

– Ну вы же видите табличку... С прилетом!

– Спасибо. – Чувствовалось, что госпожа Батенина пытается вести себя по-хозяйски, но пока еще не освоилась с ролью состоятельной дамы.

– Николай! – несколько бесцеремонно представился туристический агент. – Фирма «МИНИТУРЗ» приветствует вас на древней земле прекрасного Кипра.

– Спасибо. – Женщина протянула руку то ли для поцелуя, то ли для пожатия. Николай предпочел первый вариант.

Уловив некоторое недоумение в голосе гостя, Виноградов счел своим долгом пояснить:

– Господин Круглов предлагает нам свои услуги. По части жилья, культурной, так сказать, программы...

– Виктория! – кивнув, сочла возможным назвать себя госпожа Батенина. – Мой багаж...

– Секундочку! – Николай почти выхватил у гостя стандартную бирку и устремился куда-то навстречу редющему потоку пассажиров. – Я сейчас все устрою!

– Что-нибудь узнали? – оставшись наедине с Виноградовым, поинтересовалась Виктория.

– Да, есть немного... Только пожалуйста – никаких вопросов при этом парне, хорошо?

– Ладно, – пожал плечами гостя. – А зачем вы его тогда притащили?

– Он сам притащился. Я потом объясню.

– Как скажете, – согласилась она. – Вас ведь зовут?..

– Владимир, – представился Виноградов, опустив, вопре-

ки обыкновению, отчество.

– Да, я помню... – Заказчица оказалась похожей одновременно на Мадонну и Анжелику Варум – нечто кукольное, с ярко накрашенными губами и детской настойчивостью в глазах. Этакая рано созревшая стерва-пэтэушница из неблагополучной семьи.

Владимир Александрович удивился выбору Бати – обычно на таких не женятся.

– У вас заказан отель? Я не успел узнать по телефону.

– Нет. Вы где живете?

– В апартаментах у Эвы. Там же, где...

– Я еду с вами! – В ожидании возражений Виктория сдвинула брови. Это вышло скорее красиво, чем грозно. – Сколько комнат?

– Спальня, гостиная...

– Ну и нормально. Если что – мы женаты!

– Как прикажете. – Странно, но Владимир Александрович ничего не имел против. В конце концов, апартаменты снимались на ее деньги, да и за остальное пришлось платить ей.

– Вот и я! – Из-за поворота выскочил Николай с дорогим, впечатляющих размеров чемоданом. Очевидно, он продавался в комплекте с той сумочкой, что висела на плече у Виктории.

«Интересно, – подумал Виноградов, – с таким количеством вещей – на сколько же она прилетела?» Ему самому такого количества багажа хватило бы на год автономного су-

щества.

– Одно место было?

– Да, благодарю вас!

– Прошу ко мне в машину...

Туристический агент либо решил плюнуть на бизнес и потенциальных клиентов, либо уже посчитал таковыми Виноградова и его даму. Впрочем, у него могла быть здесь и совсем другая задача. На всякий случай, следуя за Николаем, майор решил уточнить:

– Никого больше сегодня отлавливать не будешь?

– Да пошли они все! – отмахнулся чисто по-русски соотечественник. – Куда едем?

– Ко мне, естественно! – сделал большие глаза Владимир Александрович.

– Запросто. – Николай прорезал собой и чемоданом традиционный строй таксистов-«отстойщиков» и остановился только перед уже знакомым Виноградову «лендрровером». – Прошу!

Вопреки ожиданиям пуганного жизнью Виноградова никто не накинул им в полутемном салоне машины ни удавок на шеи, ни черных мешков, пропитанных хлороформом. Очевидно, подобные фокусы принято проделывать только в Голливуде. Сам Владимир Александрович расположился сзади – и теперь, когда машина тронулась, наблюдал за тем, как заказчица без особого, впрочем, интереса поглядывает

через тонированные стекла на мелькающий вдоль автострады пейзаж.

– Вы уже бывали на Кипре?

– Да, прошлым летом.

Владимир Александрович не успел продолжить, как инициативу в беседе перехватил Николай:

– А куда ездили? В смысле экскурсий?

– Ну... Пафос, потом в горы – монастырь Ставровони. – Виктория отвечала тоном бывалой странницы. – В дельфинарии на шоу посмотрели.

– Да... – вздохнул Николай. Это была почти полная туристическая программа. Для его бизнеса места почти не осталось. – А как насчет морских путешествий?

– Только в Израиль прокатилась.

– С мужем?

Этот вопрос Виктории не понравился – так же как и Виноградову.

– Нет! – Помолчав, она добавила: – С ребенком...

Некоторое время молчали, потом Николай с новым пылом принялся агитировать гостью: мол, круизы... мол, грех не побывать у пирамид, не прокатиться на верблюде! Сколько стоит слетать из Санкт-Петербурга в Каир? А на славный остров Родос?.. То-то! А отсюда, из Лимассола, – копейки. Да еще он мог бы из уважения и симпатии организовать кое-какие скидки...

– Я подумаю, – кивнула Виктория.

– Мы знаем, как вас найти, – поддержал ее Виноградов.

– Отлично, – кивнул туристический агент. Кажется, труды его могли вознаградиться.

Вскоре, спружинив огромными толстыми шинами, автомобиль остановился перед виноградовским коттеджем:

– Счастливо отдохнуть!

– Спасибо.

– Звоните, когда надумаете, ладно?

– Обязательно... – Из служебного помещения к постояльцу уже семенила бойкая хлопотливая Эва.

Виноградов подумал о том, что же он объяснит хозяйке, но все обошлось значительно проще, чем можно было ожидать. Женщины поулыбались друг дружке, пощебетали по-английски. Владимир Александрович незначительно скорректировал финансовую сторону своего проживания – и Эва оставила их на пороге коттеджа, пообещав занести с утра запрошенные Викторией уют и крем «Нивея» номер восемь.

– Сейчас отдохнете?

– Я не устала. – Госпожа Виктория показала Владимиру Александровичу, куда поставить чемодан, а сама принялась обстоятельно изучать свое новое жилище.

– Готовы меня послушать?

– Да, разумеется. Хорошо бы поужинать...

– Я сейчас поставлю чайник, – засуетился Виноградов. – Есть помидоры, виноград... Чего-то еще мясное я покупал...

– Володя... – Виноградов понял, что собеседница смотрит

на него как на больного: – Володя! Пойдемте в ресторан? Я оплачу.

– Простите, но... У меня достаточно средств, чтобы... Я исключительно из соображений, что... – Майор почувствовал, что несет чепуху, но остановиться не мог – потому что все-таки четыре часа лететь, акклиматизация!

– Вы себя плохо чувствуете?

– Нет!

– Тогда я сейчас приму душ, переоденусь – и вперед. Согласны?

– Разумеется. Я посижу на терраске, подожду...

Виноградов нажал на кнопку наружного освещения, прикрыл за собой поплотнее дверь и уселся в пластмассовое кресло под декоративной пальмой. Вытянув голые, неуклюже белеющие из-под шорт ноги, он попытался собраться с мыслями.

В черном, без единого облачка небе протискивался между россыпями разнообразных созвездий мигающий посадочными огнями самолетик. Где-то неподалеку играла музыка. В кустах пронзительно, на одной ноте, трещало какое-то противное насекомое...

– Идем?

– Да, конечно!

Вдова, конечно, смотрелась здорово: фигурка, платьице долларов за пятьсот, туфельки из сплошных ремешков. Белья на ней, судя по всему, не наблюдалось.

– Сумочку можно оставить.

– Ничего, я возьму с собой! Двинулись...

Среди всего изобилия и многообразия харчевен, кафе, таверн, кабачков, ресторанчиков и баров, расположенных в радиусе пятиминутной прогулки от апартаментов, госпожа Батенина выбрала душный, продымленный дешевыми сигаретами ирландский паб «Блу пайн». Несмотря на название – «Голубая сосна», – ничего сексуально-извращенного в этом заведении не наблюдалось: несколько разнополых пар веселились за столиками, кто-то стучал костяными шарами бильярда, опуская время от времени двадцатицентовики в автомат. Распиханные по углам динамики колотили в барабанные перепонки чем-то хриплым и, очевидно, ирландским, по выбору выпивки смело мог бы позавидовать даже самый отъявленный интернационалист: от пола до потолка, ровными пестрыми шеренгами выстроились бутылки со всего мира. Тут плечом к плечу стояли шикарный «скотч», текила из солнечной Мексики, вина с Рейна и испанская малага. Отдельного стеллажа удостоилось пиво.

Виноградов с оттенком мстительности за недавнюю неловкость подумал, что больше всего этот паб напоминает классический питерский «валютник» времен застоя, когда в интуристовские гостиницы проникали только менты из спецслужбы да подведомственные им проститутки.

– Ну? Я слушаю. – Виктория поковыряла вилкой что-то мясное и отодвинула тарелку.

– Здесь слегка шумновато... – дотронулся ладонями до уставших ушей Владимир Александрович. Весь ужин он пытался перекричать музыкальное сопровождение, но тогда речь шла о различных пустяках, а сейчас, получив команду отчитаться...

– Мне не мешает! – в очередной раз пожала плечами вдова.

– Как прикажете... – Проверив, не осталось ли чего-нибудь в бутылке, он позвонил бармена. Тот кивнул, выписал счет и передал его шустрой крашеной блондинке, сновавшей между столиками.

Сумма впечатлила, но не показалась смертельной. Тем более что в заведении «Блу пайн» литр потрясающей местной «командории» стоил на сорок процентов дороже, чем в соседнем магазинчике. Зато жаркое подавали за цену просто символическую.

– Хорошо. Пойдемте на воздух! – смилостивилась Виктория, когда Виноградов рассчитался.

– Вам понравилось вино? – поинтересовался майор, следуя за дамой к выходу.

– Да, я уже сказала, – раздраженно бросила через плечо госпожа Батенина. – Давайте по делу?

Очевидно, настрой на светскую беседу у нее улетучился.

– Вам еще что-нибудь заказать? – Виноградова очень сложно было вывести из себя, особенно на сытый желудок – за долгую милицейскую карьеру и бурные месяцы «вольно-

го выпаса» он навиделся такого количества разнообразных начальников, проверяющих инспекторов и капризных заказчиков, что реагировал на них как на явления природы.

– Да, виски! – И, очевидно, не доверяя вкусу собеседника, дама пояснила. – Поприличнее, не местную бурду...

Она расположилась под пестрым навесом в углу уютного, похожего на подкову дворика. Виноградов сделал блондинке заказ, попросив для себя еще бокал тягучей, терпко-сладкой «командории» – вина, известного еще древним грекам и вывезенного в Европу рыцарями-тамплиерами.

– Слушаю! – несколько настойчиво повторила вдова.

Тем не менее ей пришлось смириться с непродолжительной паузой – Владимир Александрович дождался, пока перед ними поставят бокалы.

– Она же не понимает по-русски, – проводила взглядом удаляющуюся девицу госпожа Батенина.

– Наверное, – не стал спорить ее собеседник. – Значит, приехал я к этой самой Эве, в апартаменты...

Виноградов обстоятельно, с подробностями поведал о ходе своей миссии. В каждом эпизоде выделял главное, стараясь не утонуть в деталях и в то же время ничего не упустить. Дойдя до первой встречи с Николаем, он передал заказчице визитную карточку мифического сотрудника посольства:

– Полюбуйтесь!

– Не стирается, – повторила та описанную майором процедуру.

– Естественно. Потому что краска высохла, не свежая...

– Значит, вы уверены, что этот господин, который нас сюда вез, – врет? А зачем?

– Возможны варианты... Я сначала, с вашего позволения, расскажу до конца? А потом уже – выводы, хорошо?

– Да, конечно! Извините.

Она перебила собеседника всего раз до конца отчета – когда Владимир Александрович уже описывал свою сегодняшнюю утреннюю поездку в Лимассол, на встречу прибывшей из очередного круиза «Принцессы Кипра»:

– То есть ошибка невозможна?

– При необходимости можно официально поднять документы.

– Вы разговаривали с кем-то из начальства?

– Нет, сначала – со стюардом, это была его каюта. Потом в ресторане... И на всякий случай – с пассажирским помощником капитана.

– Значит, в круизе он не был? Оплатил, но не поехал? – задумчиво закусила губу вдова. – А почему?

– Не знаю! – развел руки Виноградов и чуть не опрокинул пустой бокал.

– Да, кстати... Попросите-ка повторить! – Виктория, не дожидаясь ответа, щелкнула пальцами и сделала бармену интернациональный жест. – А тебе что? Опять этот... компот?

– Да, не люблю мешать. – Чувствовалось, что собеседница изрядно поплыла.

– Ну и дурак!

– Может быть, отложим отчет до завтра?

– Не-ет... давай рассказывай!

– В принципе, все. Если надо, можно запросить иммиграционные власти насчет вашего мужа – в Израиле, например, с этим строго. Уверен, они ответят, что на берег человек с таким паспортом и фамилией с «Принцессы Кипра» не сходил.

– Яс-сно... А где же он, по-твоему, был все это время?

– Вы же в курсе – где... С этого, собственно, и началось.

– Ах да! Кавказ... трах-та-ра-рах! – Вдова укоризненно погрозила Виноградову пальчиком и одним махом покончила с дополнительной порцией виски.

– Может быть, пойдем? Завтра с утра у нас мероприятие.

– С утра? Ах да... Ладно, съездим. Как ты сказал – для очистки совести?

– Для полноты картины, – терпеливо поправил Владимир Александрович. Тема была скользкой, и углубляться в нее не хотелось.

Он выложил на стол несколько фунтов, помахал на прощание бармену и курящей в углу блондинке, подал даме руку:

– Пойдемте...

Госпожа Батенина подняла сначала себя, потом неразлучную свою сумочку – и ухватилась за Виноградова.

– Пардон! – Хихикая и извиняясь, она умудрилась задеть

почти каждого сидящего на пути посетителя – те в ответ, слава Богу, только добродушно отсмеивались.

Виноградов и себя-то пьяного не любил, а уж напившихся женщин – тем более. Впрочем, на ощупь вдова оказалась довольно приятной, и процесс ее сопровождения к дому вызвал у Владимира Александровича куда меньшее отвращение, чем он мог ожидать.

– Да, я хотел спросить... – Они уже были у входа в котедж. Майор прислонил спутницу к беленькой стеночке и зашарил по карманам в поисках ключа. Потом, вспомнив, что двери здесь запирать не принято, надавил на ручку и шагнул внутрь.

Включил свет.

– Я хотел спросить... Сколько у вашего мужа с собой было денег перед поездкой? Сколько он собирался истратить?

– Не знаю! – попыталась сосредоточиться Виктория, но вместо этого с ходу обрушилась на диванчик. – О-ох...

– Как не знаете? Что – вообще?

– А, брось... У него своя жизнь была, свои деньги, свои бабы... – отмахнулась вдова. – Хер с ним! Иди сюда?

Честно говоря, это выглядело весьма соблазнительно – и сама Виктория, и то, как она это сказала... Виноградов вспомнил, что солнечный климат, вино и морепродукты согласно последним научным теориям не слишком способствуют сохранению супружеской верности.

Снаружи, за полуприкрытой дверью, шумел утомившийся

за день медлительно-сонный прибор.

...Конечно же, выехали, куда собирались, только после полудня. Нет, первый раз Владимир Александрович проснулся часов в пять по местному времени – по малой нужде. Заодно позволил себе полюбопытствовать, уж больно занимало его с первых почти минут содержание дамской сумочки, неразлучно сопровождавшей повсюду Викторию.

К удивлению Виноградова, в сумочке не оказалось ни диктофона, ни ампул с цианистым калием: паспорт, разумное количество долларов и разнообразные женские мелочи, вплоть до презервативов в красивой коробке. Простав документ, удостоверяющий личность госпожи Батениной, Владимир Александрович хмыкнул и отправился досыпать. Справив предварительно нужду и на совесть пошумев водой в унитазе.

Второй раз он проснулся уже без особой головной боли, посмотрел на часы и начал одеваться.

– Куда ты, эй? – Неотчетливый окрик застал его уже у порога.

– За пивом! – почти не солгав, ответил Виноградов.

Не дослушав короткое, но удовлетворенное мычание из спальни, Владимир Александрович открыл дверь и вынырнул на разгулявшийся уже солнцепек.

– Алле! Евгений Наумович? – Виноградов вставил в предназначенную для этого прорезь новенькую телефонную карту.

– Да, Володя! Рад тебя слышать.

– Здравствуйте... Как с моей просьбой?

– Сейчас, минуточку. – Чувствовалось, что питерский собеседник привычно шарит по столу в поисках нужной бу-мажки. – Да, вот! Записывай.

– Я запомню. – Уличная кабина раскалилась, и Владимира Александровича снова начало мутить. Захотелось искупаться.

– У Батенина имелась кредитка «Мастер-кард». Оформлена через фирму... – Евгений Наумович назвал одну из контролируемых «Заслоном» коммерческих структур, дату, номер и код. – Удалось прокачать движение... Так вот, на следующий день после прилета туда, к тебе, покойник снял со счета и перевел почти все, что накопилось!

– Сколько? – Это было важно.

– Не так уж много – для него, разумеется... двенадцать тысяч долларов.

– Да-а... – Виноградов не мог скрыть разочарования: в кругах, где вращался Батя, за такую сумму убивать не принято. Иной, так сказать, масштаб цен. – А куда?

Евгений Наумович назвал номер счета.

– А что это такое?

– Ну вот установить-то, оказалось, труднее всего! Но...

Собеседник довольно долго выдерживал сценическую паузу и только после нервного матерка Виноградова сжалился:

– Записывай... или запоминай, как хочешь: россий-

ско-кипрское совместное предприятие, зарегистрировано в Ларнаке. Называется «МИНИТУРЗ»! Эй, алле? Ты меня слышишь?

– Слышу, слышу...

Они еще коротко, но несколько дольше, чем ожидал Владимир Александрович, поговорили о прилетевшей вчера заказчице, Виноградов надиктовал собеседнику список заготовленных вчера и возникших уже в ходе беседы вопросов, после чего распрощался. Сегодня же информация уйдет куда надо – так, во всяком случае, заверил Евгений Наумович, – и майор заранее представлял себе, как недоуменно вытянется физиономия ушастого представителя батенинской вдовы.

Прихватив по пути четыре бутылки местного пива, он заторопился в коттедж. Будучи окрылен и подавлен... Именно так: окрылен! и подавлен! Одновременно.

Головоломка складывалась – но совсем не так, как ожидали игроки. Получалось что-то куда более мерзкое и опасное.

– Что так долго? – По глазам Виктории чувствовалось, что она изо всех сил пытается восстановить хронологию минувшей ночи.

– Очередь. Просили не занимать... – ограничился шуткой Виноградов. Как джентльмен, он без просьб и намеков откупорил пробку – золотистая, пенная жидкость обрушилась в стакан.

Госпожа Батенина почти на лету перехватила спасительную емкость, опустошила ее и потянулась за добавкой.

Выглядела она совсем по-домашнему – в розовом пеньюаре, с сигаретой в зубах:

– Уже лучше... Какие планы?

– Ехать надо! Еще не раздумали?

– Хорошо, Владимир Александрович. Тогда – выйдите!

Мне надо переодеться.

Теперь настала очередь Виноградова пожимать плечами:

– Я жду вас на террасе.

По прошествии пары секунд он уже понял, что погорячился, – тень ушла куда-то под крышу, жара превратила пластиковые креслица в некое подобие адских сковородок.

Спасти могло только море – и если бы не стерва «инспекторша», Владимир Александрович давным-давно плюнул бы на свою миссию и плескался в районе буйков.

На пляже сейчас хорошо... При жаре за тридцать чувство долга плавится и улетучивается со скоростью эфирного масла.

– Пойдемте! – По счастью, Виктория провозилась недолго.

На ней, помимо чего-то, фасоном напоминавшего сшитые вместе трусы и майку, надеты были шлепанцы, соломенная панاما и очки в пол-лица. Сумочка...

Оголенные участки кожи лоснились от крема.

– Эва заходила?

– Да. Откуда вы знаете?

– «Нивея»... Вы вчера ей заказывали, от загара.

– Хм-м-м! Я вас, кажется, недооценивала.

Виноградов не понял, что она имела в виду – то ли его сегодняшнюю догадливость, то ли успехи в порученном вдовой деле, то ли еще что-то касающееся минувшей ночи. На всякий случай он сделал умное лицо:

– Стараемся.

– Мне говорили, но... Как-то не верю я в нашу милицию!

– Я тоже, – согласился майор. – Я давно уже ни во что не верю... Подождите-ка!

Он поднял вверх палец, и на шоссе притормозило такси. Некоторое время ушло на попытку растолковать белозубому и усатому водителю, куда надо ехать.

– Садитесь! На месте покажете.

Виктория была права, поэтому Владимир Александрович подчинился:

– Да, присаживайтесь.

Захлопнув за недовольной вдовой заднюю дверцу, Виноградов уселся рядом с водителем и махнул рукой – прямо! Тот с хрустом вывернул рукоятку счетчика и с места в карьер вогнал машину в общий поток. Стрелка спидометра перекатилась вправо.

– Вам нужен будет письменный отчет? – повернулся Владимир Александрович к спутнице.

– Да, пожалуй... – Госпожа Батенина ответила с некоторой паузой, и это только подтвердило догадку Виноградова.

– У меня только ни компьютера нет здесь, ни машинки.

Не возражаете, если по возвращении?

– Нет проблем.

Водитель, не сбавляя скорости, снял с рычажка переговорное устройство и залопотал в микрофон, получая в ответ такие же темпераментные реплики диспетчера.

Закончив трепаться, он обратился к Владимиру Александровичу. По выражению лица водителя тот понял, что речь идет о дальнейшем направлении движения.

– Форвард! – скомандовал майор, продублировав английское слово жестом.

Такси уже проскочило торговую, деловую часть Ларнаки и теперь несло по утыканной пальмами набережной. Слева остались яхт-клуб и старинная цитадель с минаретом.

– У него – вон, карта... – подсказала сзади Виктория.

– О, точно! – обрадовался почти пришедший в себя в салоне, снабженном кондиционером, Виноградов. Жестом попросив разрешения, он развернул на коленях туристическую схему побережья. В конверте, переданном ушастым господином в Санкт-Петербурге, имелась почти такая же, кроме того, ее много раз воспроизводили в качестве иллюстрации к газетным материалам об автокатастрофе, поэтому Владимир Александрович уверенным пальцем ткнул в точку – почти посередине между Ларнакой и Лимассолом.

Водитель тоже читал газеты. Увидев, куда направляются пассажиры, он сочувственно кивнул, прогрохотал сквозь белоснежные зубы что-то наподобие «бум-бара-бах!» и про-

извел руками несколько экспансивных, округлых жестов – оставив при этом руль без присмотра. Чудом разминувшись с катящимся по встречной полосе трейлером, таксист несколько поубавил пыл, но в течение получаса по меньшей мере на хорошем, отчетливо-местном диалекте греческого языка объяснял Виноградову свою точку зрения на происшедшее.

Очевидно, дорожные происшествия со смертельным исходом на Кипре – явление достаточно редкое, поэтому оно не могло оставить равнодушным профессионального автомобилиста...

Наконец – добрались.

Виноградов рассчитался с водителем – учитывая чаевые, образовалась внушительная по майорским меркам сумма, – пресек его настойчивые попытки вылезти вслед за пассажирами и на месте прокомментировать свою позицию.

– Все-таки стоило, наверное, попросить его подождать?

– На кой? – фыркнула Виктория.

– Ну обратно вернуться...

– Плевать, другого поймаем! Здесь их хренова туча катается. – И, глядя вслед удаляющейся машине, добавила: – Надоел. Все трещит, трещит... Баклажан усатый!

Это было сказано так, что Виноградов против воли рассмеялся:

– Как прикажете!

Они перешагнули невысокий бордюр, и госпожа Батенина

поинтересовалась:

– Ну? Ориентируйтесь, если уж притащили.

Почти сразу же, основываясь на газетных фотоснимках и сыщицкой интуиции, Владимир Александрович обнаружил све-жеотремонтированный участок ограждения: столбик, чуть отличный от других, подсыпанный, не успевший еще окончательно утрамбоваться щебень... Впрочем, если не знать предысторию – эти метры шоссе ничем не отличались от остальных.

– Здесь!

– Вижу. – Виктория брезгливо ковырнула носком подошвы слежавшуюся пыль. Потом посмотрела вперед и назад по трассе: – Ну и что же на этом повороте такого особенного?

– В том-то и дело, что ничего.

– Да-а... Здорово он, видать, нажрался тогда!

Владимир Александрович предпочел промолчать – глупо было бы вступать во взаимоотношения покойного и его вдовы.

– Высокова-ато! – Скала уходила вниз почти отвесно, и там, у самой кромки морского прибоя, чернело неопрятной проплешиной выгоревшее пятно. – Интересно, как они оттуда его достали?

– Кого? – переспросил отвлекшийся Виноградов.

– Того бедолагу, который вместо Бати...

– Не знаю! – Владимир Александрович хотел сказать, что доставать-то, собственно, после того как остатки «тойоты»

отпыхали, было нечего. В принципе, наш брат, россиянин, так бы и оставил внизу то, что осталось от покореженного кузова – пусть себе догнивает на солнцепеке... Но здесь предпочитали не портить пейзажи и об окружающей среде заботились. – Есть, наверное, техника специальная, краны...

– Ладно! Полюбовались. Вам здесь больше ничего не надо?

– Нет. Можно возвращаться.

– Подожди! Пойдем искупаемся? – Неподалеку, в полукилометре, от шоссе отделялась раскатанная дорожка. Причудливым виражом она спускалась к морю – как раз неподалеку от того места, где догорал когда-то разбившийся автомобиль.

Идти было только туда – минут двадцать. А обратно? Да еще вверх?

– Простите... Не лучше ли поймать такси, вернуться?.. Там, у нас, отличный ведь пляж, вы еще не были!

– А я хочу – здесь, ясно? – Она приготовилась двинуться вперед, но почувствовала, что спутник за ней не последует: – В конце концов, вы здесь на мои деньги...

– Seriously? – Теперь Виноградов имел все основания полагать, что внизу его ждет что-нибудь наподобие парочки от мороженных братков или еще какая-нибудь пакость.

– Ну – пожалуйста, Володенька! – То, что дама сменила тон, понравилось Владимиру Александровичу еще меньше.

– Слушай, прекрати дурочку валять!

Он сейчас ничему бы не удивился – и уж тем более не удивило майора появление из-за горизонта примелькавшегося за последние несколько дней «лендровера».

– О господин Виноградов! Мадам! – Николай старательно изображал радость случайной встречи. – Какими судьбами!

– Вот... Не хочет идти к морю! – пожаловалась Виктория.

Массивный автомобиль стоял так, что со стороны шоссе не было видно пистолет какого-то невообразимо большого калибра. Этот пистолет удобно лежал в руке Николая и почти упирался стволом в лоб Владимира Александровича.

Чего-то в этом роде майор ожидал, только вот ошибся в сроках. Недооценил, так сказать, оперативность своих оппонентов. За что теперь и расплачивался...

– Неужели стрелять будете? Глу-упо!

– Не, не буду, – улыбнулся туристический агент. – Я тебе просто хребет сломаю, понял?

– Вряд ли...

– А потом в акваланг – и на пляж, понял? Несчастный случай... Задохнулся по неопытности, здесь это случается даже чаще, чем аварии.

– Ведите себя хорошо, Володя, – пожурила очаровательная спутница. – И все будет в порядке, честное слово.

Не дожидаясь конца конструктивного диалога, майор попытался прыжком преодолеть расстояние, отделявшее его от капота «лендровера». После этого все стало бы проще – обогнуть машину, выскочить на шоссе... На глазах у водителей

и автобусных пассажиров никто убивать бы не стал, себе дороже.

Не судьба, видно! Лучше следовало заниматься на ковре, под чутким руководством добрейшего тренера Мишки Мануса... Короткая подсечка, удар – и рот уже Владимир Александрович оказался где-то между колесами и асфальтом – с расквашенным при падении лицом и до невозможности вывернутой за спину рукой.

Он даже не успел почувствовать боли – только запах мовила и плавящегося на солнце асфальта:

– Лежать!.. Быстро давай, быстренько.

Виноградов сообразил, что последняя часть реплики адресована не ему. Что-то где-то звякнуло тоненько, металлом о стекло:

– Спокойно, не дрыгаемся...

Укол получился совсем незаметный, квалифицированный – тяжелый, реактивный гул заполнил неожиданно отяжелевшую голову, и майор милиции Владимир Александрович Виноградов перестал реагировать на внешние раздражители.

Глава четвертая

А который бы человек князь, или боярин, или кто-нибудь сам, или сына, или брата своего послал для какого-нибудь дела в иное государство без ведомости, не бив челом государю, и такому бы человеку за такое дело поставлено было в измену, и вотчины, и поместья, и животы взяты бы были на царя ж...

Царский указ XVI в.

За неимением пионерского горна утреннюю тишину разорвала сирена тревоги. Несколько секунд после этого паузу заполняла неустойчивая тишина – а затем в барабанные перепонки ударила мешанина из команд по-английски и русского мата.

– Чтоб ты сдох! – пожелал Виноградов и перевернулся на другой бок. Его лично подъем не касался, можно было еще поспать. Но какой уж тут сон после подобного звукового беспредела?

– Убью я его, гада, – подал голос с соседней койки инструктор по кличке Освальд. – Обязательно убью... Вот прямо на сегодняшних стрельбах – и шлепну!

По-настоящему Освальда звали Сергей, и в лагере он отвечал за огневую подготовку.

– Врешь опять, – с тоской ответил Владимир Александрович. Здесь ему с легкой руки незабвенной Виктории присвоили прозвище Майор Пронин. – Опять не сделаешь...

– Да, скорее всего, – подумав, согласился Освальд. – Но хоть помечтать-то...

Снаружи, за стеной «офицерского» барака уже топотали на зарядку те, кому положено.

Валяться и дальше под одеялом не имело никакого смысла.

Слегка приоткрыв один глаз, Виноградов разглядывал краешек неба, просвечивающий в уголок между шторами. Еще только начинало светать...

Рядом зашевелились, скрипя пружинным матрасом, – это сосед решил все-таки встать и искал теперь завалившуюся под кровать футболку. Торс у него был тренированный, загорелый, с двумя пулевыми шрамами на плече и под сердцем.

Излишнее любопытство здесь не приветствовалось, но Виноградов знал, что Освальд когда-то взял «бронзу» на чемпионате Европы по биатлону, закончил Военный институт физкультуры, служил инструктором в каком-то из подмосковных спецназов. Потом по благу попал в охрану нашего посольства за океаном и вскоре благополучно дезертировал. Сначала им заинтересовалось ЦРУ, а потом забросило – и бывший старший лейтенант оказался не у дел, совершенно свободный, но с мизерным пособием.

В Колумбии Освальд связался с «плохими ребятами». За-

работал кучу денег, но как-то осенью попал под войсковую операцию по борьбе с наркомафией: очередь с вертолета, больница, три года тюрьмы...

Что-что – а стрелять он умел. И любил.

– Пойдем пожрем, что ли?

– Пошли! – Виноградов, побряхтывая, вылез из-под одеяла и потянулся. Дожидаясь, пока сосед покончит с утренней гигиеной, сделал несколько разминочных упражнений – после вчерашней тренировки, на которую сдуру поперся Владимир Александрович, тело ныло и при неудачных поворотах головы реагировало болезненно.

Комната, выделенная на двоих, роскошью не отличалась. Больше всего она походила на теплоходную каюту не очень высокого класса: пара узких армейских коек, стандартные тумбочки, общий столик с обшарпанной лампой – и минимум свободного пространства. Имелись еще, разумеется, совмещенный санузел с душем и встроенный в стену одежный шкаф. Немецкий кондиционер под потолком, телефон внутренней связи, принудительная трансляция...

Некоторую индивидуальность помещению придавали портрет Че Гевары над постелью Освальда и ему же принадлежащая магнитола с набором кассет. В основном тут был блатняк – Шуфутинский, Новиков, Вилли Токарев. Каким-то образом в эту компанию затесался Валерий Меладзе, чуть ли не последний альбом.

Сам Виноградов, по причине недолгого своего здесь пре-

бывания, никакого вклада в художественное оформление «общего дома» не внес.

– Прощу! – Сосед протиснулся мимо Владимира Александровича к окну. Освальд успел побриться и теперь благоухал чем-то французским. Майор привычно позавидовал – дома, в Питере, он привык по утрам пользоваться электрическим «Филипсом», а здесь выдали какой-то дешевый станок с лезвиями и гигиенический карандаш-дезодорант. Все это явно было армейского происхождения и противно воняло.

Зато – бесплатно...

Тем не менее через несколько минут умытый и выбритый, почти без свежих порезов на лице, Виноградов уже торопился вслед за соседом по длинному коридору «офицерского» блока:

– Хэллоу, Борман!

Вышедший из двери своей «берлоги» мужчина был не просто, а старшим инструктором. Благодаря своему статусу он в одиночестве занимал комнату, предназначенную для двоих, – впрочем, желающих подселиться к этому лысому, быкообразному здоровяку с глазами покойника все равно не нашлось бы.

Вот и сейчас в ответ на приветствие Освальда он только молча кивнул и завозился с ключом, пропуская проходящих по коридору вперед.

– Сволочь, – пояснил Виноградову сосед. Владимир Александрович возражать не стал: то, что рассказывали об этом

человеке, положительных чувств не вызывало. – Дерьмо!

Во-первых, у него была совсем другая фамилия – кличку свою старый немец получил за национальность и поразительное внешнее сходство с Визбором из «Семнадцати мгновений весны». Во-вторых, Борман полный, пятнадцатилетний, контракт выслужил в Иностранном легионе и теперь с особой, мстительной жестокостью измывался над клиентами-французами. Впрочем, азиатам, неграм и славянам тоже доставалось – старший инструктор отвечал за курс рукопашного боя и бесшумных методов ликвидации.

Кто-то сказал Виноградову, что в августе этот садист покалечил на тренировке довольно перспективного дядечку из биржевиков – мало того что сорвался «тур», так еще пришлось выплачивать солидную компенсацию! Но дело как-то замяли...

До столовой Владимир Александрович и Освальд дошли почти одновременно с табуном, возвращавшимся с утренней зарядки. Пришлось посторониться.

– Гоу! Гоу, гоу!

Впереди без натуги бежал мускулистый, среднего роста парень с выбритым наголо черепом:

– Гоу, блин! Мать вашу... долболобы!

Судя по произношению, он тоже, как и Освальд, был виноградовским соотечественником. Владимир Александрович знал, что парень воевал в Югославии, а здесь откликался на прозвище Рэмбо, вел общефизическую подготовку и

считался при клиентах чем-то вроде классной дамы.

На бегу подмигнув инструкторам, Рэмбо скомандовал тем, кто за ним, перейти на шаг. Мерный топот сразу же сменился измученным шарканьем, кто-то сплюнул, кто-то закашлялся.

– Он их нау-учит свободу любить! – осклабился спутник.

Это была одна из редких возможностей увидеть практически всех обитателей лагеря в сборе. Несмотря на единообразие формы – майки защитного цвета, пятнистые брюки и сапоги на шнуровке, по содержанию основная масса подопечных Рэмбо являла собой сборище неисправимо штатских индивидуумов. Нет, конечно, – на полторы дюжины человек имелось несколько вполне достойных, но в основном... Отвислые животы, ранние плечи, карикатурные прутики бицепсов! Были даже очкарики – и две женщины, блондинка лет двадцати и коротко стриженная шатенка.

– Во, глянь! – Инструкторы даже остановились перед входом в столовую.

– Да-а... – Повинуясь команде ведущего, колонна повернулась направо и приняла упор лежа: Рэмбо хлопал в ладоши, а они отжимались на кулаках. – Для аппетита, что ли?

– Ему виднее. Заходи!

Столовая напоминала Виноградову образцово-показательный пункт общественного питания на заводе-гиганте времен последних социалистических пятилеток. Пластмассовая посуда, подносы, пристойный, но не изысканный

ассортимент. Владимир Александрович взял себе йогурт, немного остывшую яичницу с беконом, малиновый джем и кофе.

Платить не требовалось, и это придавало завтраку особую прелесть.

Столики, кроме углового, пустовали. Майор хотел было пожелать приятного аппетита угрюмому кавказцу, укутанному не по сезону в курчавую черную бороду, но опомнился – заговаривать с бородатым не рекомендовалось. Тем более по-русски... Услышав русскую речь, он быстро ощеривался, сплевывал и под настроение запросто мог пристрелить.

Хорошо, что Виноградова сразу же предупредили! Поэтому, получая положенное обмундирование и прочие необходимые в быту мелочи, он особо рот не разевал – только тыкал пальцем в бирки с размерами.

Кондор, так его велено было здесь называть, формально числился чем-то вроде коменданта и завхоза. Но, по наблюдениям Владимира Александровича, полномочия кавказца выходят далеко за эти рамки.

Поговаривали, что когда-то Кондор закончил медресе то ли в Чечне, то ли в Дагестане, потерял под российскими огнеметами всех, до единого родных и близких и с тех пор объявил всем славянам персональный газават. Терпел он только украинцев, да и то преимущественно западных.

Словом, пока Кондор не ушел, на всякий случай принимали пищу молча.

– Во, говнюк! – оторвался от сэндвича Освальд, когда дверь за кавказцем закрылась. От соседа по комнате Виноградов вообще редко слышал о ком-либо положительные отзывы, но...

– Да, такому лучше не попадаться.

– Типун те на язык!

Почти одновременно появились немец и Рэмбо.

– Здорово, мужики! – Соотечественник уселся в компанию, а Борман – сам по себе.

– Неплохо ты их... от души.

– Коз-злы! – отозвался о подопечных Рэмбо. Он уже, видимо, позавтракал и теперь ограничился стаканом сока.

Немного потрепались о штатских вообще и о текущем наборе в частности. Получалось, что сырье, за редким исключением, по качеству ниже среднего.

– А девочки? – любопытствовал Владимир Александрович.

Рэмбо только молча отмахнулся – не до баловства...

– Пошли, чего сидеть?

– А чего идти? – Тем не менее все трое собрали посуду и выгрузили ее в контейнер.

Виноградов на прощание пожелал Борману приятного аппетита.

– А ты чего – и по-немецки можешь? – удивился Рэмбо.

– Могу! – кивнул Владимир Александрович.

– Пронин у нас – полиглот! Одних высших образований у

него больше, чем у тебя в карточке трипперов записано... – поддержал соотечественника Освальд.

Майор не сразу понял, что речь идет о нем, – все-таки сам он со своим новым прозвищем еще не сжился. Окружающим было легче – они с самого начала знали его под вымышленной, а не настоящей фамилией.

Здесь было так принято.

Выходя, Владимир Александрович чуть задержался напротив зеркала. Нечаянно поднял бровь – отражение его вполне удовлетворило: камуфлированный картуз без опознавательных знаков, точно такие же куртка и брюки натовского образца, со множеством полезных петелечек и карманов. Кожаные десантные ботинки...

Солнечные очки, придающие физиономии дополнительную загадочность и суровость, Виноградов оставил на тумбочке, зато не забыл прикрепить на грудь пластиковую бирку-идентификатор. Прямоугольник размером с пачку сигарет включал в себя цветную фотографию, пятизначный номер и надпись на английском языке: «МАЙОР ПРОНИН. ИНСТРУКТОР». Комбинация из желтой полосы наискосок и двух звездочек указывала сведущим людям на уровень виноградовских полномочий и круг обязанностей.

Первого было, судя по всему, поменьше, второго – побольше...

– Во сколько сегодня?

– Говорят, после обеда.

– Значит, вечерних стрельб не будет? – озаботился Освальд.

– Да брось ты... Все равно ни хрена за это время из них не сделаешь! – Рэмбо с подъема был настроен скептически.

– Жаль, – констатировал инструктор по огневой подготовке. Если честно, ему просто нравилось возиться с оружием и вышибать мишени.

– И к чему вся эта показуха? – Рэмбо непосредственно в подготовке грядущего мероприятия не задействовался, но вечернее увольнение для него накрылось.

– Припекает, – нейтрально посмотрел вверх крыш Виноградов. Ему лично выход в город и вообще за пределы базы был запрещен, поэтому ничего против лишнего развлечения майор не имел. – Выкупаться успеем?

– Вряд ли! – Из общего крыла столового модуля потянулись покончившие с завтраком подопечные. Кое-кто уже покуривал на скамейке под полотняным навесом – и даже пожарная бочка была такая же, как в обычной казарме по обе стороны Атлантики.

До начала занятий оставались считанные минуты.

– Тюрьма нар-родов! – сплюнул Владимир Александрович.

По периметру лагерь был огорожен бетонным забором в два человеческих роста – с традиционной колючей проволокой поверху. Ночью ограда подсвечивалась прожекторами, а сенсорная система реагировала на любое перемещение внут-

ри и снаружи.

Ворота были только одни – тяжелые, металлические, с вырезанной в них калиткой. Да и то – вели они не наружу... Собственного выхода лагерь не имел, сообщаясь с окружающим миром только через территорию; именуемую в обиходе «объектом Альфа» или, неофициально, – «обезьянником».

«Обезьянник», судя по расположению контрольных вышек, охватывал лагерь полукольцом и размеры имел намного превышающие тот клочок земли, на котором вынужден был мариноваться теперь Виноградов. Как-то он предположил, что объект этот – не что иное, как бывшая или даже действующая военная база: со стрельбищем, парком тяжелой техники и взлетно-посадочной полосой... Судя по реакции Освальда, эта догадка была не так уж далека от истины. Внешняя, не сопряженная с «обезьянником» стена лагеря, нависала над пропастью – а вокруг горизонт ограничивался уходящими в небо, покрытыми выжженной порослью горными склонами.

Свободным выходом на волю пользовались только Кондор да пара старух из obsługi – все остальные, включая инструкторов, по отдельному пункту контракта могли покидать лагерь только дважды в неделю, со специальными разовыми пропусками.

Внутри огороженной территории имелись: четыре модульных барака жилого и учебного назначения, хозяйственный блок, подземный тир с оружейными кладовыми, полоса

препятствий достаточной сложности и парашютная вышка. Функции культурно-оздоровительные выполнялись открытым бассейном, спортплощадкой и неким подобием салуна – со стойкой, спиртными напитками и видеотекой. В тенечке стояли танк Т-80 и французский бронетранспортер – в качестве наглядных пособий и без видимых повреждений.

– Те двое козлов вчера опять перепились, – пожаловался Рэмбо. – Наш чуть скандинаву морду не раскровянил.

– Чего не поделили?

– Известно чего... Эту сучку!

– Давно бы выгнать ее на хрен... Только на нервы действует. – Чувствовалось, что для Освальда этот вопрос не только теоретический. – И вообще – если уж взялись за дисциплину, надо сухой закон вводить.

– Ну это уж ты зазря! – засомневался Рэмбо. – Мало того что они за собственные деньги с утра до вечера говно хлебают, так если их еще и выпивки лишить...

– И курить – тоже нечего! – уперся Освальд. – Вредно это для здоровья.

– Братан, так мы же вообще без клиентов останемся, нет?

– Ничего, дураков на наш век хватит!

– Слышь, Пронин... – подмигнул Владимиру Александровичу «общефизический» инструктор. – Знаешь, почему он так заводится? Потому, что она ему тоже не дала!

– Кто – эта крыса? Да она же садистка, больная! – возмутился Освальд, но не слишком искренне. – Очень надо...

– Вам-то что, мужики. – Виноградов бросил пробный шар. Из каждой реплики собеседников с первых же часов пребывания здесь он пытался вытянуть хотя бы крупицу дополнительной информации. – Вам-то что... В город ходите, там баб – немерено!

– Ага! Ты пойди там, увидь хоть одну на улице... Мусульмане, дикий народ.

– Восток – дело тонкое, Петруха! – И все трое заулыбались, как могут улыбаться только соотечественники, воспитанные на одних и тех же фильмах.

Внезапно и коротко несколько раз взвизгнула сирена.

– Ох! Пойду к своим баранам.

– Ладно, я, если что, в оружейке. – Освальд поправил табличку на груди и предложил: – Слышь, Пронин... Если хочешь – приходи. Дам пострелять! – Это было со стороны инструктора по огневой подготовке проявлением крайней степени симпатии. Ему и в голову не могло прийти, что кто-то не стораит от желания лишний раз нажать на курок.

– Обязательно, – кивнул Владимир Александрович. – Сейчас искупаюсь – и спущусь к тебе.

– Давай не задерживайся. Сегодня короткий день!

Рэмбо неподалеку уже строил подопечных по группам, и Освальд прошествовал мимо него по направлению к двери подземного тира.

Оставшись один, Виноградов некоторое время постоял, задумчиво сунув руки в карманы. Переодеваться не имело

смысла...

Сдвинув пониже на глаза длинный матерчатый козырек картуза, он не торопясь двинулся к бассейну, но через несколько шагов остановился, задрав голову. Высоко в небе прочертило стремительную траекторию звено американских истребителей: вечером по радио передавали, что неподалеку болтается авианесущая флотилия военно-морских сил США.

Средиземное море – море мира... С каких это, интересно, пор? Запоздалый звук скрывшихся из виду самолетов перекрыли обрывки музыки, доносящиеся со стороны «обезьянника» – и Владимир Александрович увидел над кромкой стены кусочек флагштока с выползающим на него полотнищем. Издали он все никак не мог разобрать, что же там изображено – то ли пантера с мечом, то ли стилизованный волк... Явно присутствовал полумесяц, а фон составляла череда белых, красных и зеленых полос.

«Странно, – подумал майор, – по идее день на „объекте Альфа» должен бы начинаться с восточной молитвы». Он представил себя просыпающимся под завывание муэдзина и решил, что это ненамного хуже, чем смесь иностранных команд и мата.

К сожалению, теперь Владимир Александрович достаточно точно представлял себе, где и почему находится. Несмотря на серьезные требования режима, от него почти ничего не скрывали – в тайне держалось только то, что не положено бы-

ло знать остальным, попавшим сюда по своей воле «инструкторам». Распространение информации внутри лагеря ограничивалось только в той степени, в которой здесь не приветствовались назойливое любопытство и болтливость. Сосед по комнате, Рэмбо и все остальные «сотрудники», за исключением, пожалуй, Кондора и еще парочки человек, считали его своим, а обучаемому контингенту просто в голову не приходило задавать вопросы.

Тюрьма – она и в Африке тюрьма, но при таком раскладе быть заключенным оказывалось все же лучше, чем мертвым. Иллюзий Виноградов не испытывал – представляй он потенциальную опасность как источник утечки информации, режим содержания назначили бы другой. Судя по всему, пребывание в лагере следовало расценивать не как спасение – а как отсрочку исполнения приговора. Что, собственно, не мешало наслаждаться в полной мере солнцем, водными процедурами и затянувшимся бездельем.

– Хэй, Пронин! Хэллоу!

– Салам, док!

Врач сидел у открытого окошка изолятора и глядел наружу через огромные линзы своих старомодных очков – больше всего он напоминал в этот момент пожилую Сову из мультфильма о Винни-Пухе. Он был из местных, носил на груди анонимную табличку с надписью «ДОКТОР» и представлялся Сальманом. Виноградов подозревал, что это его настоящее имя.

Судя по множеству звездочек и полосок на табличке, этот Сальман обладал практически неограниченными полномочиями и свободой передвижения.

– Кофе? – Доктор заваривал обычно с кардамоном, в маленьких чашечках, – и это было исключительно вкусно. Но Владимир Александрович вздохнул и отказался – хотелось в бассейн, искупаться.

– Бай-бай! – не обидевшись, помахал ладошкой Сальман, Собственно, эта смуглая ладошка перед глазами была первым, что увидел Виноградов, выбираясь из забытья...

...Что-то бежевое, расплывчатое несколько раз монотонно качнулось перед глазами.

– Вон, приходит в себя! Я же говорила.

Женский голос звучал в отдалении, а мужские, продолжившие обмен репликами, – значительно ближе. Разговаривали, кроме женщины, двое, но слов разобрать Виноградов не мог – язык был чужой, незнакомый, со множеством гортанных согласных.

– Твое счастье... – неожиданно сказал один из собеседников по-русски, и Владимир Александрович почему-то догадался, что обращаются к женщине. – Пошла вон!

Изображение фокусировалось, уже можно было различить ладонь, слегка растопыренную.

– Хоп-ля! – В ресторанном, подзывающем официанта жесте ладонь сложилась в щепотку: звук от соприкосновения среднего и большого пальцев получился на удивление звон-

ким.

В поле зрения возникла совиная физиономия, но почти сразу же ее сменила другая:

– Виноградов... Вы меня слышите?

Владимир Александрович добросовестно опустил и вновь приоткрыл веки. Это потребовало определенных усилий, но сознания он не потерял.

– Вот и прекрасно! Узнали?

– Полков... ник.

Язык шевелился, хотя и медленнее, чем хотелось бы.

– Правильно, – похвалил голос. – Но пока полежите еще.

Он опять что-то скомандовал второму, похожему на очкастую птицу, – и под кожу майора пошла очередная инъекция. На этот раз она обещала покой и здоровье.

На следующий день Виноградов уже вполне мог вести осмысленный диалог.

– Лежите, лежите... – успокоительно махнул рукой появившийся в изоляторе Полковник. Собственно, Владимир Александрович и не собирался вставать, более того – по причине абсолютной физической

слабости он и не смог бы этого сделать даже при большом желании, но... – Вижу, с аппетитом все в порядке? Покушали?

Сил у Виноградова хватало только на то, чтобы донести до рта ложку или что-нибудь прожевать, – но уж этой возможностью майор пользовался по полной программе. Доктор толь-

ко успевал приносить-уносить подносы, добродушно покачивая головой. Вот и сейчас, покидая помещение изолятора, он прихватил с собой использованную посуду.

– Спасибо! Все было очень вкусно. Особенно уколы...

– Ну если уже шутить начали! – обаятельно рассмеялся Полковник. Акцент в его речи чувствовался, пожалуй, еще меньше, чем при первом питерском знакомстве. – Скоро совсем поправитесь. Доктор обещал, а он врать не будет.

– Интересно, а чем же это я так заболел, а? Уж не ваши ли люди меня заразили?

– Сами виноваты! – сокрушенно покачал головой собеседник. – Вас же приглашали поехать – по-хорошему?

Виноградов, пользуясь мнимыми преимуществами больного, прикрыл глаза и выдержал паузу. Подействовало – Полковник вынужден был продолжать:

– Дура, правда, перестаралась. Препарат совершенно безвредный, но вы ее, бедняжку, так напугали, что... По пути она вам дополнительную дозу вкатила – а это уже перебор.

– Наркотик? – не удержал в себе страх Виноградов.

– Нет, не волнуйтесь! Простое снотворное. Но у вас к тому же какая-то аллергическая реакция пошла... Ладно, сейчас уже скоро поправитесь.

Далее Владимир Александрович с интересом прослушал рассказ о том, как его, бессознательного, перегружали с машины на яхту, как везли по волнам мимо Айя-Напы вдоль побережья, как на границе с Турецкой республикой Север-

ного Кипра чуть не нарвались на патрульный катер... Дальше все было просто: частный аэродром, небольшая взятка таможеннику, перелет сюда, в лагерь.

– Слава Аллаху, что живым довели! А доктор у нас – волшебник, любого на ноги поставит.

– А зачем? – поинтересовался майор.

– Что же, вопрос вполне естественный... – Полковник вынужден был согласиться. Критически оглядев лежащего перед ним Владимира Александровича, он спросил: – Вы готовы к беседе?

– А у меня есть выбор?

– Нет, пожалуй, – подумав, констатировал Полковник. – Не хотелось бы откладывать разговор, я сегодня улетаю.

– Надолго? – Это было уже нахальство, но собеседник не стал обращать внимания на мелочи, пользуясь правом сильного.

– Нет, дней на шесть... Но время – деньги! Жаль, если придется искать дополнительный вариант.

– Я готов вас слушать.

– И отвечать?

– В пределах разумного.

– Знаете, доктор у нас такой волшебник... – Сидящий напротив оскалился нежно, и Виноградову опять стало страшновато. – Такой волшебник... Вы, надеюсь, понимаете, что он может заставить вас не только говорить? Но и петь, плясать, декламировать стихи и прозу?

– Понимаю! – Слуха у Владимира Александровича не было с детства, поэтому перспектива выступить в вокальном жанре его не привлекала. К тому же, как всякий цивилизованный человек, он отрицательно относился к боли и представлял себе возможности современной фармакологии.

– Хорошо, тогда начнем... с легкого вопроса. Как вы лапушку нашу, Викторию, раскололи? Сразу же?

– Нет, – с сожалением помотал головой Виноградов, Вопрос был действительно легкий, и профессиональному самолюбию Владимира Александровича безусловно льстил. – Не сразу.

– А все-таки?

– Паспорт... Звали-та ее так же, как вдову Батенина, и фамилия могла быть девичья указана, но...

– Мы из этих соображений и исходили – она знача бы, что ответить в случае чего. Интересно все-таки, в чем прокол?

– Дочка. У Бати дочка была полутора лет. А у этой – сын, годовалый, она с ним летом сюда приезжала.

– Вот сук-ка! Не учли... – Полковник весело хлопнул себя по коленке. Очевидно, про последний телефонный разговор Виноградова с Евгением Наумовичем его людям известно не было. Это обнадеживало: мало того что Владимир Александрович именно тогда убедился, что «вдова» подставная, он успел еще обусловить страховку на случай возможных проблем. Вспомнилось удивление питерского собеседника, узнавшего про внезапную посетительницу...

Полковник тем временем продолжал веселиться:

– Эх, аналитики! Шпионы, понимаешь... На мелочи обосрались. А я-то все думаю – ничего не пойму: вроде в кабаке ты ей все докладывал начистоту, без липы? Не сомневался, так? А утром...

Теперь настал черед удивиться Виноградову:

– А откуда вы знали, что я ей?..

– Элементарно! – снизошел до ответа Полковник. Ему тоже приятно было рассказывать о своих профессиональных удачах. – Радиозакладка... Все, до последнего слова, писали – прямо в машине.

– Но я же проверил сумочку? – Ничего похожего на «жучок»-микрофон Владимир Александрович тогда не обнаружил, это точно. – Разве что только помаду не выкручивал!

– И напрасно, – назидательно поднял палец Полковник. – Именно туда мы ту штучку и засадили! Влево повернешь – помада вылезет, вправо – передатчик заработает...

– Не боялись – через две границы-то тащить?

– А зачем рисковать? Ей уже там, на Кипре, Николай все, что надо, передал. Секундное дело!

– Для этого он нас и встречал?

– Ну не только. – Полковник порыскал глазами в поисках пепельницы, но решил воздержаться от курения и спрятал открытую пачку обратно в карман. – Давайте считать разминочную часть законченной? Перейдем к делу. Беседа будет доверительной, без протокола...

– Но, как я понимаю, под запись? – Виноградов глазами показал на то место, куда поместилась пачка. Полковник, судя по всему, обожал всякие технические штучки, но и майор старался не попадать дважды на одни и те же грабли.

– Правильно понимаете! – решил не изображать оскорбленную невинность собеседник. Все равно он был хозяином положения – и, подчеркивая это, достал из кармана замаскированный под сигареты диктофон. – Так вот... Что вам удалось узнать – мы уже слышали. Теперь хотелось бы узнать выводы. Ведь у вас есть какие-то предположения?

– Упаси Господь! Даже и не думаю на эту тему, – с жаром продекламировал Владимир Александрович.

– Позвать доктора?

– Нет, не стоит... – В любом случае деваться было некуда. – Значит, на мой взгляд, все было так... Когда я, дурак, напоролся на этот ваш «МИНИТУРЗ», – чтоб ему пусто было! – Николай, или как там его зовут, задергался. Выдал рабочую версию насчет мужика из посольства – очевидно, предполагалось списать все накладки на этого мифического господина. Жиденюка, надо сказать, была версия!

– Собственно, на ваш приезд никто не рассчитывал.

– Напрасно. Надо такие операции с запасом строить!

– Торопились... Но мы учтем на будущее. – Терпение собеседника было безграничным. Так обычно прощают дерзости смертельно больным или неразумным детям.

– Николай, наверное, связался с вами или с кем там уж

еще, не знаю. Пока решалось, что к чему, завез мне «липовую» визитную карточку, которая даже высохнуть не успела.

– Ну парень старался как лучше!

– Наверное... Но это-то меня и насторожило: первый, так сказать, звоночек. Но, честно признаюсь, здорово задумано! Я чем дальше, тем больше этого Николая подозревал, вместе с его конторой. А на счет «вдовушки» почти до конца так и не врубился.

– На это и рассчитывали. Отвлекающая фигура!

– Вы придумали?

– У нас есть кому думать... Мне вполне достаточно общего руководства. – Полковник, чувствовалось, кокетничает.

– Передайте авторам мои поздравления... Мне даже в голову не пришло перепроверять специально – жена сказала, что прилетит какая-то Батенина, а уж остальное я сам додумал, приехал встречать, как дурак!

– И все ей как на духу выложили...

– А что делать? Заказчица, я привык деньги отрабатывать.

– Да-а... Мы бы и с паспортом не опозорились, высчитали возможный прокол, но – времени вы нам уж слишком мало оставили на подготовку. Особенно когда в прокатную контору потащились даты сверять.

– Следили за мной?

– Нет, зачем... Городок маленький, все на виду. Николай же знал, где вы можете появиться, зашел через час, выяснил.

– Что еще?

– Да все в общем-то! Я же этой Виктории вашей, стерве, отчитался о том, что выяснил.

– Но... – сделал многозначительную паузу Полковник. – Но! После этого вы узнали про «подставку»?

– Догадался, – кивнул Виноградов.

– И что теперь думаете?

– Теперь? – Владимир Александрович попытался из множества фраз, крутящихся в голове, выбрать единственно верную: – Теперь я жалею, что вообще в это дело ввязался. Попутал же нечистый.

Собеседник неожиданно опять развеселился. Видимо, он вообще был человеком смешливым:

– Как это говорят – русский человек задним умом крепок?

– Скорее жадность фраера сгубила.

– А вы – жадный? – удивился Полковник.

– А вы? – не нашелся что ответить Виноградов.

– Я – нет! – гордо ответил восточный человек. – Мужчина не должен быть жадным... Кстати, а кто вас нанял?

– Вдова Батенина, вы же знаете.

– Лично?

– Как не стыдно?.. Я ее в глаза не видел, будто вы не...

– Тогда – кто?

– Меня нашел ее адвокат. Такой – с ушами! – Самое плохое, если бы сейчас Полковник начал уточнять по поводу обстоятельств их встречи с представителем заказчицы. Пока не

засветился Евгений Наумович, существовал шанс вы путаться, пусть крохотный – но существовал.

– Почему именно вас?

– Вы же слышали тогда, на презентации... Видимо, кто-то передал ему содержание разговора – или Манус, или Следков, или... или вы сами?

– Не-ет, я не передавал! – Полковник прищурился и удовлетворенно помотал головой: – Ушастый, говоришь? Ладно, допустим...

Очевидно, то, что он услышал, совпадало с имевшейся ранее информацией.

– Зачем им все это было нужно?

Виноградов изложил версию со страховкой.

Полковник пожал плечами:

– Что же, вполне... А ты-то зачем согласился?

Владимиру Александровичу оставалось только вздохнуть.

– И все-таки? – настаивал собеседник.

– Не знаю! – Он действительно не представлял, что ответить на этот вопрос.

Неизвестно почему, Полковник поверил:

– Хорошо, что не врешь...

Некоторое время молчали – Полковник что-то обдумывал, а Виноградову просто больше ничего не оставалось.

Здорово, если просто укольчик сделают, заснешь – и не проснешься. Хуже, если станут мучить. Хотя, собственно, зачем? Он и так все расскажет.

Зачем, зачем... А просто так! Может, любят они это дело?

Физическая немощность потихоньку отступала, но о том, чтобы заломать даже одного этого крепкого загорелого мужика, не могло быть и речи. Разве что если пихнуть пальцами в шею? Туда, где терялась в поднимающемся из-за ворота куртки волосяном покрове массивная золотая цепь – та же, что и тогда, в Питере. Нет, вряд ли... По возможности незаметно Владимир Александрович скосил глаза ниже: защитного цвета костюм покроя сафари, ботинки с тупыми носами... Меньшее, чем при первой встрече, количество перстней на пальцах компенсировалось прилипшей к бедру армейской кобурой.

Здоровый он, этот Полковник... Сытый! Тем более что Виноградов даже не представлял себе, сколько еще таких вот здоровых и сытых ждет его за первой же дверью.

– Где я? – первым не выдержал все-таки пленник,

– Где... – оторвался от размышлений Полковник. – Рассказать?

– Нет, если не хотите – не надо! – запротестовал, спохватившись, Владимир Александрович. Ясно, что осведомленность всегда растет в обратной пропорции с вероятностью выбраться на волю.

– Почему же... Заработал, пожалуй. – Очевидно, решение было принято, и то, что ответит Виноградов, значение имело весьма относительное.

Но прежде чем выслушать Полковника, он по его требова-

нию довольно подробно описал последнюю встречу с Батей на том проклятом перевале. Получилось вполне достоверно, но несколько вяло – события той давней ночи воспринимались Владимиром Александровичем как нечто условное, почти не имеющее отношения к данной реальности. Он как бы пересказывал все с чьих-то слов, со слов отличного парня, оставшегося в той жизни, – майора российской милиции.

– Вот и все! – закончил он, описав безуспешные поиски Батиного тела. – Так и не обнаружил...

– Да, молодцы ребята. Вывезли! Под самым, можно сказать, носом у наших. – Полковник размял по-борцовски тяжелую шею.

– Ладно, теперь моя очередь. Слушай!

...Есть люди, которым скучно.

В России их меньше, чем, например, в благополучной Швейцарии, – и это естественно. Когда каждый день борешься за то, чтобы просто-напросто выжить, – как-то не до скуки. Европейцы, американцы – они ведь настолько размеренно, пресно существуют в подавляющей своей массе, что судури кидаются на всякую гадость: в наркотики, всякие там секты...

На этом, собственно, и построил свой бизнес Полковник – на двух китах. На извечной, врожденной тяге людей к острым ощущениям, риску – и на наличии у них достаточных денежных средств в твердой валюте. Была еще и третья предпосылка, обрекавшая начинание на успех, но о ней предпо-

читали особо не распространяться даже в своем кругу:

– Любому человеческому существу необходимо хоть раз в жизни убить себе подобного! Это – инстинкт, зов природы.

– Хм-м? – засомневался Виноградов.

– Напрасно... Ведь что мешает реализовать эту потребность? Страх! Опасение, что поймают, накажут... или, не дай Аллах, самого отправят на небеса, досрочно. – В глазах Полковника затрепетал огонек фанатичной назойливости, и Владимир Александрович решил больше не перебивать.

...Таким образом, спрос на «сафари за двуногими» существовал всегда. Со времен крестовых походов и освоения Дикого Запада – до наших дней. Вспомните разных там «интернационалистов», «доброолицев», «солдат удачи»... Только не надо про идеалы! Были и те, конечно, кто срывался из теплых постелек по убеждениям, дураков всегда хватало, но основная масса – она состояла из тех, кто не верил ни в Бога, ни в Аллаха, ни даже в черта. Сейчас по всему глобусу полыхает – гражданские войны, межнациональные, племенные, религиозные. И везде не хватает людей, желающих пострелять, куда скажут. Но одновременно сотни и тысячи обывателей – добропорядочных, благополучных, законопослушных убегают в отпусках от своих цивилизованных и пропитанных скукой стран: кто-то претя на Северный полюс, кто-то ловит акул на живца, кто-то ломает себе шею в абсолютно бессмысленном лазании по горам Гималаев.

Рынок – это довольно просто. Надо только правильно рас-

познать спрос и соответствующим образом приспособить к нему предложение. Не суть важно, идет ли речь о сбыте трусов и колготок или об организации охоты на людей.

Начали с Югославии – там как раз провалилась очередная попытка примирения. Люди Полковника разработали три варианта – «восточный», «славянский» и «католический». По первому из них, например, клиенту предлагалось поехать в Сараево, уложить из винтовки на выбор хорвата или серба, а затем вернуться, чтобы в кругу друзей отпраздновать удачное приключение. Экипировку, транспорт и беспрепятственное возвращение из зоны конфликта брала на себя, естественно, фирма. За редким исключением, в контракт включалась обязательная первоначальная подготовка – Полковник не хотел рисковать из-за неуклюжести или психологической непригодности искателя, приключений, поэтому не прошедший или прервавший по собственной инициативе «курс молодого бойца» клиент автоматически лишался всех внесенных на счет агентства денег.

Для «славян» и «католиков», естественно, в качестве мишеней выбирались представители противостоящих общин. Убийство солдата противника стоило несколько дороже, чем ликвидация мирного жителя, а сотрудники контингента ООН шли вообще по специальному тарифу.

– И что? Рекламу дали по телевизору?

– Нет, почему по телевизору... – посмотрел сквозь собеседника погруженный в собственный рассказ Полковник. –

Есть и другие способы.

Во всяком случае скоро один только югославский театр военных действий уже не мог вместить всех желающих – и это несмотря на куда более высокие, чем в традиционном туризме, цены! Срочно пришлось осваивать новые регионы. Центральная Африка, латиноамериканские и азиатские пограничные конфликты, Афганистан... А тут очень кстати поспела Чечня.

– Что, действительно находились желающие? В Чечню?

– Ну поначалу, когда армия двинулась, – опасались. Но потом, после дурного штурма Грозного... Нет, потихоньку стали записываться! А когда первые клиенты вернулись да рассказали знакомым... Знаете, на Западе ведь очень модно – пальнуть в натурального русского, а где же еще это сделаешь? Только Кавказ, ну – еще Таджикистан, но на границу в основном или с Ближнего Востока, или арабы идейные едут, кто победнее. Мы с них там меньше денег берем, но и условия средненькие...

– Значит, и с идейными работаете?

– Лишь бы платили! Вообще-то они все из себя что-то корчат – кто борец против коммунизма, кто фундаменталист, кто наоборот – за славянское братство против ислама... Им так легче, наверное? Странный народ...

Полковник пожал плечами, рассмеялся чему-то своему и продолжил рассказ.

Получалось, что уже несколько месяцев фирма могла поз-

волить себе несколько усовершенствовать схему. Не отказываясь от массово-поточного метода, они перешли к выполнению индивидуальных заказов. Клиент получал возможность заказать не только регион, но и способ охоты, а также конкретную цель. На выбор предлагались: стрельба из всех видов оружия, убийство ножом или миной, выбрасывание пленного из вертолета. Можно было собственноручно уничтожить генерала, конкретного политического деятеля из враждебного лагеря или священнослужителя чужой церкви.

Словом – твори, выдумывай, пробуй... Внедрили даже специальную услугу для особо честолюбивых: за отдельную плату в конце операции им вручалась медаль или орден, настоящие, от имени тех, кто представлял «принимающую сторону».

– Значит, все это – с ведома разных там Туджманов, Дудаевых, Караджичей? Может, они еще и в доле?

– Не-ет, не всегда! – пожалел виноградовские иллюзии Полковник. – Первым лицам вовсе не обязательно знать все, что у них в хозяйстве происходит... Но, молодой человек, в каждом даже самом честном правительстве, в самой фанатичной религиозной организации, среди самых что ни на есть патриотов – везде найдутся один-два здравомыслящих человека, понимающих выгоду. Свою, и не только свою... Надо только уметь найти этих людей, и все будет в порядке.

– Хм-м, орден... Надо же!

– Да что там висюльки! Мы такие нюансы пожеланий кли-

ентов учитываем...

– Например?

– Ну кто-то, может быть, вовсе и не хочет пока лично убивать. Просто заказывает – взрыв моста! Или – подрыв танка на горной дороге? Часто просят, чтоб дали возможность культовое сооружение уничтожить – естественно, не своей религии! Мы тогда клиенту все готовим, оборудуем позицию, так, чтоб видно было как на ладони... Ему остается только ручку повернуть или на кнопку нажать, если радиоуправляемые мины.

– Здорово. Прямо даже слов нет!

Но Полковник уже слушал в основном только себя:

– Один итальяшка, явно придурочный, с тараканами в голове, пожелал поджечь родильный дом. И чтоб из пулемета – по окнам, когда выпрыгивать начнут.

– Обеспечили?

– Насчет пожара – да, а вот по поводу расстрела... Отказаться пришлось.

– Почему же? – искренне удивился Виноградов.

– Специфика фирмы. Мы же индивидуальные ликвидации организуем, в особых случаях только – целиком самолет или грузовик с пассажирами... А тут – массовый расстрел! Не наш профиль.

Владимир Александрович вспомнил знакомых егерей и инспекторов рыбоохраны. Они тоже стояли на страже принципов спортивного отношения к охоте и лову, не допуская

браконьерства и варварских, нарушающих правила способов промысла.

– Разные клиенты попадают... С пристрастиями, так сказать! – продолжал тем временем Полковник. – Один был, так тот приличные деньги заплатил, чтобы в допросе пленного серба поучаствовать.

– Всего-навсего?

– Лучше бы он его сразу убил... Садист больной! Такое вытворял с беднягой, что даже сам местный командир не вынес, пристрелил – пленного, разумеется. Не клиента... Некоторые за изнасилование особо платят, за прочие гадости, о которых у себя только мечтали, – а здесь пожалуйста! Война – она все спишет.

– Дорого? В смысле – сколько же подобное удовольствие стоит?

– Элитный туризм, – развел руки, будто извиняясь перед кем-то, Полковник. – Это всегда обходится недешево! Но, в принципе, от десяти тысяч долларов можно себе подобрать – включая курс специальной подготовки и собственно охоту... За две недели незабываемых ощущений – не такая уж колоссальная сумма, согласитесь? Хотя, конечно, в среднем – тысяч двадцать пять, тридцать. Иногда до полусотни тонн баксов доходит!

– Интересно, если про этот бизнес пронохают журналисты...

– Ерунда! У нас заложены большие накладные расходы –

как раз на нечто в этом роде. Кого-то покупаем, кого-то... нейтрализуем. Кстати, один клиент – у него были давние счета с прессой, английские газеты ославили его и разорили – заказал именно собственноручную ликвидацию корреспондента! Мы его свозили в Боснию, дали «оторваться», заодно и от очень въедливого писаки избавились. А вообще... Это же демократический мир, свободная пресса – каждый что хочет пишет, и никто ему не верит.

– Значит, не боитесь утечки?

– Мы ничего не боимся! – отчеканил Полковник. – Но, конечно, лишний шум иногда мешает. Поэтому принимаются меры конспирации – элементарные, но... Например, клиентам запрещено в процессе подготовки рассказывать кому бы то ни было о конкретных деталях своего заказа, выбранной мишени, о том, где и как они вышли на фирму. Даже подлинные имена не используются, каждый получает псевдоним и кодовый номер. Расположение базовых лагерей, – Полковник посмотрел в потолок и сделал кругообразный жест рукой, – страна размещения... Мы устраиваем так, что клиент этого просто не может узнать.

– Усыпляете? – вспомнил собственный пример Виноградов.

– По-разному. Много есть способов...

– Вы гарантируете безопасность? Это же все-таки не карнавал в Венеции, могут и... того?

– Должен присутствовать элемент риска! – Чувствова-

лось, что у собеседника в этом вопросе были оппоненты, но его точка зрения возобладала. – Это сразу же оговаривается в контракте. Клиенты знают, на что идут, за то и платят.

Владимир Александрович замолчал вслед за Полковником, но опять первым нарушил паузу:

– Значит, Бате просто не повезло...

– Да! Второй случай в практике. Или третий... Но тогда клиент отделался оторванной рукой.

Полковник нехорошо улыбнулся и решил проявить откровенность – очевидно, он не опасался, что Виноградов донесет полученную информацию до посторонних ушей:

– Все-таки, наверное, третий... Того бедолагу, инвалида, пришлось потом по пути домой ликвидировать. Своими средствами. Догадываетесь почему?

– Конечно. Рано или поздно он там у себя плюнул бы на тот пункт в контракте – и по судам вас затаскал. Отбились бы, наверное, но в дерьме оказались по уши.

– С вами приятно иметь дело, Виноградов! Жаль, что это продлится недолго. Хотя...

Владимир Александрович напрягся – разговор вступал в стадию, подразумевающую практические последствия.

Полковник уловил это движение:

– Вас, наверное, еще что-то интересует?

Подразумевалось, что Владимир Александрович спросит о своем собственном будущем. Но пленник попытался сохранить лицо:

– Насчет Батенина... Как он на вас вышел?

Это оказалось несколько неожиданно для Полковника, но он счел возможным удовлетворить невинное любопытство Виноградова:

– Ну последнее время среди клиентов начали появляться русские... «Новые русские», как вы их называете. А что? У них те же проблемы, что и у богатых людей с Запада. Имеются, правда, нюансы! В основном те, кто сейчас не знает, куда деньги девать, кто стал солидным, благополучным, – они ведь пережили бурные периоды своей биографии... Это, поверьте, значительный психологический надлом – после всяких там спецназов, Афганов или, наоборот, после «разборок», «стрелок» и лихой братвы... после всего этого заниматься рутинным бизнесом, считать прибыль, выслушивать нытье жен и любовниц, посещать вернисажи и делать пожертвования на милицию. Многие спиваются, гибнут – от чего? От скуки! И тут на помощь приходим мы – наше агентство. Простой девиз: плати деньги – вернешься в молодость... Мы же, как вы изволили выразиться, не печатаем объявлений в газетах – реклама идет на уровне доверительных контактов, прежде чем сделать человеку предложение, его изучают, прощупывают. Потом дают возможность побеседовать с тем, кто уже ездил... Так же и господина Батенина привлекли.

Виноградов молчал, и рассказчик решил продолжить:

– В его случае ведь чем выгодно? Практически никакой

переподготовки – физически крепок, стрелять умеет, голыми руками с парой-тройкой «мешков» справится. Я, честно говоря, таких клиентов всегда предпочитал... Серьезные люди, знают, чего хотят, за себя отвечают.

– А чего Батя захотел?

Полковник расхохотался:

– Ох, Владимир Александрович! Не догадываетесь?

– Почему же? Не любил покойник милицию... так?

– Вот именно! И не просто мента «заказал», а чтоб не ниже полковника!

«Бедняга Гуляев, – подумал Владимир Александрович. – Имел бы на одну звезду меньше – живой бы остался».

– А второго зачем завалили? Он же ведь, кажется, только до майора дослужился?

– Перестаратся ваш приятель, – нахмурился собеседник. – Перевыполнил план... Если бы вернулся – платил неустойку! У нас насчет этого строго, штрафные санкции за неспортивное поведение.

Судя по рассказу смуглолицего бизнесмена, все поначалу шло как обычно. Батенин подписал контракт, приехал на Кипр, доложил в контору, Николаю... Оплатил что положено.

После этого в соответствии со стандартной схемой обеспечили прикрытие – якобы круиз по Средиземному морю. А самого Батенина посадили в частный самолет Никосийского аэроклуба – и к вечеру он уже переодевался во все ка-

женное. День отработывал нормативы – стрельбу, рукопашный бой, тактику выживания. Получил необходимые допуски, сдал, так сказать, «техминимум» – и вперед! Заре навстречу...

– Его же не одного отправили?

– Естественно! Как заведено – группа обеспечения: двое местных плюс сопровождающие. Нормальная схема.

– А кроме Бати – русские были?

– Допустим... Один – инструктор. А почему вы спросили?

– Так, подтверждаю личные наблюдения. – Виноградов вспомнил горящие дома, толпу под автоматами, запыхавшегося ротного...

Полковник решил не отвлекаться и продолжил:

– Судя по всему, инструктор Батенина или, как мы их называем, «куратор», не врал – действительно, проколов не было, произошла досадная случайность... Вышли они на позицию, дождались, пока «прикрытие» откроет пальбу и отвлечет на себя внимание, отследили появление «мишени». Клиент исполнил что хотел – даже с перебором, начали отходить. И тут – господин Виноградов! Вместо того чтобы сидеть себе тихо на месте, как остальные, или бегать вокруг специально оставленного пулеметчика на трассе, зачем-то оказывается прямо на пути отхода – просчитанном, безопасном...

– Я же объяснял! Это потому, что замполита по рации вызвали, надо было срочно... – Виноградову захотелось отреагировать.

– Да теперь-то какая уж разница? – резонно остановил его собеседник. – Ухлопали вы нам клиента...

Осуждения, да, впрочем, и особого сожаления в голосе Полковника, однако, не слышалось. В конце концов, смириться с потерей лишней фигуры на бесчисленном множестве шахматных досок он вполне мог себе позволить.

– Как вам удалось вывезти труп?

– Это наше правило. Железное! Никаких следов... «Куратор» знал, что без, покойника ему вообще лучше не возвращаться – если уж так вышло.

– И все-таки – как вывезли? Через блокпосты, пропускной режим? – Виноградов знал, как трясут на кавказских дорогах.

– Ну сначала на руках дотащили до временной базы – немного, километров семь-восемь... Там переодели в вашу форму, – прищурившись, Полковник смаковал детали, – погрузили в «уазик» и повезли – открыто! «Куратор» медика изображал, сопровождающего погибшего героя. Якобы везли на операцию, но только что по дороге скончался. От пуль проклятых боевиков...

«Да, – подумал Владимир Александрович, – русские лица, русская речь... Трапом ситуации. В фирме работают толковые сукины дети – сообразили, что „черного» бы наизнанку вывернули, весь груз бы перетрясли. Но когда братка везут, в крови, израненного в гремящем бою! У кого же язык повернется даже документы попросить?»

– А через границу?

– У нас свои вертолеты. Летаем потихоньку!

Опять помолчали. Послушали тишину. На этот раз первым возобновил беседу Полковник:

– Дальше все просто. Перед вылетом всегда документы остаются у нас, как в разведке... Представитель на Кипре получил информацию о случившемся, сразу же задействовал экстренную схему локализации. В общем, правильно поступили – машина в аренду, подготовка катастрофы...

– А кого сожгли-то? По-настоящему?

– Как – кого? – удивился Полковник. – Вы что думаете, у меня трупов в запасе вагон? Да еще и нужных габаритов, той же группы крови? Естественно, самого Батенина в автомобиль посадили, прежде чем столкнуть с дороги! Как доставили труп из лагеря, пульки ваши вынули на всякий случай – и посадили... Ему, покойнику, собственно, уже все равно было, не так ли?

Он опять от души рассмеялся, но оборвал себя, сокрушенно покачав головой:

– Не продумали только насчет сроков. Насчет круиза... Поторопились! Пару бы дней подождать, до возвращения теплохода. Или догадались бы? А, Владимир Александрович?

– Хм-м... Машину, собственно, брали еще раньше.

– Да, тоже верно – еще один прокол. Но всего же не предусмотреть?

– Это точно, – согласился Виноградов. Был бы он сейчас здесь, умей предусматривать, чем может закончиться обыкновенная редакционная командировка! – Скажите, а чего вы от меня хотите?

Вопрос прозвучал неожиданно не только для Полковника, но и для самого Владимира Александровича. Дольше изображать невозмутимого светского собеседника Виноградов оказался не в силах. Вообще трудно держать себя в руках, когда речь идет о целостности шкуры.

– А что вы можете?

Владимиру Александровичу очень захотелось заявить, что он может все, но это не совсем соответствовало действительности. Поэтому он ограничился нейтральным:

– Вы же видели...

– Да, пожалуй! – согласился Полковник.

Судя по всему, о немедленной ликвидации Виноградова речь не шла – это легче было сделать еще раньше. Но и на пенсию в инвалюте или на вручение премии «Золотой Остап» рассчитывать тоже не приходилось.

Но удовлетворять праздное любопытство пленника собеседник вовсе не торопился. Вместо этого он доходчиво объяснил Владимиру Александровичу, что тот уже здесь, в изоляторе, вторые сутки, что билет его на самолет сдан по виноградовским документам, что жена получила заверенную телеграмму насчет круиза...

– Какого круиза?

– Как же? Агентство «МИНИТУРЗ» проводило лотерею среди русскоязычных гостей острова. Вы выиграли... Грех отказываться от такой халявы! Правда?

– Допустим. И куда же я еду?

– А туда же, куда и Батенин! – Это прозвучало несколько двусмысленно, но Виноградов решил не обращать внимания. – Да вы радоваться должны...

Полковник посмотрел на часы, что-то прикинул:

– Сегодня... Нет пожалуй, – все-таки завтра! Завтра к вам домой заедет симпатичный загорелый молодой человек, передаст супруге и детям разных разностей...

– Каких же? – непонятно почему заинтересовался Владимир Александрович. Он очень не любил, когда личные заморочки отражаются на семье. Крайне не приятно было, что кто-то войдет в квартиру, поздоровается, погладит детей...

– Да не подумайте чего дурного! Мы же не звери... Наоборот – от вашего имени амфорку сувенирную супруге, под старину. Дочкам – сладости местные, типа рахат-лукума... Еще чего-то – я не знаю, Николай выбирал, он разбирается, что туристы на Кипре обычно покупают.

– Спасибо! – вежливо поблагодарил Виноградов.

– Что вы, мелочи... Ну я пойду. Дела! – Полковник встал, не забыв прихватить диктофон.

– А я?

– А вы... вы отдыхайте. Пока. Завтра выпишетесь от Сальмана – и загорайте, купайтесь. Кушайте на здоровье, у нас и

бар есть с напитками.

– Не очень, знаете ли, люблю санатории. Тем более я, кажется, не из вашего профсоюза?

– Все мы, как вы выражаетесь, из одного профсоюза... – Полковник уже стоял в дверях. – Не надо пижонить! Наслаждайся жизнью... пока разрешаю.

Потом в очередной раз улыбнулся – и оставил напуганного до полусмерти Владимира Александровича одного.

* * *

Не то чтобы мрачные воспоминания мешали Виноградову предаваться водным процедурам. Разве что самую малость... Что бы ни ожидало его – наступит в будущем, а пока нечего было трепыхаться. Уже не первый день активные поиски способа смыться из лагеря сменились трезвой и объективной уверенностью, что это невозможно. Даже завладев пистолетом Кондора или всем арсеналом, имевшимся в распоряжении инструктора по огневой подготовке, Владимир Александрович только поставил бы себя в неловкое положение.

Хорошо, если просто пристрелят...

Тем более что жаловаться пока было не на что – а свобода, как учили классики, есть осознанная необходимость.

С такими мыслями приближение летального исхода не

слишком давило на психику: нужно было только представить себе, какое количество узников на всем необъятном нашем земном шарике ожидает приговора в куда более мерзких условиях! В голоде, грязи, утирая кровь и собственные испражнения.

Виноградов в очередной раз нырнул с бортика в изумрудную воду бассейна, а когда высунулся наружу – пространство вокруг уже наполнялось равномерным шелестом замедляющих бег лопастей. На спортивной площадке, подобно невесть откуда явившемуся фантому, возник вертолет Полковника.

Затухающий винт все реже и реже высекал из воздуха солнечные блики, за плексигласом кабины угадывался неподвижный силуэт пилота в огромном шлеме – но оливковые, без опознавательных знаков, борта не подавали признаков жизни.

Пространство лагеря снова, в который уже раз, огласил надрывный вопль сирены – но и без этого сигнала к месту посадки по двое, трое, пятеро бежали со своими инструкторами обучаемые. Разобрались, выстроились в шеренгу – общим числом девятнадцать... Азиаты, арабы, даже один негр – но большей частью классические европейцы. Конечно, чем-то они все еще напоминали персонажей знаменитой «Полицейской академии» в самом начале сериала и, безусловно, отличались от стоящих бок о бок Рэмбо, Освальда, Кондора, Бормана и других инструкторов – но все-таки это

был уже строй.

Виноградов подумал, потрогал мокрые плавки и решил, что общий сбор его не касается. Он предпочел наблюдать картинку со стороны – так же как доктор и кухонная прислуга.

Лопасты последний раз неторопливо провернулись – и замерли. Сдвинулась в сторону дверь – и из темного провала в оливковом силуэте на землю шагнул «именинник».

Это был такой же, как и встречающие, классический «клиент» – пухленький, лет пятидесяти, с плохо уместающимся под ремень брюшком. Такой же – но... Это был клиент, уже исполнивший свою миссию! Виноградов не знал, где, кого и во имя чего считанные дни, а может быть, и часы назад убил этот человек, – но, судя по выражению откормленной физиономии, походке, какой-то особой ауре сопричастности, сафари прошло успешно. Клиент остался доволен...

– Гип-гип! – прорычал навстречу шагающему вдоль строя звероподобный Борман.

– Ур-ра! – поддержал его строй.

– Гип-гип ура!

– Гип-гип ура, ура, ура!..

Виновник торжества прошел почти до конца строя и остановился – очевидно, его специально инструктировали. Только после этого на землю из вертолета спустились: Полковник, «куратор» вернувшегося клиента и еще двое сопровождающих, рангом пониже. Очевидно, они входили в группу,

обеспечивающую операцию.

Свита поравнялась с клиентом – и громогласные приветствия повторились. Что-то по-английски пролепетал толстячок, коротко провозгласил Полковник, а затем Борман подал команду разойтись.

Площадка опустела, Проходящий в сопровождении отличившегося «куратора» Полковник заметил Владимира Александровича и приветливо улыбнулся:

– Добрый день! Отдыхаете?

– Спасибо, все в порядке, – вежливо поблагодарил Виноградов. Он встал, чтобы не беседовать с руководством в позе небрежной расслабленности, но Полковник, не задерживаясь, отправился дальше – к собственным апартаментам в «офицерском» блоке: с персональным входом и электронной системой защиты.

Такое поведение прибывшего не то чтобы расстроило, но озадачило изрядно.

Владимир Александрович надел на себя казенное обмундирование, провел рукой по волосам. Сунул ноги, не зашнуровывая, в кроссовки – и отправился к себе в комнату. До обеда еще оставалась куча времени...

Аудиенции Виноградов удостоился только к вечеру.

– Эй, Пронин! Тебя к Полковнику.

Сосед зашел в блок, чтобы переодеться, – по здешним правилам штатская одежда допускалась во время ужина и торжественных мероприятий.

– Иду! – Нервы ни у кого не железные, поэтому Владимир Александрович с каждым часом все больше и больше не находил себе места. – Чего он?

Это вырвалось само собой, на ответ Виноградов не рассчитывал – и правильно. Освальд только пожал плечами:

– Тебе виднее... – Считалось, что все, что рассказывал о своем появлении в лагере милицейский майор, – не более чем «легенда» прикрытия. Сосед не верил ни одному его слову, но полагал, что каждый имеет право блюсти конспирацию. Он процитировал Вишневского: – Мы в детстве все не доиграли в прятки!..

– Ну бывай здоров. – В сущности, против Освальда Владимир Александрович ничего не имел.

– Не задерживайся, там уже начали потихоньку обмывать.

– Это обычно бурно проходит? – неожиданно для себя поинтересовался Виноградов.

– Увидишь... Смешно, конечно, смотреть, но – есть все же какой-то кайф! Переступил человечек – как у Достоевского Федора Михайловича.

– Это ты в физкультурном училище «Преступление и наказание» прочитал?

– Нет, – серьезно ответил Освальд. – Это в Штатах, пока на «фильтрации» находился. Времени уйма была, там от нечего делать и не то прочитаешь.

Виноградов вспомнил рассказ соседа о том, что перебежал он к американцам чуть позже, чем надо, – раньше над

каждым офицером из «советского блока» тряслись, на руках носили, а когда Освальд спохватился, таких, как он, уже дюжинами считали. Что, естественно, сбило цену на дезертиров и изменников Родины – по законам рынка, предложение намного опередило спрос.

– Все, иду!

– Так не опаздывай. – «Огневой» инструктор уже ощупывал подбородок, прикидывая, не стоит ли побриться еще разок.

Прежде чем постучаться в дверь, Владимир Александрович наспех, незаметно перекрестился. Темнело, через открытые настежь витринные окна «салуна» на двор выплескивались аккуратные прямоугольники иллюминации и какая-то музыкальная попса.

– Р-разрешите? – Виноградов постарался, чтобы это прозвучало как можно увереннее.

– Да, заходите!

Полковник сидел за рабочим столом, стандартным и безликим, как и остальная обстановка. Никаких портретов, знамен, гербов... Все чисто функционально и абсолютно современно.

– Посмотрите сюда... Узнаете?

Наполовину развернутая карта, очевидно, представляла собой цветную компьютерную обработку спутниковой или аэрофотосъемки. Изображение было настолько подробным, что вполне различимы оказывались не только отдельные зда-

ния – глаз Виноградова непроизвольно задержался на крохотном цилиндрике дворового колодца. Трасса перегораживалась угловатыми контурами блокпостов, неподалеку от перевала объектив застал движущуюся на север бронеколонну.

– Это – тот самый район! – уверенно констатировал Владимир Александрович. Сориентировавшись от ооновской базы, он без труда нашел место, где последний раз повстречал Батенина. – Здесь...

Но на карте уже имелись карандашные пометки – как раз от того рокового поворота тропинки, назад к селу, потом резко в сторону... Маршрут отхода был неожиданным, но, пожалуй, в конкретной ситуации единственно верный. «Интересно, – подумал Виноградов, – вот, значит, где у них была временная база!» Судя по всему, Полковник решил проверить доклад Батиного «куратора»?

Однако Владимир Александрович в очередной раз ошибся. Хозяин кабинета довольно равнодушно загнул опознанный гостем участок карты и раскрыл другой, соседний:

– Тут бывали?

Виноградов молчал, не зная, что следует ответить. По идее это были горы – район, контролируемый бандформированиями оппозиции. Приграничье, отсеченное от сопредельного государства редкой цепочкой одичавших, постоянно осажденных и обстреливаемых застав.

Первый раз Владимир Александрович очутился здесь очень давно, еще в относительно мирные времена, гонясь

за выкраденным из Прибалтики ядерным зарядом¹. Потом несколько лет не только он – вообще ни один русский, тем более в форме, в этом районе не появлялся иначе как в качестве пленного или заложника. В последнюю командировку в качестве корреспондента Объединенной газеты федеральных сил Виноградов один раз летал к пограничникам, сопровождая концертную бригаду, а потом еще сподобился поучаствовать в неудачном рейде армейского спецназа... Тогда с огромным трудом преодолели несколько километров минированной дороги, сожгли то, что, по данным разведки, считалось «учебным центром террористов», и спешно убрались восвояси. Мало кто знал, что основной цели операция не достигла, – планировалась ликвидация группы авторитетных полевых командиров, прибывших на встречу с зарубежными спонсорами. Но то ли сборище перенесли, то ли произошла утечка информации... Во всяком случае пришлось дать традиционно-победный материал на сотню строк и монтировать его с фотоснимками захваченного еще прошлой осенью стрелкового арсенала.

По сводкам, войска потеряли двенадцать человек убитыми и значительно больше – ранеными. С тех пор, насколько слышал Виноградов, в горы никто не совался.

– Так вы бывали тут? – повторил Полковник.

– Приходилось.

– Местность знаете?

¹ События описаны в повести «Десять дней в неделю».

– Нет! – вполне ответственно признался Владимир Александрович. – Там же зона оппозиции, она контролируется...

– Я знаю, кем она контролируется! – оборвал собеседника хозяин. Чем-то рассерженный, он придвинул к себе конверт из грубой желтоватой бумаги и высыпал из него прямо на карту несколько черно-белых снимков: – Посмотрите. Ваше мнение?

Сверху оказались фотографии, изображавшие мрачного, чем-то отдаленно похожего на Полковника человека: лет от сорока до шестидесяти, ярко выраженный кавказец. Усы, шрам над бровью... Только один раз этот господин снялся без головного убора – в остальных случаях его наголо выбритый череп прикрывала овчинная шапка. И постоянно – в окружении плотной группы вооруженных джигитов: сзади, по бокам, на некотором удалении. Менялись спутники и собеседники, но физиономии охраны оставались одними и теми же. Не испорченные интеллектом...

Снизу, в пачке, лежали два снимка – совсем другой человек, значительно моложе, с характерной мирной внешностью. Сначала он сфотографировался в очках – оправа была профессорская, дорогая и вполне гармонировала с демократичным джемпером. Второй снимок не мог не вызвать у Виноградова улыбку: тот же очкарик стоял перед объективом в полной экипировке российского милиционера.

– Ну? Что скажете?

– Что же... Этот – личность известная, кто же не знает

Магаева?

– Лично встречались?

– Нет! – рассмеялся, забыв на секундочку о своих опасениях, Владимир Александрович. – Только по телевизору да в газетах... Иначе бы мы с вами не общались.

Полковнику пришлось согласиться. Начальник штаба вооруженных сил непримиримой оппозиции Магомед Магаев воевал с Россией не первый год, часто выступал от имени своего президента на пресс-конференциях и категорически отказывался от участия в переговорах с федеральным командованием.

Поговаривали, что именно он санкционировал все наиболее громкие террористические акты в истории конфликта, и еще ни один пленный живым из его ставки не возвращался.

– Та-ак! – Полковник удовлетворенно кивнул. – Еще?

– Про второго ничего сказать не могу. Не встречались.

– Ничего не смущает?

– «Липа» явная, – пожал плечами Виноградов.

– Почему? – заинтересовался Полковник. Чувствовалось, что именно такой реакции он ожидал.

– Ну, во-первых, форма на нем сидит, как на корове седло.

Рукава длинные, шапка на ушах...

– Может, так выдали?

– Это новобранцу в армии так могут выдать! Но уж никак не старшему офицеру... он ведь майор у вас тут?

– А еще что?

– Бриджи! Что-то я не видел ни разу, чтоб милицейские офицеры носили бриджи со шнурованными ботинками. Хотя, конечно... И нашивка на рукаве – такие раньше к парадной форме сержантам полагались, их уж не выдают давным-давно.

– Спаси-ибо. Все?

– Достаточно. – Владимир Александрович всегда удивлялся халтуре иностранцев, снимающих о нас фильмы, – взять ту же смешную «Жару» или боевик про советскую подводную лодку с морскими пехотинцами в красных косоворотках.

– Хорошо. Идите! – Полковник принялся складывать фотографии обратно в конверт.

– Ага, – не нашелся что ответить Виноградов. Потоптавшись, он повернулся через левое плечо и направился к выходу.

Все-таки это было просто хамство!

Так и не найдя достойной реплики под занавес, он вышел из офиса. С одной стороны, стоило радоваться, что обошлось без трагического финала, но и ясности пока не прибавилось... Жизнь снова превращалась в некое свое подобие, которое правильнее было бы назвать существованием.

– Сколько же можно-то еще! – рявкнул в сгустившуюся темноту Владимир Александрович, выматерился от души, сплюнул на аккуратный гравий дорожки и направился в «салун».

– О, Пронин! Давай сюда, – по-русски, перекрикивая музыку и разноязыкий гомон, подозвал его Рэмбо. – Пивка? Водочки?

– Водки, блин! – Бармена по штату не полагалось, поэтому Освальд встал, слегка пошатываясь подошел к стойке и вытащил из холодильника очередную бутылку: – Праль-но... Это по-нашему!

Из инструкторского состава, кроме троих соотечественников, присутствовали только Борман и вернувшийся вместе с Полковником в лагерь «куратор». Немец в одиночестве глотал какое-то желтоватое пойло и мрачно ощупывал глазами окружающих. Будто примеривался, как половчее врезать.

«Куратор» был в дупель пьян и тихонько посапывал рядом со своим подопечным. Тот же – купался в лучах славы... Хотя аудитория вокруг него, поначалу, видимо, состоявшая из практически всех претендентов на подвиг, со временем поредела, герою дня было перед кем поделиться опытом. Заплетаясь, по нескольку раз повторяя одно и то же, он по-английски рассказывал, как это великолепно, что... Язык, судя по всему, был для него не родным – толстяк периодически сбивался на голландские слова и фразы.

Большинство его недавних слушателей уже гомонило о чем-то своем, разместившись по крохотному зальчику, рядом оставались только губастый негр, обе девицы, брюнет со звездой Давида на шее и коротко стриженный паренек в песочной безрукавке со множеством разнообразных карманов.

Девицы были хороши... Виноградов знал, что шатенка, надевшая сейчас шортики и ничего не скрывающую футболку, – жена израильянина. У них с мужем был медовый месяц, который оба решили провести на «сафари», благо – армейская подготовка имелась. Через день-два молодоженам предстояло отправиться в выбранный регион: более точными сведениями никто не располагал, подобная информация разглашению не подлежала. Блондинка с грудью, поражавшей голодное воображение товарищей по оружию, прибыла в лагерь из штата Вайоминг. Она была сама по себе и отчаянно флиртовала поочередно с темнокожим соседом и его напористым конкурентом в безрукавке.

– Залюбовался? – хмыкнул успевший наполнить стаканы Освальд.

– Пошла бы она на... – вместо Виноградова ответил инструктор по общефизической подготовке.

– Вот именно, туда! Но желательно ко мне, – набрал полную горсть орешков Владимир Александрович.

– Ну ты молодец, Пронин... умеешь сказать!

– Все, пьем, не отвлекаемся.

Водка оказалась не противная, холодная, но по вкусу напоминала синтетический шнапс. Виноградов высказался в этом духе.

– А ты такой пил? – удивился Рэмбо. – Разве бывает?

– Бывает, – кивнул Владимир Александрович. – Хочешь – у Бормана спроси.

– Да пошел он...

Будто услышав, немец поднялся и покинул бар. Очевидно, намеченную на этот вечер порцию он одолел и теперь по плану намеревался завалиться в койку.

– Едешь, говорят, скоро?

От выпитого в животе стало тепло, и Виноградов даже не сразу сообразил, к кому обращается Освальд.

– Куда?

– Тебе виднее! Конспиратор...

– А кто говорит?

– Какая разница! – обиделся сосед. – Не хочешь – не рассказывай.

– Извини, – несколько двусмысленно сказал Владимир Александрович. Очень хотелось вытянуть еще хоть что-то, но собеседник уже замкнулся. – Давай еще по маленькой?

– Наливай!

Вскоре засобирались. Рэмбо наутро надо было рано, по обыкновению, вставать – а здесь, если проспишь, одним выговором не отделаешься. Освальд, профессиональный спортсмен, тоже свою норму знал, а Виноградову хотелось еще перед отбоем немного пошевелить извилинами...

* * *

В дверь наспех, забыв про приличия, постучали – и на по-

роге комнаты возник вооруженный узконаправленным полицейского образца фонарем Рэмбо:

– Эй, мужики! Подъем. Чепе у нас...

Это было настолько по-домашнему, по-советски, что Владимир Александрович даже не сразу вспомнил, где находится.

– Что стряслось? – Голос Освальда от сна и выпитой перед ним водки особой чистотой и мелодичностью не отличался. – Тревога, нет?

– Да почти что. – В подтверждение серьезности своих намерений вошедший повернул выключатель, и Виноградову пришлось зажмуриться, чтобы не ослепнуть от залившего комнату света. – Вставайте, быстренько.

– Мне тоже? – на всякий случай уточнил Владимир Александрович. Судя по часам, они с соседом только что успели заснуть.

– Общий подъем! Не ясно?

Зазвенел телефон. Освальд резво поднес к уху трубку:

– Да, уже... Одеваемся... Есть! – Закончив разговор, он прокомментировал: – Сам звонил... Ясно можешь сказать, что стряслось?

Оба уже были почти готовы.

– Клиент в кабаке негритоса порезал!

– Да ну? Насмерть?

– Не, слегка... Но кровищи – море! – неизвестно отчего развеселился посланец.

– Ох, блин горелый! – остудил его радость инструктор по «огневой». – Теперь сухой закон введут из-за такой херовины.

«Значит, этот внезапный подъем непосредственными неприятностями не грозит, – подумал Виноградов. – Уже неплохо».

– Коз-злы, – неизвестно в чей адрес отвесил он и вслед за соотечественниками заторопился по коридору...

На спортивной площадке, там, где стоял еще засветло улетевший вертолет, сходились перекрещенные лучи установленных на вышках прожекторов.

На этот раз форма построения была несколько отличной от той, что практиковалась по утрам. Инструктора стояли на правом фланге, особняком – а их подопечные были выстроены в одну шеренгу. По периметру, не заступая в заполненный светом овал, стояли автоматчики – их неподвижные силуэты угадывались в полумраке. Судя по черным платкам, укрывавшим головы и лица вооруженных людей, они прибыли из расположенного за воротами «обезьянника».

Владимир Александрович не упустил случая разглядеть испуганных, выстроенных по команде Бормана обитателей лагеря. Те, кого тревога застала в комнатах, были одеты в форму – их оказалось большинство. Четверо стояли в штатском: блондинка, молодожены и толстяк, возвратившийся вчера с «сафари». Очевидно, их доставили прямо из бара.

Немец рывкнул что-то, и все повернулись в сторону по-

завившегося Полковника. Следом за ним, одетым с безупречностью британского колониального офицера, двое замотанных в черное конвоиров вели под дулами автоматов скованного наручниками преступника. Вид у парня был вялый и какой-то ослобевший...

– Господа! – заговорил Полковник по-русски.

Один из инструкторов, специалист по техническим средствам жизнеобеспечения, бойко принялся переводить подопечным на английский, язык межнационального общения.

– Господа... То, что произошло, является страшным, омерзительным пятном на репутации фирмы, на репутации каждого из нас... Впервые – впервые! – поставлена под удар сама возможность существования организации. Организации, которой вы доверили свои судьбы и сбережения.

Полковник дал возможность переводчику закончить и продолжил, спустившись на октаву ниже:

– Что же произошло? Вот он... – Начальственный палец описал дугу и уперся в точку на уровне лба провинившегося. – Вот этот человек... позволил себе из самых низменных, похотливых побуждений спровоцировать ссору со своим же товарищем, клиентом нашего агентства.

Виноградов перехватил опасливый взгляд, который скопил толстячок на блондинку. Та, подобравшись, сглотнула слюну – да так громко, что слышали даже в инструкторской группе. Полковник тем временем снова повысил голос:

– Я не буду сейчас останавливаться на косвенных и слу-

чайных виновниках происшедшего. Заверю только, что без последствий это для них не пройдет! Каждый присутствующий помнит, какие санкции предусмотрены на подобный случай... Слава Аллаху, что раненый останется жив! Что же касается человека, обнажившего нож против товарища...

Очень эффектная пауза – и далее:

– Мы не можем передать его в руки правосудия. Это перечеркнет колоссальный труд десятков и сотен людей, создавших агентство, породит огласку и материальные потери... Поэтому! Руководствуясь пунктом девять стандартного контракта, исходя из интересов и прав клиентов фирмы, ее сотрудников и учредителей... я приговариваю этого человека к смертной казни.

Паренек встрепенулся было, завертел головой, не желая воспринимать услышанное, шагнул вперед – и тут же осел на руках подхвативших его конвоиров.

– Он из Литвы. По-нашему понимает, – прокомментировал из-за плеча Виноградова Рэмбо.

– Выполняйте! – скомандовал в первую очередь для замерших в ожидании инструкторов и клиентов Полковник. Затем добавил что-то на уже слышанном некогда Владимиром Александровичем гортанном языке.

Автоматчики отступили в стороны, и откуда-то из-за спины осужденного возник Кондор. Двумя безжалостными ударами он обрушил не успевшего ничего понять литовца на землю, рванул до пояса ворот его футболки...

Кто-то в строю – кажется, даже мужчина – взвизгнул.

– Мол-лчать!

Кондор медленно вытянул из кобуры пистолет, приставил его к обнажившемуся на груди телу и выстрелил лежащему без сознания человеку в сердце. Затем ловко запахнул убитого полами песочной безрукавки.

– Убрать...

Кровь даже не успела просочиться сквозь плотную ткань одежды, а тело уже оттащили куда-то а темноту.

– Внимание, господа... Внимание! – Инструктор снова начал переводить вслед за Полковником. – С сегодняшнего утра вводятся следующие режимные ограничения...

Владимир Александрович слушал плохо, поэтому уловил только, что обучающимся в лагере лицам теперь запрещается в течение всего периода подготовки употреблять спиртные напитки, за исключением пива, а также запрещается ношение не только огнестрельного, как раньше, но и холодного оружия.

– Ну и правильно! Нечего тут курорты разводить, – буркнул стоящий сзади Рэмбо.

– Все из-за баб, – согласился Освальд. – С самого начала незачем было с ними связываться.

– Интересно, как они его теперь спишут?

– Кого?

– Покойника, литовца этого... – Приходилось говорить сквозь зубы, потому что Полковник как раз посматривал в

сторону инструкторов, ожидая, пока закончит переводчик.

– Ты чего, Пронин, дурак? Или шутишь? – сдвинул брови на лоб сосед по комнате. Его коллега сочувственно хмыкнул.

– Р-разойди-ись!

Обитатели лагеря торопливо, но стараясь казаться незаметными, покинули залитое светом пространство. Владимир Александрович, уходя, покосился назад – там, невозмутимые и полные чувства собственного достоинства, о чем-то беседовали Кондор и Полковник.

– Ты меня, Пронин, иногда просто удивляешь! – покачал на прощание головой Рэмбо. – Покойник...

Тогда, в тот поздний, уже перешедший в ночь вечер Виногорадов его просто-напросто не мог понять.

В связи с чем, конечно же, остался в недоумении.

Глава пятая

*Единственный способ, которым я могу
побудить вас что-либо сделать, —
это дать вам то, чего вы хотите.*

Дейл Карнеги

Виноградову приснился хромой цыган. В принципе, ничего плохого этот цыган не делал – подошел, попросил о чем-то, продемонстрировал расположившееся неподалеку многочисленное семейство... И исчез в закоулках сознания.

А до этого снилась картина. Якобы дарит ему лично Михаил Шемякин веселенький пейзаж: радуга, тучки, лужок, не просохший еще после августовского дождя. И вроде как благодарит художника Владимир Александрович, но стесняется попросить автограф на обороте – может, не принято теперь? Может, ценители и так, по манере письма руку мастера распознают?

Словом, программа для одной ночи вполне насыщенная...

Виноградов собрался с силами и открыл глаза.

Снизу противно тянуло утренним заморозком, не помогали ни слой пенопласта под матерчатым полом, ни спальный мешок.

Ныли – спина и ребра. Кожа в паху и на пятках чесалась, напоминал о себе пробудившийся заблаговременно мочево-

пузырь.

Наступивший день угадывался через тонкую ткань палатки.

Захотелось сложиться калачиком в тесной пуховой утробе «спальника» и сделать вид, что тебя здесь нет.

Где-то внизу, за колодцем, всхрапнула лошадь, и, как будто дождавшись команды, Владимир Александрович потянул себя наружу. Выполз из мешка. Без шума и по возможности не толкаясь напялил на себя то, что опрометчиво снял перед отходом ко сну: одежда впитала ночной холод и казалась чужой.

– Сорри...

Датчанин отреагировал на извинения Виноградова нечленораздельным бормотаньем, заворочался и пристроил себя поудобнее.

За матерчатым синтетическим пологом начиналась чужая земля.

– Салам!

– Ага... привет...

Молодой человек в грязноватом комбинезоне и модных кроссовках заваривал на костре чай. Сидя на корточках, он внимательно следил за поведением высыпанной в котелок заварки, не обращая внимания на бесцветную, но пахучую струйку дыма.

Автомат его мирно прилег в отдалении и не нарушал благообразия окружающего пейзажа... Вообще все это казалось

очень несерьезным и больше всего напоминало туристический привал студентов-электротехников.

Почти сутки ожидания... Утренний холод, дневное безделье. Горы вокруг, шум реки за поросшим какой-то поганью скальным уступом. Туман. Облака, облепившие склоны...

Действительно, р-ром-мантично: палатки, консервы, запах костра! Шашлык из протухшей конины, закупленной в ближнем селе за безумные деньги.

Под аккомпанемент невеселых мыслей Владимир Александрович облегчился. Постоял, почему-то вздохнул и привел амуницию в порядок.

– Эй, ыды чай пыт!

– Рахмат... Чох саол. – Виноградов не знал, как на языке парня будут звучать слова благодарности, поэтому на всякий случай весь свой узбекско-азербайджанский запас восточной лексики и использовал.

Парень зубасто расхохотался:

– Давай нальвай!

Он говорил по-русски, но так, как отслужившие первые полгода срочной службы новобранцы из национальных окраин бывшего СССР. Звали парня Иса, и в группе обеспечения ему отводилась роль вечного часового и прислуги «за все».

Мелкими глотками, стараясь не обжечь губы о край эмалированной кружки, Владимир Александрович начал прихлебывать горький до оскомины напиток.

– Вкусно. Спасибо, Иса!

Парень, довольный, поцокал языком.

Минутами позже со стороны реки, перекрывая ее привычные уху шумы, послышался зудящий звук. Постепенно он перерос в непрерывный стрекот пропеллера, и над кромкой скалы на мгновение показался брюхастый силуэт патрульного вертолета.

Трудяга-«пограничник» мелькнул в поле зрения и умчался далее, по предписанному маршруту вдоль линии, разделявшей на всех картах – от школьной до топографической – сопредельные государства. Здесь и во времена империи творилось неведь что – а теперь, когда не то что патронов, еды солдатам не хватало, охрана рубежей сводилась к дежурным облетам дважды в сутки да редким, отчаянным вылазкам одичавших от скуки и анаши лейтенантов с соседних застав.

Происходило это так... Впрочем, охота на контрабандистов на южном нашем нынешнем пограничье – особая тема, еще ждущая своего Ландлэма или Кивинова.

– Сегодня! – многозначительно поднял брови Иса и махнул в сторону реки.

– Точно? – переспросил Виноградов. Странно, вечером еще информации не было. – Ну и ладушки...

Иса с достоинством кивнул.

– Вы здесь будете? Нас ждать?

Иса кивнул еще раз: согласно утвержденному плану, он и основная часть обитателей палаточного городка оставались на месте до возвращения группы.

– Проводники пришли?

Вместо ответа собеседник протянул котелок:

– Давай! Наливай...

Виноградов отказался – у него в кружке еще плескался остывающий чай. Куда уж яснее! Мальчишка дал ему понять, что дальнейшие расспросы просто не слишком уместны.

Помолчали. Потом одновременно повернулись на шум осыпавшихся камушков – в полуметре от костра неизвестно откуда возник Кондор. Он стоял совсем близко – на расстоянии прыжка, нарочито расслабленный, похожий в своем камуфляже на дикую кошку.

Владимир Александрович почему-то подумал, что борода у этого горца вовсе не черная, а скорее рыжеватая, усыпанная частыми проблесками давно не мытой седины.

Иса встал и поклонился, сложив на груди руки. Виноградов тоже кивнул, но остался незамеченным – Кондор прошел мимо костра и исчез за палаткой...

Временная база оживала.

Засуетилась обслуга из местных, откуда-то потянуло свежими лепешками. Негромко подал голос транзистор – передавали европейскую танцевальную музыку.

Прятаться было незачем, наоборот... Что геологу скрывать? Мало ли бродит по здешним горам экспедиций! И потом, когда те, кому положено, переберутся за речку – оставшиеся будут поддерживать иллюзию жизни, палить костры,

шумно праздновать наступление каждого нового дня. И чего-то долбить, сверлить, скалывать молоточками.

Геологи, одно слово... Или – кто мы там, по «легенде»? Топографы? Астрофизики? Плевать, какая разница! Это ненадолго, – отмахнулся от лишних мыслей Владимир Александрович.

Прикинув по датам, он в очередной раз высчитал, что до возвращения круизного теплохода в Лимассол остается всего два с половиной дня. А потом? Потом забеспокоится Татьяна – а если она не забеспокоится, что-то сразу же заподозрят люди Полковника... Значит, подумают они, баба что-то про мужа знает? Примут меры, выйдут на Наумыча, на последний с ним разговор – и все! Страховка лопнула, эквилибрист – в лепешку...

Протяжно застонала расстегиваемая «молния», и в образовавшейся щели оранжевой, соседней с виноградовской палатки показались сначала макушка, а затем и собственно физиономия ее обладателя.

– С добрым утром, Генрикас!

– Хэллоу, Пронин... – Литовец на четвереньках выбрался наружу, сел на матерчатый порог, почесался и зевнул. Затем вытащил вслед за собой шнурованные ботинки и кряхтя обулся.

– Кошмары не мучили? Привет с того света никто не передавал?

– Пошел бы ты...

Иса, только что вернувшийся к костру, невозмутимо заваривал новую порцию чая.

– Присоединяйся, покойник! – Постоянно обыгрывая эту тему, Владимир Александрович подтрунивал скорее не над собеседником, а над собственной наивностью и тем дурацким положением, в котором оказался некоторое время назад.

Тогда, на следующее утро после «расстрела» бедолаги литовца, он уже успел расположиться со своим внушительных размеров вещевым мешком в утробе опустившегося на спортивной площадке вертолета. Провожать его никто не вышел – с Полковником все было обговорено заранее, а остальным болтаться среди отъезжающих просто-напросто не полагалось. Собственно, Виноградов и не расстраивался – значительно больше, чем прощальные поцелуи, его интересовало содержимое полученного на складе вместо горячего завтрака «приданого». Помимо сухого пайка, на ощупь, внутри угадывалось множество теплых вещей, обувь, какие-то плоские емкости и коробки: рассмотреть Кондор ничего не дал, просто сунул в руки завязанный мешок и отправил майора восвояси.

Оставалось надеяться, что все подойдет по размеру...

Вернулся в кабину пилот, с ним еще кто-то – видеть их Виноградов не мог, только слышал щелчок плексигласовой дверцы и скрип пружин под двумя устраивающимися поудобнее задницами. Кашлянув, заработал двигатель, постепенно переходя от размеренного ворчания к реву.

В открытом проеме, на фоне еще не проснувшегося лагеря, возникла фигура – безликий обитатель «обезьянника» с головой, упакованной в черный платок. Сначала под ноги Владимиру Александровичу глухо упали два неотличимых от его собственного вещмешка, потом кто-то подал увесистый ящик. Чтобы не отдавили пальцы, Виноградов вынужден был помочь – торопливо вскочил, подхватил металлическую ручку...

Последним, когда вертолет уже готов был оторваться от земли, внутрь запрыгнул сам «замотанный» – Виноградов не то чтобы удивился, но не сразу принял это к сведению. Не выбрасывать же его, право? Значит, так положено.

Некоторое время они оба смотрели сквозь не закрытый еще после взлета проем: промелькнул, удаляясь, лагерь... стены с мохнатой опушкой колючей проволоки и зубцами вышек, горы... и – море! Почти сразу оно заслонило обзор – до горизонта, поигрывая бликами пробудившегося солнца.

Сосед Виноградова шумно сдвинул дверцу на место, зафиксировал замок. Снял с головы черный кокон – и, не сдерживаясь, прыснул мальчишеским смехом в кулак; действительно, глядя на физиономию Владимира Александровича, тысячи клоунов со всего мира написали бы заявления на уход с работы по полной профессиональной непригодности.

– Не понял? – поинтересовался на конец майор.

Литовец, тот самый клиент-неудачник, которого на глазах всего многонационального коллектива «привел в испол-

нение» звероподобный палач – так вот, этот самый литовец сидел сейчас, развалившись, на виноградовском вещмешке и от души веселился.

– Да-а-а...

– Все в порядке, – отсмеялся наконец «покойник». – Вижу, что Полковник не предупредил! Не обижайтесь...

– Да мне-то на что обижаться? – пожал плечами Владимир Александрович. – Шутники, мать вашу!

– Нет, я серьезно думал, что вы в курсе.

– А ты сам думаешь – в курсе полностью? – ответил вопросом Виноградов. – Уверен?

– Ну... – замешкался литовец. Он говорил вообще без акцента, поэтому вполне мог сойти за соотечественника. Собственно, родились они оба еще при едином Союзе. – Вряд ли! Они здесь все на конспирации помешаны.

– Вот именно! – назидательно поднял палец Владимир Александрович. – То-то...

Это прозвучало не совсем понятно, но несколько восстановило пошатнувшийся статус «инструктора». В голове у Виноградова теснилось, наползая друг на друга и норовя пролезть без очереди, такое множество вопросов, что факт оживления приговоренного к смерти вынужден был скромно уступить приоритеты.

Однако пришлось прикусить язык – каждый вопрос мог выдать полную беспомощность и непозволительную для солидного партнера неосведомленность. Поэтому пришлось

ограничиться нейтральным, но своевременным:

– Все равно – поздравляю! С днем рождения, так сказать.

...Теперь они сидели рядышком у костра.

– Сегодня пойдем, говорят.

– Точно? Кто сказал? – Хуже нет ждать и догонять, особенно с непривычки.

– Серьезный человек сказал! Надежный. – Виноградов показал взглядом на Ису.

Литовец понял:

– Может, врет? Или путает твой человек?

– Нет, как можно! Я ему, как себе, верю.

– Зачем путат? – не выдержал беспардонной лести горец. –

Зачем гаварыш? Проводник пышлы, дорога чистый!

Развить успех хитроумные европейцы не успели – проснулся клиент. Основной... Тот самый, из-за которого всех их и занесло невесть куда, – и потащит еще дальше, по ставшей привычной дороге в чистилище...

Вертолет – это вовсе не многоместный какой-нибудь аэробус с мягким салоном и пакетиками для блевания. Мини-бара и стюардессы тоже не наблюдалось. Поэтому всю дорогу до места назначения Виноградов и Генрикас, как представился его попутчик, практически не общались. И не то чтобы им нечего было сказать друг другу – отнюдь... Просто шум стоял такой несусветный, что приходилось орать, перекрикивая упрятанные в двигатель лошадиные силы, – а много ли полезной информации почерпнешь из отрывочных воплей?

Тем не менее они успели проникнуться обоюдной симпатией... Это случается часто с людьми, вынужденными в силу обстоятельств коротать время бок о бок в тесной, грохочущей железной коробке, смотреть в один и тот же иллюминатор, при каждом движении задевать соседа и на обед довольствоваться стандартным неприкосновенным запасом. Причем, что достаточно важно, это состояние продолжается не дольше того момента, когда на смену нормальным реакциям приходит бич моряков и полярников – психологическая несовместимость.

Покидали они приземлившийся борт уже не поодиночке, а спаянным совместными часами в воздухе коллективом.

– Вылезаете?

– А чего нам бояться?

И как только шум и вибрация снизились до разумных пределов, интернациональный дуэт лихо щелкнул фиксаторами замка. Дверца отползла в сторону...

В образовавшемся проеме возникла мрачная бородатая рожа Кондора. Не говоря ни слова, он перевел взгляд с литовца на русского – Виноградов поежился, но преодолел в себе страх. Генрикас же закусил губу и нервно дернулся.

Бородач молча подтянул к себе один из вещмешков, с желтым капроновым шнуром у горловины, поставил его на землю и протянул руки за следующим.

Сообразив, что от него требуется, Владимир Александрович сноровисто подал один за другим остальные два меш-

ка, потом ящик. Литовец пытался помочь, но у него получалось плохо. Когда внутри оставались только пассажиры, Кондор еще раз обшарил глазами «салон», подхватил свое имущество, развернулся и зашагал от вертолета. Не дожидаясь команды, спутники прыгнули на грунтовую площадку, подхватили вещи – не только полученные на складе, но и довольно тяжелый ящик.

Ящик был неудобный, большой, без какой-либо маркировки. Это не радовало, но все равно на помощь никто не торопился. Вообще, вокруг оказалось довольно пустынно: такие же, как вокруг «обезьянника», горы, только воздух значительно холоднее и суше. Тропа, по которой исчез из виду Кондор, плохо подходила для переноски крупногабаритных грузов – начинаясь от крохотного, послужившего точкой посадки естественного пяточка, она норовила скинуть с себя непрошенных ходяков.

– Я не знал, что он тоже...

– Вот видишь! – искушенно констатировал Владимир Александрович. – Здесь у каждого – своя роль.

– Да я – ничего! – Все-таки в глазах спутника Виноградов был «инструктором», человеком совсем иного уровня, чем сам он, простой клиент.

Это несколько компенсировало неловкость первых мгновений сегодняшней встречи.

– Слушай, а негра... а негра ты тоже понарошку? – отдышавшись во время очередной смены рук, поинтересовался

Владимир Александрович.

– Нет! – поднял на Виноградова глаза, полные жалости к самому себе, собеседник. – Я не хотел...

– Верю! – Меньше всего сейчас Владимиру Александровичу хотелось, чтобы литовец решил, что «инструктор» над ним издевается.

Они по-прежнему были одни – преодолели ложбину, подъем и теперь огибали бурый от лишайника каменный выступ.

– Куда мы идем-то? – спохватился Генрикас.

– А хрен его... – Виноградову тоже хотелось бы знать, где запропастился их провожатый. Позади было метров триста, а сколько еще такого удовольствия предстояло?

– Сволочь все-таки этот... бородатый!

– Да, – поспешил согласиться литовец. Между спутниками снова восстанавливалась тонкая ниточка взаимного доверия. – Гад! Животное... Козел вонючий.

Высказались – и немного полегчало.

– Да пошел бы он... – Виноградов поставил свой край ящика на тропу, скинул мешок: – Я не нанятый. Отдохнем?

– Ка-айф! – Генрикас моментально последовал его примеру.

Возник и растаял в том месте, которое они покинули, настойчивый рев вертолета.

– Улетел... Знаешь, все это из-за той беленькой сучки.

– Я видел, – кивнул Владимир Александрович. Главное, не мешать человеку говорить о наболевшем. Тогда он спокойно «сошьет» и то, что интересует тебя. – Нечего ей было жопой вертеть туда-сюда!

– Вот-вот, именно! – Больше всего сейчас парнишка нуждался в понимании. Таких легко вербовать на компромате, и агенты из них выходят надежные, совестливые. – Тем более я спяну и не соображал ничего.

– Да все по-честному было. Черный, наверное, первый завелся?

– Да... по-моему. Не помню! Говорю же – напился, дурак. В этот момент оба не услышали даже – почувствовали присутствие кого-то третьего. Осторожно повернув голову, Виноградов увидел вышедшего из-за поворота Кондора. Бородач, видимо, успел оставить где-то вещи и вернулся за припозднившимися спутниками налегке. Судя по тому, что времени прошло немного, это «где-то» располагалось неподалеку и представляло собой конечную точку похода... Не слишком приятно что-либо делать, когда на тебя смотрят. Тем более если смотрят с презрением и почти неприкрытой ненавистью. Владимир Александрович встал, помог подняться с ящика Генрикасу:

– Мы дальше не потащим. Надоело!
Кондор секунду еще по инерции глядел исподлобья, потом, не меняясь в лице, шагнул к ящику. Виноградов произвольно отпрыгнул за собственный вещ-

мешок и приготовился к худшему. Вопреки ожиданиям бородатый схватился за ручку и потянул на себя – с другой стороны ящик поднял покрывшийся потом литовец.

Так и пошли – до соплей довольный собой майор с личными вещами, невозмутимо-презрительный Кондор и паренек, переживший уже один расстрел.

Оставшийся путь преодолели в молчании – Генрикас даже не отдал Владимиру Александровичу свой тук с имуществом, благо идти было немного – метров сто пятьдесят – двести.

– Приплыли! – Первую реплику подал все же Виноградов. Так они появились на промежуточной базе перед границей...

Клиент совершенно не вписывался в окружающую обстановку. Это стало ясно сразу же – и не только Владимиру Александровичу.

– Хм! – сказал литовец, прежде чем затащить вещмешок в отведенную ему палатку.

– Хм-м!.. – согласился с ним Виноградов. Но выбирать в данной ситуации не приходилось.

* * *

Переход на ту сторону прошел как-то совсем незаметно. Быстренько подхватили заранее приготовленные вещи, по-

махали на прощание Исе... И минут через десять уже выбрали на противоположный берег.

Занятый сосредоточенными прыжками с камня на камень, Виноградов не сразу осознал, что находится уже на родной территории: сзади журчала по броду вода, а перед глазами круто вверх удалялась обтянутая джинсами задница клиента.

– О-о-ш-ш!

Владимир Александрович обернулся и выслушал злобное, переходящее в матерную ругань шипение Генрикаса – парню не удалось удержать равновесие, и он все-таки оступился. Теперь, замочившись почти до пояса, литовец спешил выкарабкаться из ледяного потока. Виноградов протянул руку...

Торжественность момента оказалась смазанной.

После некоторой технической заминки двинулись дальше, обусловленным ранее походным порядком: проводник, бородатый Кондор, клиент в своей идиотской куртке с капюшоном, майор и сменивший подштанники литовец. Замыкал колонну второй проводник, помоложе и тоже из местных.

«Шестеро... Шестеро смелых!» – подумал Виноградов и вспомнил народную мудрость: самые мужественные люди те, кто ни черта не знает... По суровым законам логики, и он, и его спутники были обречены на то, чтобы остаться в дураках, – но каждый надеялся обмануть судьбу. Кроме, пожалуй, клиента...

– А ю о'кей? – поинтересовался Владимир Александрович.

Клиент улыбнулся застенчивой улыбкой недобитого интеллигента и кивнул. Молча. Он вообще почти не разговаривал – ни в лагере, ни сейчас, по дороге: на вопросы реагировал, но в основном жестами, показывая, что понял и согласен. Или не согласен – чего практически не случалось. Услышав вчера произнесенное Владимиром Александровичем по-английски приветствие, этот плюгавый очкарик ограничился вежливым «хэллоу» и намеком на любопытство, мелькнувшим в глазах, – впрочем, оно сразу же уступило место равнодушной отстраненности.

Вообще, как заметил Виноградов, окружающий мир интересовал клиента мало. Только в той степени, в какой внешние факторы способны были повлиять на вынашиваемый им план.

Покойник... Еще один условно живой покойник в их милой компании. Этаким самоходный, монострелковый морг на полном самообслуживании! Все дружно шагают навстречу неизвестно чему, вместо того чтобы просто нажраться таблеток и тихо уснуть навсегда – с улыбкой и не стирая в кровь пятки многочасовым переходом.

Владимир Александрович так ведь и заявил тогда Полковнику:

– Я же старый, ленивый... Зачем мучиться?

– Это шанс, Виноградов! Е-дин-ственный! Неужели отка-

жетесь?

И он, разумеется, согласился. Дело было уже на исходе ночи. Полковник, судя по всему, еще не ложился, а Владимира Александровича разбудили – во второй раз. Теперь телефонным звонком. Трубку, естественно, поднял привычный к неожиданностям Освальд:

– Йе? Шлюхаю, блин...

В ответ на его англо-русский коктейль на другом конце линии что-то сурово прошелестели, и Виноградов ощутил настойчивый тычок под ребра:

– Тебя! Бегом к Полковнику.

– Чего там такое еще?

– Не знаю! Давай топай... Вернешься – будь любезен, потише. А то как слон в посудной лавке.

Но больше в свою комнату Владимир Александрович не вернулся. Даже из вещей ничего забирать не пришлось.

– Вызывали?

– Да, заходите... Домой хочется? К жене, детям?

– А как вы думаете? – Что-то остроумнее придумать в пятом часу утра Виноградову не удалось.

– Тогда слушайте внимательно. – Полковник скептически посмотрел на заспанную физиономию собеседника: – Кофе налить?

– Пожалуй! – не стал возражать Владимир Александрович. – Если можно – покрепче. И без сахара...

Со слов хозяина ситуация складывалась следующая.

Жила-была в сытой стране Дании супружеская пара. Он – хирург, кардиолог, из очень хорошей семьи. Сам неплохо зарабатывает, да еще и наследство... Супруга – тоже врач, из семьи состоятельной и известной: дедушкин портрет в музее Сопротивления, папа чуть ли не четверть молочной промышленности страны контролирует... Чего еще надо? Приключений на задницу!

Потащились в Россию, волонтерами – по линии Красног Креста. И ладно бы в Питер, в Москву, у нас везде больных-голодных хватает! Так ведь нет... Приспичило на Кавказ. Он в госпитале остался, оперировать, а она повезла медикаменты по селам. В горы, где оппозиция контролирует.

– Погибла?

– Если бы только... Там оператор как раз оказался, то ли турок, то ли иранец – все почти заснял на пленку. И как ее насилюют, и как бензином обливают... Она живая еще горела!

– С-сволочи!

– Война, – пожал плечами Полковник. – Бывает... Тот парень, оператор, потом сюжет на Си-эн-эн продал или на Эй-би-си, я не помню точно.

Он разлил заварившийся кофе и продолжил рассказ.

В кадре случайно оказался сам Магаев. Нет, он не участвовал, как можно! Просто стоял рядом – и не мешал охране развлекаться... И в конце концов это кино увидел датчанин.

Он был врач, поэтому в психиатрическую клинику не по-

пал. Но оказался мужчиной – и поэтому вышел в конце концов на Полковника. Сделал заказ – на голову Магаева. На собственноручную ликвидацию, ни больше ни меньше!

– А те, кто непосредственно?..

– Они его не интересовали! Звери, животные дикие.

– Логично. Хотя я бы их, пожалуй, тоже...

– Ну это-то было бы элементарно, – развел руки Полковник. – А вот Магаев...

Доктор хотел уничтожить этого человека сам. Лично! Последствия его не интересовали. Он все-таки немножечко сошел с ума, этот очкарик с лицом милосердного ангела... Поэтому контракт был составлен следующим образом. Датчанин отдает распоряжение, юридически оформленное и заверенное, о перечислении на указанный Полковником счет суммы, примерно равной полумиллиону долларов. Но получить эту сумму возможно только после официально подтвержденного факта гибели Магаева – причем неважно, останется ли доктор жив, иди деньги будут переданы уже после его смерти, в безусловном порядке...

– Интересный договорчик! А как на счет?..

– Мы хорошо платим своим адвокатам! – отмел сомнения Виноградова собеседник. – Я же только общую идею контракта сказал, там такое множество всякой правовой белиберды... В общем, вариант абсолютно законный.

– Это колоссальная сумма, даже по их меркам.

– У него фактически нет наследников. Шум поднимать

никто не станет.

Владимир Александрович не сомневался, что Полковник просчитал все варианты. А тот заговорил снова.

Сначала провели разведку. Потратили время, деньги... Пришлось отказаться от варианта работы под крышей федеральных сил – во-первых, из доктора никак не получался российский милиционер, а во-вторых, Магаев куда быстрее уничтожил бы очередную карательную экспедицию, чем хоть один спецназовец подкрался к нему на пулеметный выстрел.

– Он, Магомед, вообще хитрый очень. Осторожный! – прищурился Полковник.

– Вы знакомы? – почувствовал Вино градов.

– Мы на сестрах женаты, – помедлив, кивнул хозяин. – Соседи... Я его никогда не любил!

После такой откровенности оставалось только слушать дальше.

Клиент и Полковник договорились так: фирма обеспечивает доставку датчанина пред грозные очи Магаева. Пистолет, патроны... У него будет шанс – убить! Тогда Полковник получает деньги. Если первым отправится на тот свет клиент, миссию по доведению дела до конца принимает на себя фирма... и все равно в результате получает оговоренную сумму.

– Ловко придумано! – Что-то в схеме Виноградову не нравилось, было какое-то уязвимое звено. Но додумать мысль

до конца не удалось.

– Клиент согласился. Он уже пятый день сидит на границе во временном лагере. Ждет...

– Чего ждет?

– Не чего, а – кого! Вас, господин Виноградов.

Полковник сделал эффектную паузу:

– Я хочу дать вам шанс. Шанс вернуться домой... Нужно всего-навсего сопроводить клиента на аудиенцию к моему родственнику. А потом – делайте что хотите!

– Вы шутите? – У Владимира Александровича перехватило горло. Захотелось плакать.

– Нет, я не шучу. Вы окажете услугу – и мы в расчете. За все причиненные вами неприятности.

– Да меня первый же боевик шлепнет! И клиента заодно.

– Вероятно... Но может быть, нет? – Очевидно, в колоде у Полковника имелись еще козыри.

– Я же русский! Русский офицер. Офицер милиции... – попытался втолковать Полковнику и без того не нуждающееся в разъяснении Виноградов.

– А зачем об этом кричать на каждом углу? Да, ребята в горах не любят парней в погонах... И единственные русские, да и не только русские, которых терпит Магаев, – кто?

– Не знаю!

– Это пресса... Газетчики, телевизионщики. Понял, нет?

– Вы собираетесь отправить клиента под видом репортера?

– Умный каюй! Догадался. Он от датской газеты как будто, названия не помню... А ты тоже иностранец, переводчик – вон, документ уже готов.

Паспорт, большой и пестрый, с гербом далекой латиноамериканской республики тихо подмигивал Владимиру Александровичу его собственной, переклеенной не просохшим еще силиконом фотографией. Виноградов видел уже такую «липу» – года полтора назад этот бизнес считался очень выгодным, потенциальные эмигранты с охотой платили пять-шесть тысяч долларов за иллюзию свободного выезда из России на случай непредвиденных политических перемен. Потом, правда, были специальные разъяснения консульства.

– Вряд ли они смотрят питерское телевидение, – уловил виноградовские сомнения Полковник.

– А если все-таки?..

– Это ваш шанс, Владимир Александрович!

Виноградов задумался:

– Зачем я там нужен?

– А кого послать? Чтобы и готовить не надо было, чтобы по-английски мог изъясниться? Плюс – в газетном деле не новичок!

– Логично... А если я его сдам – с потрохами? Еще на первом же посту оппозиции? И сам – к своим...

– Думаете, отпустят? Вряд ли! Скорее шлепнут на всякий случай, как федерального шпиона. Тем более вы же

представляете: один, в горах, на чужой территории... Та же смерть, только во времени растянутая.

Это прозвучало убедительно.

– Допустим... Допустим, ему удастся Магаева грохнуть!
Ну доктору-то плевать, он уже на себе крест поставил. А я?
Как я потом выберусь? Нет, те же яйца – вид сбоку...

В принципе, чисто теоретически, если придется идти вдвоем... Проводник не в счет, это вопрос решаемый!

– Где клиент?

Полковник выдвинул ящик стола, развернул карту:

– Вот здесь, кружком обозначено.

– А куда идти?

– Там покажут, – насмешливо посмотрел на Владимира Александровича собеседник. – Магаев на месте не сидит.

– Сколько нас будет?

– Не много! Столько, сколько понадобится для страховки от необдуманных поступков.

«Ладно, посмотрим. Там где-то должны быть погранзаставы, потом – мало ли что? Все-таки шанс! А здесь рано или поздно прикончат, или Борману отдадут для тренировок», – пронеслось в голове Владимира Александровича.

– Да, это – шанс! – угадав, подтвердил Полковник.

– Когда лететь?

– Через полтора часа, – вернул на место отогнутый манжет хозяин кабинета. – Вертолет уже на подходе.

– Если меня убьют... Что узнает семья?

– Любопытный вопрос! – улыбнулся Полковник. – Мы придумаем что-нибудь... не волнуйтесь.

Вот так и получилось, что очередной рассвет Владимир Александрович встречал не под храп огневого инструктора.

Трясая бок о бок с несостоявшимся мертвецом в брюхе винтокрылого летательного аппарата, он все пытался представить себе предстоящую встречу с другим покойником – потенциальным. А в пилотской кабине буравил обугленными зрачками горизонт бородатый убийца Кондор. Тот самый страховочный вариант, о котором сказал Полковник...

– Ну наконец-то!

– Ох, бля-я... Слава Богу!

Судя по всему, намечался серьезный привал.

Все равно идти дальше стало практически невозможно – ни луны, ни звезд. Темнота... Такая темень бывает только в горах и на дне океана.

– Еще шаг – и сдохну. – Виноградов обрушился на какой-то каменный выступ и почти не почувствовал боли. Откинувшись назад, он уперся спиной в мягкую внутренность рюкзака и прикрыл глаза. Сил не оставалось даже на то, чтобы вытереть пот.

– Жить не хочется, – согласился литовец. – А им хоть бы что! Местные...

Проводники один за другим исчезали из поля зрения, чтобы через минуту появиться вновь – уже с охапкой то ли хвоста, то ли сухой травы. Кондор уже сноровисто запалил

костер.

– Ну этот-то – не местный! – шевельнул подбородком Владимир Александрович. – Охота пуще неволи...

Клиент, видимо, тоже держался на грани – волосы слиплись, дыхание хриплое... Распластался, понимаешь, бесформенной кучей! Но, надо признать, в пути вел себя достойно – не чета ошалевшему от суровой реальности Генрикасу.

– О'кей? – выразил солидарность Владимир Александрович.

Доктор кивнул, не поднимая век.

– Хорошо стоят... – Внимание майора переключилось на три фигуры, обступившие в этот момент аккуратное пламя костра. – Эх, одной бы гранатой!

Нечто подобное произнес некогда, говорят, по адресу конкурента один из питерских криминальных авторитетов. Вскоре его самого расстреляли в упор на пороге квартиры...

Впрочем, все это оставалось пустым сотрясением воздуха. Из оружия у клиента имелся только фотоаппарат, а Виноградова вообще снабдили только блокнотом и ручкой. Вряд ли чем-то мог поучаствовать и литовец... Проводники же, в отличие от Исы, к автоматам относились трепетно – тот, что постарше, держал за потертый брезентовый ремень длинноствольный АК, у его молодого коллеги под мышкой болтался «кипарис» калибра девять миллиметров. Кондор тащил за спиной плоский футляр-сейф, пистолет в кобуре и огромный нож.

– Хотелось бы знать, где мы! – По причине возраста Генрикас приходил в себя быстрее. Хорошо быть молодым...

– Теперь уже и не знаю...

Это только киношные Штирлицы могут одним взглядом «сфотографировать» карту или таблицы шифрованных текстов. У Виноградова же в памяти от увиденного перед отлетом из лагеря оставались только обрывки переплетенных зигзагов, какая-то цифирь... и палец Полковника с розовым ногтем.

На практике в этих горах расстояние измерялось только временем – все иные критерии беззастенчиво лгали. После многочасового с короткими остановками перехода Владимир Александрович настолько отупел, что не то чтобы в пройденном расстоянии – в сторонах света уже не ориентировался. После полудня сил хватало только на то, чтобы не упускать из виду рюкзак впереди идущего – не советуясь с сознанием, ноги переходили с одной еле заметной тропы на другую, совсем не заметную, потом приходилось куда-то прыгать, взбираться, сползать...

Дай сейчас Виноградову волю, он лечил бы альпинистов и путешественников принудительно. Электрошоком!

– Мерси! – Очнувшись из забытья, Владимир Александрович увидел, как литовец принимает из рук Кондора кружку с пахучим пойлом. В свете костра это выглядело соблазнительно. Бородач жестом показал, что порция на двоих, после чего снял с огня котелок и наполнил еще одну эма-

лированную емкость. Эта предназначалась доктору.

Очкарик потер переносицу под оправой, смущенно в очередной раз улыбнулся и отрицательно покачал головой. Сделав усилие, он выполз из рюкзачных лямок, порылся в кармане и подставил под чай один из разовых пластиковых стаканчиков, упакованных в целлофан.

– Во дает! – хмыкнул Виноградов.

– А чего? Культура! – не понял Генрикас.

Не объяснять же ему было, что странно видеть человека, готового с часу на час умереть – и боящегося подхватить заразу от плохо вымытого стакана... Станный народ эти потомственные интеллигенты!

Вскоре, пожевав чего-то из заплечных торб, засобирались ко сну проводники. Вслед за ними извлек свой спальник и Владимир Александрович.

– Не замерзнем?

– А какие у тебя предложения? – Виноградов потеснился, освобождая рядом с собой кусочек пространства. – Не надейся, в мешок к себе не пуцую!

– Очень надо... – хмыкнул литовец. – У меня свой есть!

Лениво, вполголоса ворча друг на друга, они устроились на ночь.

Костер погас. Места в ложбинке между камнями еле-еле хватало на двоих, поэтому головы Владимира Александровича и Генрикаса оказались почти вплотную.

Виноградов не спешил застегивать «молнию»:

– Спишь?

– Нет, – шевельнул губами литовец. Он сказал это так тихо, что майор скорее догадался, чем расслышал.

– Страшно?

– Нет. Мне-то чего бояться?

– Да уж... Мертвые не потеют.

– Хватит тебе!

– Тиш-ше... – Кто-то заворочался, закричал. Не то проводник, не то Кондор. Явственно лез в ноздри посторонний запах гигиенической косметики – это клиент перед сном тщательно протер выступающие части тела красивой салфеткой.

Несколько таких же комплектов лежало в рюкзаке и у Виногоградова, но пользоваться ими российскому майору было тоскливо. Его здоровый офицерский организм активно сопротивлялся тлетворному западному влиянию.

Кто-то каркнул. Чуть позже прошелестели невидимые крылья и далеко-далеко громынуло.

– Ну? Рассказывай...

Со слов паренька выходил Полковник – ну просто отец родной: суров, но справедлив. Когда Генрикаса, в блевотине и крови, почти сразу же протрезвевшего, поставили перед светлыми очами босса – казалось, жизнь кончена! Вместо романтического путешествия предстояли долгие-долгие годы тюрьмы – вонючей азиатской тюрьмы, полагающейся по местным законам за поножовщину... Так пояснил Полков-

ник: либо руку по локоть рубят, либо в каменный мешок, на хлеб и воду. И консул не поможет, какой здесь литовский консул? Откуда? Про такую страну и не слышали даже. Читали, наверное, – тут и на Дядюшку Сэма плевать хотели!

А если бы насмерть... Думать не хочется. Генрикасу разъяснили, что убийство карается четвертованием, а по договору об аренде лагеря все преступления подпадают под юрисдикцию местных властей. Паренек потерял сознание.

Очнувшись, он готов был ноги целовать Полковнику – тот предложил вариант, при котором и овцы... овца цела, и репутация фирмы не страдала. Предстояло торжественно, на глазах всех клиентов и боевиков «обезьянника», разыграть представление. Якобы казнь, самосуд... Это и местных должно удовлетворить, и кое-кого из обитателей лагеря привести в чувство – а то совсем распустились, дисциплину ни в грош не ставят! А потом, по-тихому, виновника с территории переправят куда-нибудь в цивилизованное государство.

Генрикас согласился – а кто бы не согласился на его месте? И черт с ней, со внесенной платой! Пусть Полковник подавится, тем более что вкус к «человеческому сафари» у литовца пропал напрочь... Лишь бы выбраться.

– А ты кого заказал? – не удержавшись, шепнул Виноградов.

– В смысле? – переспросил мнимый покойник.

– Ну на кого охотиться собирался? Или секрет?

После некоторой заминки литовец ответил:

– Теперь-то уж чего... Личное. А, ерунда, дурость! – Он не справился было с голосом, но спохватился и перешел на шепот: – Отец... Он мать бросил, когда мне три года исполнилось, а сестренке два.

– Извини.

– Да, чего там... Сбежал в Швеции с парохода, маму таскали долго – это еще при КГБ было. Разбогател, женился на деньгах – про нас и не вспомнил. Мы втроем на девяносто в месяц жили, комната в коммуналке, – а он... сволочь!

– Ну время было...

– Другие помогали, хоть чем-то – всегда находились способы. Литва – не Россия ваша... А когда совсем можно стало, он даже не поинтересовался – где мы, как мы? Мать умерла от сердца, сестра денег заняла, поехала к нему по туристической визе – выгнал. Даже разговаривать не стал. Сестра вернулась, надо было долги отдавать, валюту... – Генрикас скрипнул зубами. – Я сидел тогда, по хулиганке. Вышел – а она уже всю путанит, в Интерклубе... Клайпеда – город портовый! Блядью стала, понял?

– Понял... Жива?

– Нет. На иглу села – и перебрала как-то.

Это все смахивало на дешевую мелодраму, но Владимир Александрович поверил.

– Нар-ко-ти-ки... Дурь! – помолчав, продолжил литовец. – Я после зоны вписался в хорошую тему – оружие из Польши, китайские ТТ... На Запад – металл цветной, вся-

кий там бензин. Заработал – не так, конечно, как некоторые, но зелень появилась... Съездил в Гетеборг, любовался на папашу издали, кое-какую информацию подсобрал.

– Именно сам хотел? Лично?

– Да. – Об убийстве отца Генрикаса говорил уверенно и без эмоций. – Я ведь еще когда сестру хоронил, поклялся... А потом с одним кентом повстречался, он на Полковника пашет уже второй год. Дальше ты знаешь.

Виноградов помолчал.

– А сейчас?

– Сейчас – не знаю, – понял Владимира Александровича собеседник. – Не знаю... Надо бы, конечно, грохнуть, но... Посмотрим!

– Ага! Если сможем...

Что-то в голосе Виноградова пареньку не понравилось.

– Ты о чем? Ты чего в виду имеешь?

– Дурак... Нас давно уже всех списали!

– Как это – списали? Как это? – вопросительно закричал он шепотом. – Ты чего?

Чувствовалось, что второй раз помирать ему не хочется. Хоть патрон из кондоровского «магнума» и оказался холостым, но ожог и пробитая кожа кровоточили до сих пор – все-таки прямо в упор выстрел, да и вообще... Кулачищи у бородатого свинцовые, вырубил – и притворяться не пришлось.

– Тебе что про нашу поездку сказано? Что Полковник

объяснил? – Чувствовалось, что сейчас парень врать не станет.

– Да почти ничего. Я и спросить не успел, не до того было.

– Где мы хоть болтаемся сейчас – представляешь?

– Ну... Кавказ?

– Умница! – Чувствовалось, что парень только недавно отошел от впечатлений, связанных с несостоявшимся расстрелом, и постепенно обретает возможность трезво оценивать ситуацию. Поэтому требовать от него большего вряд ли имело смысл. – Война здесь идет, понял?

– Понял, газеты тоже читаю... – В голо
се парня неожиданно зазвучала обида. —

А ты? Вот и объясни мне, если такой умный!

– Тих-хо... Тш-ш-ш! – Виноградову показалось, что кто-то из проводников заворочался.

Все естественно, в глазах Генрикаса «инструктор» – это один из тех, кто принимает решения. А то, что Полковник не предупредил своего подчиненного о воскрешении его попутчика – что же, мало ли какие на то могут быть причины? Конспирация...

– Значит, ты думаешь, что Кондору приказано сдать тебя кому-нибудь, кто захочет возиться? Или точно определено – федералам, оппозиции?

– Нет. Сказали, что этот... позаботится...

– А почему именно с нами?

– Не знаю! – Паренек начал раздражаться. Довольно обыч-

ная реакция организма на «непонятку». Чисто детская. – Может, просто по пути? Заодно? Других-то никого не летело.

– Может быть... Все! Время придет – разберемся.

– Спокойной ночи.

Странно, но вскоре оба они уже тихо посапывали во сне...

* * *

Когда над ухом стреляют – это все равно противоестественно. Даже если заранее знать, что сейчас, в следующую секунду, некто нажмет на курок, ствол дернется и безопасная для тебя лично пуля уйдет в мишень. Или по меньшей мере в сторону этой мишени. Человеческий организм не приветствует подобные потрясения окружающей среды, и в привычных условиях ему не всегда удастся достаточным образом подготовиться – и физически, и морально.

Что же тогда говорить о выстреле, прозвучавшем над ухом спящего человека? Когда мозг еще не включился, а физиологические реакции происходят на уровне мышечных сокращений? Как у дохлой лягушки, подключенной к аккумулятору.

Открываешь глаза – ничего не видишь... Барабанные перепонки свернулись и ноют, сердце колотится, слабость в желудке и мочевом пузыре.

Постепенно, не сразу, Владимир Александрович начал воспринимать окружающее.

Сначала включили изображение. Фигура первая – обхвативший живот молодой проводник: лица не разобрать, только черные волосы и край щеки, заросшей и грязной. «Кипарис» бесполезно' сползает по бедру... Целая группа, скульптурная композиция – второй проводник, что постарше, и Кондор. Бородач как раз только что выстрелил, рука с пистолетом застыла на половине пути от черноволосого... Старик вплотную уже почти уткнулся стволом своего автомата под горло...

«Калашников» был старомодным – с большим деревянным прикладом и пламягасителем, больше похожим на оттопыренную губу.

Виноградов, видевший такие реликвии отечественного оружейного производства только в школе, на уроках начальной военной подготовки, да по телевизору, когда показывали хронику освободительных войн черного континента, – так вот, Виноградов каким-то шестым чувством понял, что предохранитель у проводника не снят! И что разрядить автомат в Кондора он никак не успеет – тот убьет его раньше, из своего безразмерного «магнума»...

Он не один сообразил, что произойдет в следующую секунду: Картинка ожила.

Старик резко закинул ствол вверх и прикладом ударил Кондора по руке. Пистолет отлетел из отшибленной кисти –

куда-то из поля зрения, в камни.

Кондор попытался закрыться, но опоздал. Продолжая движение, вытертое дерево приклада описало коротенькую дугу и вмялось в бородатое лицо – это был старый, военных еще времен прием, элемент рукопашного боя советской пехоты.

Незаметно вслед за картинкой появились цвет и звук.

– Х-ха! – Старик для верности решил добить падающего противника, но промахнулся.

Бородач успел перехватить автомат, дернул его на себя... Потеряв равновесие, проводник рухнул вниз, вслед за ним.

Виноградов, не сознавая еще, что делает, влекомый не разумом, а скорее животным любопытством, выпростал голову из-под теплого клапана спальника.

– Гр-р-р!.. – Теперь Кондор был наверху. Пережав левой, не пострадавшей кистью, ворот старого ватника на шее проводника, он другой шарил сзади, пытаясь нащупать кнопку на ножнах. При этом суставы его кровоточили и пальцы почти не слушались.

Тот, кто лежал сейчас снизу, почти не хрипел – извиваясь всем телом, он судорожно пытался освободиться, оторвать от себя ухватившую горло руку.

Это не удавалось – проводник был прокуренный и старый. Такой же прокуренный и старый, как его ватник... Мелькнувшее в воздухе лезвие пробило их одновременно – материю и тело. Пройдя без сопротивления сквозь брезент, утепли-

ленную подкладку, напряженные мышцы и все то теплое, трепетное, что укрывают от грубых и неделикатных воздействий ребра, нож попал прямо в сердце – и человека не стало.

Кондор вынул из трупа нож и, почти не размахиваясь, ударил еще раз – на всякий случай. Сделал он это устало, задумчиво – и потом так же задумчиво вытер лезвие о ватник.

Врут писатели! Никаких фонтанов, потоков крови... Все осталось внутри, под одеждой.

Виноградов зачем-то закрыл глаза. Потом открыл – делать вид, что спишь, было довольно глупо. Остальные тоже зашевелились: сначала поодаль доктор, а за ним – и литовец.

Но голоса пока никто не подавал.

Молчаливее всех лежали все же проводники – черноволосый, скрюченный с подогнутыми к груди ногами, и старик, запрокинувший к небу щетинистый подбородок.

Ощущение собственной беспомощности унижало. Владимир Александрович потянул, вниз патентованную «молнию» и полез наружу, из мнимой безопасности спального мешка.

– Бля, ни хрена себе! – Собственный голос сейчас Виноградову тоже не нравился.

О чем-то тревожно и коротко спросил доктор.

– Вон у него поинтересуйся, – почему-то по-русски ответил майор. И мотнул головой в сторону Кондора.

Тот уже сунул на место нож и теперь искал среди камней «магнум».

Клиент настойчиво повторил вопрос. Насколько понял

Виноградов, очкарика интересовало, намерен ли его «куратор*» и далее выполнять порученную миссию. Позволяет ли здоровье? Как врач, он готов оказать помощь.

Владимир Александрович, как мог, перевел.

Бородач уже обнаружил свой пистолет и заботливо вытер его рукавом. Потом поднял глаза на клиента. Кивнул, успокоительно отмахнулся...

– Разговорчивый парень! – нервно хихикнул Генрикас.

– Он, кстати, тоже...

– Что – тоже? – Каждому стал вдруг приятен звук человеческой речи. – Что – тоже, Пронин?

– Я не Пронин. – Теперь Виноградову было плевать, слышит его бородач или нет. – А насчет него... Он тоже – списан. На боевые потери! Покойник, одним словом.

– Брось... Пре-кра-ти!

– Как хочешь. – Опыт подсказывал, что и грозный Кондор обречен, принесен в жертву каким-то загадочным, таинственным на первый взгляд, но по сути достаточно скучным и низменным целям.

Виноградов, обмирая от страха перед возможной и быстрой расправой, поднял с земли «кипарис» черноволосого. Медленно повернулся... Какое-то время взгляд бородач жег ему переносицу, потом Кондор принял какое-то одному ему ясное решение и отвел глаза.

Теперь Владимир Александрович был вооружен...

Закончив обшаривать трупы, Кондор жестом подозвал ли-

товца. Вдвоем они отволокли убитых метров за двадцать – туда, где тропинка огибала скалу, одним краем прижимаясь к сырому нагромождению камней, а другим – обрываясь отвесной расщелиной.

Спихнули – сначала один, потом другой. Вернулись. Доктор и Виноградов уже торопливо запихивали в рюкзаки вещи – и без команды было ясно, что нужно срочно сматываться.

– Может, он объяснит, в чем дело? – Генрикас непрерывно, сам не замечая этого, стряхивал с рук несуществующие кровавые следы. – Ни хрена себе – шуточки!

– Не суетись. – Владимир Александрович придержал матерчатый клапан, ослабил шнуровку, и спальник собеседника все-таки влез куда положено. – Вот так...

Он покосился на очкарика – тот, уже закончивший сборы, сидел спиной. Поза усталости и равнодушия... Где-то на востоке, невидимое из-за вершин, розовыми мазками подсвечивало небо солнце.

– Я сквозь сон слышал – они, кажется, разговаривали сначала. Между собой!

– Да, скорее всего.

Не похоже было, что проводники пытались угробить Кондора, не разбудив. И позы их, и неготовое к бою оружие – все свидетельствовало о том, что летальный исход не планировался. Да и бородатый... Наверное, он сумел бы отправить бедолаг на тот свет с меньшим риском для собственной жизни.

Скорее всего, получился экспромт – для кого-то удачный, а для кого-то нет.

– Готов?

– Да, наверное... Что это он делает?

Виноградов и сам уже с удивлением смотрел на манипуляции Кондора. Тот как раз закончил разматывать пропитавшийся кровью бинт – видимо, наложенная на кисть повязка его не удовлетворила. Оказывать самому себе медицинскую помощь всегда не слишком удобно, доктор почему-то проявить профессиональные навыки не спешил, и Владимир Александрович приготовился было предложить раненому свои услуги, но... Бородач хрипло выругался и отшвырнул испачканную красным измятую ленту подальше. Получилось не слишком удачно – сам бинт провалился за камень, но краешек его грязновато белел и не мог не привлечь внимание. В другую сторону, туда, где провел ночь Виноградов, улетел и скомканный пергамент, обложка индивидуального пакета. Майор наклонился и поднял комок: странно. Кондор пользовался дрянными российскими упаковками! У самого Владимира Александровича в рюкзаке лежала отличная разовая аптечка из арсеналов бундесвера.

Под недоброжелательным взглядом бородача, уже понявшего свой промах, майор прихватил двумя пальцами пергаментный комок, приподнял один из камней покрупнее и запихнул мусор под него. Опустил камень... Следа не оста-

лось!

Он хотел уже было проделать то же самое и с бинтом, но осекся под гортанным окриком Кондора:

– Гыл-за!

Это было первое, что услышал Виноградов от бородача по-русски – комментарии не требовались. Все трое – очкарик, Генрикас и майор – принялись обшаривать площадку в поисках гильзы, вылетевшей из кондоровского пистолета.

– Вот она! – почти сразу же отозвался литовец. Довольный, он подбежал к бородачу.

Тот кивнул, спрятал в карман... Посасывая на собачий манер костяшки пальцев, скомандовал жестом – и двинулся вверх по тропе.

Ни Виноградов, ни его спутники не заметили, как перед первым шагом Кондор ловким, неторопливым движением выкатил из того же кармана взамен убранный другую гильзу – медный цилиндр с пробитым капсюлем, каких тысячи тысяч на каждом стрельбище. Девять миллиметров, пистолет Макарова... Зато Владимир Александрович обратил внимание на придавленную, выскобленную до застывшего жира банку говяжьей тушенки, поблескивающую матовым боком напротив костра. Вчера ее точно там не было – дождавший последним Кондор профессионально собрал перед сном остатки трапезы и упрятал их куда-то к себе.

– Дураков нет...

– Чего? Чего ты сказал? – Видимо, Виноградов пробор-

мотал свою догадку вслух, поэтому Генрикас переспросил:
– Кого нет?

– Знаешь, сумма разума на планете – величина постоянная. А население увеличивается... – Когда нечего или не хочется отвечать, лучше всего спрятаться за цитату. Старый прием сработал и на этот раз, тем более что они поравнялись с обрывом.

– Их же видно! – запоздало сообразил спутник.

– Ага... Ладно, теперь-то что сделаешь? Не спускаться же, правда? – Это вполне вписывалось в построенную Владимиром Александровичем схему: не заметить лежащие метрах в двадцати внизу трупы мог бы только слепой идиот.

Кондор с клиентом уже поджидали отставших.

– Быстра идем! Понял, нэт? – Чувствовалось, что он уже в достаточной степени владеет поврежденной рукой – и теперь эта рука поигрывала предохранителем трофейного автомата.

– Понял, – кивнул засуетившийся литовец. Торопясь впереди Виноградова, вдогонку за удаляющимся доктором, добавил: – Ишь, разговорился... Хоть бы объяснил, что к чему!

Владимир Александрович не ответил, а вскоре сил для дискуссии и вовсе не осталось. На второй день блуждания по горам накопившаяся усталость удвоилась, взвыли мышцы, суставы, и пот досаждал даже больше, чем осыпи под ногами. Кондор двигался ровно, уверенно – так, будто знал здесь каждый изгиб тропы. Кое-где он вел спутников вообще без дороги – поднимаясь то вверх, то вниз по течению многочис-

ленных, тихо журчащих ручьев и речушек. Сбивал след...

До обеда прошли километров пятнадцать, может быть – десять. Генрикас утверждал, что значительно больше, но, скорее всего, просто сказывалась измотанность. Один раз, издали, видели небольшое село – домов десять – двенадцать. Сверху, со склона, оно выглядело серым, безглазым лабиринтом крыш и пустынных дворов. Курился дымок, лениво – не на чужих, а просто от скуки, лаяла собака. С противоположной стороны села пыльным облаком кучковались овцы.

– Эй, слушай... Может, ну их на хрен? – зашептал тогда Генрикас в ухо Виноградову. – Может, пошли к людям? Объясним...

Увидев, что Владимир Александрович только задумчиво дышит, продолжил:

– У тебя же оружие! Он не посмеет... Сам же говорил, что покойники, а?

Ответить Виноградов не успел – лицо собеседника замерло на полувопросе. Обернувшись, он уперся взглядом в чернеющий смертью раструб пламягасителя – Кондор стоял, уперев ствол почти в самый висок майора. Непонятно, как он вообще оказался сзади... дитя гор!

– Дай. – Свободная рука протянулась к Владимиру Александровичу. Пришлось безропотно расстаться с «кипарисом»... Через минуту они уже вновь шагали по осыпям: на этот раз все ограничилось превентивным разоружением.

...Обедали, когда солнце уже перевалило через зенит.

– Укромное местечко... – Отсутствие выбора всегда облегчает жизнь. Сваливается бремя принятия решений и грядущей ответственности.

– Сколько еще, интересно? – Литовец консервы не открывал, ограничился шоколадом.

– Не думаю, что долго. Время поджигает. – Виноградов подержал на языке кусочек колбасы, почувствовал вкус и проглотил. Разговаривать не хотелось, еще раз прокачать в голове имеющуюся информацию, принять решение и соответственно поступить. Чуть-чуть, совсем немножечко придя в себя.

Значит, так... Кондор пытается убедить, что на месте ночлега похозяйничали русские. Зачем? Нет, не так... Кого? Людей Магаева? Вероятно. Тогда опять – зачем? Лишний шум! Тревога, погоня... Этих ведь бедняг специально послали, чтобы отвести к интересующей персоне – или нет?

Думай, голова, думай! Тебя не только же для жевательных движений и ношения фуражки растили...

– Генрикас! У тебя документы есть?

– Нет, нету... Не положено же! По контракту.

– И паспорт не вернули? – удивился Виноградов.

– Ну Полковник обещал, что... – Чувствовалось, что литовец озадачен. – Я как-то не интересовался.

Естественно! В ту ночь, в лагере агентства, помилованному было не до таких деталей. Всомогущий Полковник подарил шанс – какие уж тут вопросы?

– Дай-ка свою курточку... Дай-ка!

Бородач сидел спиной, разложив на брезенте какие-то свертки и провода, – Виноградов не стал вглядываться, ему было сейчас не до прелестей техники. Важно, что и очкарик отвлекся: с холодным вниманием он наблюдал за руками Кондора, ловко и сноровисто превращавшего разрозненные элементы в единое целое.

Кажется, их лидер решил поиграть в минеров...

– Ты чего делаешь, Пронин?

– Заткнись...

Господи, насмотрелись кино про шпионов! Одесской студии детских и юношеских... Впрочем, те, кто «зарядил» неизвестно чем парня, рассчитывали на себе подобных – всяко будут шмонать, живого ли, мертвого ли. И наткнутся на утолщение за подкладкой.

Сложно было не надорвать – просто хотелось сделать это тихо.

– Изобрази, что со жратвой возишься! – скомандовал он соседу. – Отвлеки, понял?

Испуганный литовец дисциплинированно прикрыл Виноградова собой и заковырял открывашкой о банку. Получилось естественно, и обернувшийся было Кондор вновь занялся проводками.

Так... В прозрачном, не шелестящем и не проницаемом для воды пакетике – какие-то обугленные клочки: «...щим удостоверяется... ший лейтенант Ко... выполняет специ-

альное зада... оказывать... всем подразделениям Феде... и граждане...»

Верхний обрывок, потемневший от не долизавшего его пламени, состоял из края черно-белого фотоснимка со следом печати. Виноградов не успел удивиться – на камни выскочил вложенный между листками пластик металла.

Еле удалось перехватить его на лету.

– Ой! – Но это вскрикнул не Владимир Александрович.

Подняв лицо, он во второй уже раз за сегодня увидел последовательно: черный зрачок автомата, дремучую бороду, злые глаза. опередил опять, зверюга... Видимо, Кондор учуял во взгляде Виноградова понимание – ствол шевельнулся и повелительно указал чуть повыше голов.

Вслед за майором поднял руки вверх и литовец.

Потянулись болезненно-длинные секунды неподвижности. Не отводя автомата, бородач подозвал к себе доктора. Нашупал в кобуре «магнум». Достал. Щелкнул предохранителем. Передал в руки очкарику...

Тот перехватил поудобнее тяжелый пистолет – и направил его в лоб Генрикаса. Кондор отрицательно покачал головой – и мишенью стал Виноградов.

Владимир Александрович сглотнул слюну – это получилось неприлично громко.

Неужели выстрелит? Вы-выстрелит, еще как! Глядя в белесые, лишённые выражения глаза врача, он понял – убьёт. Для очкарика в этом мире существовала только смерть –

да, смерть пресловутого Магаева. Жизнь майора российской милиции его абсолютно не интересовала...

Случается, убивают, чтобы выжить. Этот господин был готов убивать – чтобы в конце концов убить. «Он же просто сумасшедший, – догадался Владимир Александрович. – Просто – псих!»

Кондор тем временем вплотную приблизился к пареньку. Не торопясь, положил на его стриженую макушку свою не занятую оружием лапищу, без усилий пригнул...

Подчинившись, безропотный и дрожащий литовец опустился – сначала на колени, потом лицом вниз, на камни. Уверенный в послушании, бородач сдвинул за спину автомат, порылся за пазухой и извлек одноразовый шприц. Навалившись огромным телом, придавил жертву и довольно неловко сделал инъекцию – в шею, под правое ухо.

Генрикас последний раз шевельнулся и замер. Палач шумно выдохнул... Отстранившись, он посмотрел сначала на очкарика, потом на Виноградова – все было в порядке, никто не пытался самовольничать.

Под прицелом доктора, не имея ни сил, ни особого желания шевелиться, Владимир Александрович наблюдал: Кондор втискивает покойника в узенькую ложбину среди камней, что-то вспомнив, вытягивает ему ногу на выступ... резким ударом приклада ломает безжизненную голень... кость хрустит, словно курочка-гриль в ресторане...

Прежде сознания среагировал желудок – вывернувшись

наизнанку, прямо во внутренность Генрикасовой, уже не нужной ему куртки.

С точки зрения организма это была вполне естественная реакция. На какое-то время Виноградов выключился, а когда вновь окончательно пришел в себя – увидел: литовец лежит на спине, переломанная нога разута и кровоточит сквозь неумело наложенный жгут. Рука – правая, со шприцем, замерла судорожно, на полпути от шеи. Левая – запрокинута безвольно...

Прямо под боком, на предусмотрительно обугленном пятчке, распластались остатки документа, для верности прижатые старенькой зажигалкой. Майор догадался, что где-то поблизости, не на виду, но чтобы легко нашли, должен валяться и «смертный» медальон – та самая металлическая пластинка, выпавшая из пакета. Такой медальон выдается любому служивому...

– Ох, бля-а! – Мужества у Виноградова пока хватило только на то, чтобы сплюнуть остатки блевотины и вытереть рот.

Что тут скажешь? Сцена у фонтана... Диверсант, подвернувший в походе ногу, оставлен своими до возвращения. Чтобы не быть обузой. Очень благородно! Поняв, что никто за ним не придет, героический старший – или младший? – лейтенант Ко... из последних сил пытается уничтожить личные документы, прячет свой медальон и кончает жизнь самоубийством. Лишь бы не угодить в лапы гадов-бандитов... Спецназ не сдастся!

Очень натурально сработано.

Кондор заканчивал устанавливать на тропе свои взрывчатые конструкции. Не столько на убой, сколько для повышения бдительности. Сволочь... точно рассчитал, паразит! После пары взрывов они мимо не проскочат, при всем желании.

А кто это, кстати – они? Явно не федералы, те сразу «липу» раскусят, с первого взгляда. Тогда – кто?

Поразительно все-таки человек устроен. Сильнее страха у него – только праздное любопытство...

Высоко в небе, недостижимое для зенитных комплексов вооруженной оппозиции, появилось звено реактивных самолетов. Звук терялся, украденный расстоянием, – и только три белые, идеально похожие одна на другую полосы вытягивались не спеша из-за вершины. На конце этих трасс металлическими остриями поблескивали треугольнички плоскостей.

Все казалось очень красивым – небо без облачка, снежные шапки гор, прохладное солнце... Хотелось выжить.

Самолеты очертили уже значительную часть доступного взгляду пространства, когда Кондор закончил хлопотать и взял из рук доктора пистолет. Поставил на предохранитель и убрал.

Ствол «Калашникова» описал ломаную траекторию, и Виноградов понял, что следует делать: наклонился, поднял с земли свой рюкзак, поудобнее втиснулся в ляжки. Пришлось еще передвинуть поближе к убитому его раскуроченный «ба-

гаж» и куртку, загаженную Владимиром Александровичем.

При этом из всех сил старался не испачкаться...

Дальше двинулись так: Виноградов, Кондор и замыкающий колонну клиент. Получалось значительно медленнее – несмотря на то, что Владимир Александрович шел практически налегке, навыка горных переходов ему явно не хватало. В затылок хрипло дышал бородач – кроме стандартного груза, за спиной у него уместился довольно весомый футляр, на груди – автомат, пистолет в кобуре... Здоровья, чтобы тащить весь этот арсенал, у Кондора хватало, но не более того. Поэтому, очевидно, «кипарис» получил на хранение очкарик – обернувшись в очередной раз, майор увидел его перекинувшим кожаный ремешок этого чуда спецназовской экипировки через шею, под капюшоном.

А оборачиваться назад приходилось почти постоянно – бородач ни маршрута, ни направления движения не объяснил, да здесь, в мешанине и путанице троп, тропок, ручьев, незаметных лощин и внезапных обрывов, это вряд ли могло быть возможно. То и дело Владимир Александрович ощущал очередной болезненный тычок в спину – направо, налево, вверх, вниз... И приходилось майору карабкаться на поросший плесенью выступ скалы, или плюхаться по щиколотку в воду, преодолевая сотню, две, три метров против течения, или прыгать через бездонный разлом, когда запросто обошли бы его чуть левее.

Всегда неприятно – идти, ощущая лопатками нацеленный

в спину ствол. А на Кавказе это вообще достаточно отвратительно.

– Все! Не могу... Стреляй здесь. – Виноградов, не давая уставшему немногим меньше его конвоиру опомниться, плюхнулся на подходящий валун. И провел руками по лицу. Ткань моментально заблестела мокрым пятном накопившегося пота. – Стреляй.

Закрыв глаза, он весь превратился в слух.

Сначала ничего, кроме хриплого дыхания, разобрать было нельзя. Потом задумчиво лязгнул металл... Кондор сделал шаг, что-то тупо ударилось о землю. Подоспел и очкарик.

Собравшись, Владимир Александрович разнял склеенные усталостью веки – картинка получалась идиллическая. Клиент, близоруко моргая, протирал запотевшие стекла гигиенической салфеткой – больше, очевидно, под руками ничего не оказалось. Бородач сидел рядом с ним, на расстоянии прыжка от майора – он принял поступившее от Виноградова предложение отдохнуть. Чувствовалось, что привал предстоит основательный: Кондор вытащил себя из вцепившихся в плечи лямок, обмяк, растекся... В то же время глаза его бодрствовали, реагируя на каждое шевеление вокруг.

Не было слышно ничего – ни птиц, ни журчания оставшихся где-то внизу, позади, горных потоков. Только далеко на северо-востоке, за перевалами, раскатисто грохотало – может быть, там сейчас начиналась гроза, а может быть, доблестные вооруженные силы «зачищали» очередное село

на окраине мятежного района. Те самолеты, что видел Владимир Александрович, наверное, уже давным-давно отбомбились и теперь отдыхали на цивилизованном, с душем и телефонной связью аэродроме.

«Чому я нэ сокил? Чому нэ летаю?» – вспомнил любимую песню однокашника-морехода Виноградов. Алик был киевлянином, покуривал в юные годы «травку» и теперь стал чуть ли не адмиралом украинских ВМС. Впрочем, судя по тому, как он судорожно обменивал в свой последний приезд «холобаксы» на русские рубли, лучше бы ему оставаться мичманом в Кронштадте.

«Господи, – подумал Владимир Александрович, – мысли-то какие дурацкие в голову лезут... Темнеет уже».

После смерти литовца они шли часа четыре. Петляли, сбивая возможных преследователей с толку... это и без комментариев ясно. Идею Кондора Виноградов понял: требовалось показать, что спецназ направился дальше, в глубь территории. А фактически? Наоборот? Если прикинуть, куда солнце светило с утра, то получается... Получается, что бредут они по воле бородача обратно, почти точно по направлению к границе.

Бред какой-то... Смысла нет.

Возбужденный мозг выбросил в кровь сверхнормативную порцию адреналина. Майор открыл глаза – и увидел... на расстоянии вытянутой руки от себя... соблазнительно близкий... обшарпанный... приклад автомата! Оружие чуть

отползло, пока Кондор выуживал что-то из глубины своего «багажа» – неудобно изогнувшись, выкрутив себя в пояснице.

Думать было некогда. Виноградов метнулся к прикладу, успел уцепиться ладонями за теплое дерево, потянуть на себя... Подвел рюкзак – вцепившийся в плечи, он лишил Владимира Александровича тех необходимых долей секунды, на которые оставалось рассчитывать.

Обе руки майора оказались заняты, поэтому он даже не успел среагировать на короткий, почти без замаха удар кованым ботинком в висок. Проваливаясь в малиновый водоворот, Виноградов краешком сознания отметил, что – да, не повезло! Но погибнуть по-мужски, в бою – это все-таки не так стыдно...

* * *

Умереть не пришлось.

Это Владимир Александрович понял сразу же, как только попытался шевельнуть головой, – у покойников таких болей быть просто не может! Не в преисподнюю же его отослали – строго, без суда и следствия...

Кто-то стонал, и Виноградов понял, что стыдные звуки издает сам, собственными треснувшими губами. Оставалось открыть глаза, но... Прямо над головой, загораживая гори-

зонт, нависла рыжая с проседью борода.

Пахнуло немой овчиной, и майор окончательно очнулся.

– Здравсте! – Он сказал это неизвестно почему, но явно не от избытка отваги. Так, просто – чтобы что-то сказать.

Борода отодвинулась, но светлее не стало – видимо, полученное сотрясение повлияло на зрительные нервы: кругом царила сумеречная полутьма, вершины гор почти слились с монотонным полотнищем неба. Виноградов захотел поймать в фокус что-нибудь находящееся поближе, но для этого требовалось шевельнуться. А левая половина лица представляла собой, судя по ощущениям, нечто вроде воронки от пушечного снаряда.

– О-ох... – Приходить в себя не хотелось. Как в поговорке: умерла так умерла! Теперь, наверное, просто так отправиться на тот свет не позволят, литовцу повезло, он ничего понять не успел...

Проинформировали о себе затекшие запястья. Точно, знакомое ощущение – наручники! Утешало, что со зрением, кажется, все в порядке, просто подкралась пасмурная, беззвездная ночь, готовая в любой момент пролиться дождем.

Вспомнился анекдот про то, как в такую погоду ведут на расстрел к далекому пустырю приговоренного. Холод, слякоть... «Тебе хорошо, – говорят конвоиры, – а нам еще обратно тащиться!»

Смешно...

Кондор сидел напротив и без особого интереса следил за процессом возвращения в окружающую реальность пока еще живого существа.

Рядом, почти голова к голове с Виноградовым, лежал очкарик. Он лежал очень тихо, не двигаясь, но все равно Владимир Александрович не сразу сообразил, что иначе доктор лежать и не может. Мертвые вообще народ несуетливый.

А когда шея перерезана от уха до уха – и подавно!

За последние дни Виноградов даже как-то устал удивляться. Он перевел взгляд на Кондора – и тот, непонятно зачем, утвердительно кивнул.

Яс-но... То есть ясно – как это произошло: клиент подошел к отключившемуся спутнику, наклонился – а бородатый его со спины ножичком чирк! Слева направо, одним движением. И отступил, чтоб не пачкаться.

Ноздри уловили запах – запах подсыхающей уже крови. Да! Очевидно, хлестануло здорово... Это потом уже клиент оказался на спине, чтоб сомнений не было. Хотя какие уж тут сомнения?

Яс-но – как! Но пока не понятно – зачем? Не то чтобы Владимир Александрович так уж трепетно настаивал на соблюдении очереди, но по логике событий убитым сейчас положено было быть самому Виноградову.

– Жыт будыш! Еслы правилна... Па-магат будыш?

Майор сел поудобнее, осторожно кивнул: жить – это хорошо, кто же спорит. В чем помочь-то только? С руками ско-

ванными? Ты, сволочь, «браслеты» отстегни – тогда посмотрим... Ишь, разговорился!

Что-то коснулось лица – прохладно и нежно. Потом еще раз.

Дождик? Начинало накрапывать...

«Судя по всему, – подумал Виноградов, – я ему живьем зачем-то нужен. Пока. А клиент – не нужен! Совсем не нужен уже оказался, вот и отдал Богу душу. А кто тогда Магаева убьет? Я, что ли?»

Нет, какие могут быть возражения! Но интересно, как он меня заставит, Кондор этот сраный? На виду у всех – охраны, друзей, родственников? И чтобы я потом не...

Кондор закончил. Осиротевший «кипарис» переключался обратно, к остальному арсеналу, туда же, в рюкзак бородач того, оказались уложены из имущества покойного: продукты, аптечка, бумажник. Остальное вместе с телом он накрыл неразобранном спальником. Для надежности обложил по краям крупными осколками горной породы: от питающихся падалью хищников это вряд ли поможет, но от ветра уберет.

После этого Кондор проделал то, что на языке диверсантов, партизан и тех, кто за ними охотится, названо «сюрприз» или «привет с того света». Опять на брезент перед бородачом легли бруски, издали напоминавшие хозяйственное мыло, какая-то замазка, блестящие гвоздики детонаторов, провода и пружинки.

Все это через некоторое время скрылось под спальником и в щелях между камнями. Владимир Александрович не был силен в динамитных науках, но из краткого милицейского курса сделал вывод: такого количества взрывчатки, которым Кондор «зарядил» труп, вполне хватит, чтобы в ключья разнести не только бедолагу, который дернет за краешек смерти... Все вокруг даже не успеют сообразить, в чем дело, и пожалеть о собственном опрометчивом любопытстве.

Впрочем, раньше людей здесь мог появиться какой-нибудь безвинный шакал... Интересно, в горах водятся шакалы?

Оставаться на месте не имело смысла... Кондор закинул за спину почти опустевший и, очевидно, полегчавший рюкзак – в нем же теперь находились, помимо плоского футляра, только спальный мешок, продовольствие и «кипарис». Подхватил автомат. Коротким жестом приказал майору: поднимайся!

Умирать по-прежнему не хотелось. Виноградов встал.
– А руки? Я так идти не смогу! – Очевидно, удар еще сказывался, поэтому Владимир Александрович с трудом удерживал равновесие. К тому же сползла до локтя правая ляжка.

Кондор сердито прищурился и достал нож.

Майор попытался закрыться скованными руками.

Это не помогло. Притянув к себе Владимира Александровича, бородач резанул под мышками... Все имущество Виноградова, хранившееся у него за спиной, неторопливо

сползло на землю. Обернувшись на лежащий сзади рюкзак, майор выдохнул и попытался не обмочиться.

Это удалось – удивительно, но измученный организм продолжал соблюдать приличия.

– Иды! – Наручники никто снимать не собирался, но двигаться налегке было проще, чем полагал Виноградов.

При малейшей попытке снизить темп в затылок довольно болезненно упирались холодные губы ствола. С неба активно капало.

– Да не пихайся ты! – оступившись в очередной раз, огрызнулся майор. – Видишь же – иду...

Реакции не последовало. Очевидно, на последнем этапе операции Кондор решил застраховаться от любых неожиданностей. Тем более что репутация Виноградова в его глазах безупречностью не страдала. Дождь шел уже по-серьезному...

Минут через двадцать он понял, что больше не сможет сделать ни шагу... еще через десять минут – втянулся, но начался невообразимый ливень, шарахнула молния и стало плевать на все.

– Так его маму!.. – Больше сказать было нечего, ноги разъехались, и поддерживать равновесие оказалось недостижимо трудно. Виноградов упал и ударился боком.

Опять запахло овчиной – перед самым носом образовалась промокшая борода, цепкая лапища приподняла потерявшего точки опоры и по-отечески нежно встряхнула:

– Эй, иды!

– Куда ийти-то, блин? Ни х... не видно.

– Тут иды!

– Пош-шел ты... – Ясно, что если бы Кондор хотел угробить его, он сделал бы это давным-давно. То есть Виноградов представлял какую-то товарную ценность – и этим следовало воспользоваться.

– Тут иды... – Теперь уже бородатый просто волок за собой и почти на себе скованного майора. – Близко!

Действительно – оказалось недалеко: вниз по скользкой каменной мелочи, еще метров сто – и терраса. Кондор спихнул с себя Владимира Александровича и в таком же изнеможении рухнул на живот.

То, что творилось с погодой, нельзя уже было назвать дождем. Просто объем между небесным сводом и горами заполнился сплошной, непрерывно шумящей и падающей водной прослойкой. Казалось, потоки идут не только сверху вниз – нет, они спешили навстречу друг другу, сходились, усиливались...

Для человека в этом хаосе просто не находилось места.

Хотелось дышать жабрами.

Шум, напоминавший скорее рокот прибоя, могли перекрыть только редкие раскаты грома.

Виноградов промок до такого состояния, когда собственное положение – боком, наполовину в образовавшейся луже, с лицом, по которому хлещет холодный поток – воспринима-

ется индифферентно. Однако так можно было и воспаление легких заработать!.. Владимир Александрович подогнул под себя колени, приподнялся и переместил верхнюю половину туловища под прикрытие нависающего над террасой гранитного выступа. Здесь было не то чтобы посуше, но все-таки... Разница ощущалась.

К изумлению Владимира Александровича, вслед за ним под естественный навес втиснулся и бородач. Сейчас он не казался ни могучим, ни опасным – так, просто вымокший до нитки, до последней клеточки кавказский мужик с оружием.

– Руки освободи? – попросил Виноградов. И попытался сыграть на самолюбии: – Чего, боишься, что ли?

Кондор всхрапнул от возмущения, но отрицательно помотал головой – увеличивать степень свободы напарника в его планы, видимо, не входило!

Опять громынуло. Так же, наверное, раскатисто лопнет воздух от взрыва заложенных бородачом «сюрпризов» на трупке очкарика...

– Слушай, ты хоть понимаешь, что тоже покойник? Я, потом ты?.. Мы уже списаны, понял?

Кондор успел закрыть глаза и теперь недовольно дернул щекой. Его раздражали не сами вопросы, а то, что Виноградов мешает ему приходить в себя:

– Тых-ха...

– Ну и хрен с тобой! – По совсем непонятной причине майор вдруг решил, что выпутается из передраги.

Это развеселило – и следующие полчаса Виноградов пребывал в состоянии неестественного возбуждения. Даже пытался перетереть о камень металлическую цепочку наручников.

А потом, как обрубленный, кончился дождь...

Стало холодно, ветер вытягивал из-под налипшей на кожу материи жалкие крохи оставшегося человеческого тепла, заставляя вибрировать каждую клеточку.

Дрожали оба – и русский майор, и его бородатый надсмотрщик. Стук собственных зубов то и дело перекрывал дребезжание челюстей соседа.

– Костер запалишь?

Кондор отрицательно помотал головой.

– Ты чего? Дурак, нет?

Кажется, бородач даже не обиделся.

– Аккуратно, в ложбиночке... Кто увидит-то?

Соблазн был велик, но сосед только поежился и ничего не ответил. Повозившись и гулко брякнув железом о железо, он достал из рюкзака местами почти сухой спальник и, не влезая, накинул его поверх, на плечи. Получилось нечто вроде одеяла.

– Сволочь ты! – Подобное поведение не просто вывело Виноградова из себя. Сейчас он готов был совершенно запросто расстаться с жизнью – холод казался страшнее. – Сволочь, понял? Вот я как!..

Кондор, не дослушав и не изменив выражения усталого от

злости лица, отогнул край спального мешка и швырнул его в ноги Владимиру Александровичу.

– Спасибо... – не нашелся как отреагировать тот. Придвинувшись, он ухитрился перетянуть выделенную часть «одежда» повыше и спрятать значительную часть туловища.

Ночь они провели все теснее соприкасаясь спинами, почти без сна, не обменявшись ни единым словом.

А утром их обнаружили.

Бородач погиб сразу – он даже не успел выпутать из набухших водой складок спальника автомат. Длинная, кучная из-за малого расстояния очередь прошла насквозь, выбив звонкое эхо из дававшей им временное укрытие скалы.

Виноградова спасли овчарки – мохнатые, молчаливо-безжалостные, они возникли из ниоткуда вслед за первой очередью и, не чуя опасности в мертвом Кондоре, принялись за майора. Первая, помоложе, рвала мясо с бедра и голени, а огромный кобель-кавказец старался достать до лица, до горла...

При такой кутерьме стрелять не имело смысла. Потом, когда собак оттащили, недвижимый, весь в крови человек со скованными впереди руками опасности представлять не мог.

Тем более что подошедший чуть позже обладатель прокурорного баритона сказал:

– Да это он... кажется. Э-эх! Укатали сивку.

– Живой хоть?

– Вроде... Тур-рист!

Но Владимир Александрович на происходящее не реагировал.

Эпилог

...всякая жизнь – это огромная цепь причин и следствий, а природу ее мы можем познать по одному звену. Искусство делать выводы и анализировать, как и все другие искусства, постигается долгим и прилежным трудом, но жизнь слишком коротка, и поэтому ни один смертный не может достичь совершенства в этой области.

Сэр Артур Конан Дойл

– Значит, я оказался прав?

– Слушайте... Слушайте, Виноградов, а вам не достаточно, что вы просто остались живы?

Аргумент был настолько серьезный, что пришлось перейти в оборону:

– Нет, что вы – спасибо! Просто хотелось бы...

Уши у собеседника со времени последней встречи ничуть не уменьшились. Красноватые, оттопыренные, они не могли не привлечь внимания: казалось, наступи сейчас беспроглядная ночь, и эти раскинувшиеся вширь элементы человеческой конструкции станут освещать – помещение в аварийном режиме.

Терпение у него тоже казалось фантастическое. При желании ушастый мог бы работать помощником воспитателя в

детском саду или пресс-секретарем министра обороны.

– Вы же собирались совсем забыть? Чем, говорили, скорее, тем лучше?

– Пытаюсь... Определенности хочется.

– Да, конечно. – В голосе виноградовского собеседника зазвучало понимание, постепенно перерастающее в некий намек на сочувствие.

– Видите ли... Это все равно как если друг дал тебе детектив интересный прочесть. А потом забрал – вырвал прямо из рук, когда всего-то пара-тройка страниц осталась!

– Ну а если ему самому, этому другу вашему, книжку на время одолжили? И отдавать нужно именно сейчас? А то – накажут! В смысле – лишат права пользоваться... библиотекой?

– Так нечего было вообще дразнить! Ясно?

– А зачем вы кричите, Владимир Александрович? Хотите еще выпить?

– Нет, хватит. – Как-то получилось, что бокал Виноградова уже стоял пустой, а ушастый только пригубил: – Извините! Нервы... Слышали ведь: самые мужественные люди – это те, кто ни черта не знает.

– Вы мне это уже говорили.

– С тех пор человечество не изменилось.

Собеседник в одно касание пригубил горьковато-медовую жидкость и констатировал:

– Дерьмо коньяк.

– Не спорю... И все-таки?

– Настырный вы человек, Виноградов. Ну допустим, отвечу я на ваши вопросы. И что вы делать станете с этим знанием? Кто любопытен – долго не живет...

– А мне уже и неинтересно жить долго. Могу себе позволить такую роскошь!

– Вы человек верующий?

– И бесы веруют... – Раздражало, что инициативой опять завладел собеседник. – Это не имеет отношения к нашему разговору.

– Что вам не ясно?

– Ликвидация нашей группы – она планировалась с самого начала?

– Разумеется. Никто и не собирался подпускать этого одержимого к Магаеву! – Ушастый разъярял очевидные для него вещи. – Полковник не дурак, он же прекрасно понимал, что если после покушения клиент останется жив, язычок-то ему развяжут в конце концов. Выйдут на фирму, а там и до самого доберутся... Требовалось и дело сделать, и завещание в действие привести. Вы бы поручили подобное непрофессионалу?

– Нет. Как я понял, в завещании...

– Деньги перечислялись только в случае документально зафиксированной и установленной смерти заказанного объекта. Подразумевалось – что от руки клиента. А это как раз Полковника не устраивало. По его схеме объект и клиента

ликвидировал Кондор, – а вы с литовцем использовали даже не в качестве статистов, а так, нечто вроде передвижных самоходных декораций.

– Вот даже как? Это точно?

– Мы теперь вообще ничего не знаем точно! – в который раз повторил собеседник. – Мы теперь можем только предполагать. К сожалению, все участники «сафари» мертвы, спросить не у кого... кроме вас, конечно.

– Вы, помнится, обещали, что Полковник...

– Увы! Когда наши люди зашли к нему в гости, в Цюрихе, он повел себя очень грубо. Решил покинуть их, не попрощавшись. Через окно... Но – двенадцатый этаж, сами понимаете! Не слишком удачно.

Владимир Александрович представил себе летящую на асфальт фигуру – и особой радости не испытал:

– Не слишком чистая работа, верно?

– Да, пришлось кое-кого наказать. С другой стороны... Его все равно достал бы Магаев. На Кавказе не принято прощать подобные штучки. К тому же на определенном этапе наш общий знакомый стал просто-напросто опасен.

– Хорошо... – По ряду признаков Виноградов догадывался, что либо сегодня они поставят все точки над многострадальной буквой латинского алфавита, либо вскоре сам Владимир Александрович отправится вслед за Полковником. – Хорошо! Сделайте одолжение, давайте еще чуть-чуть поиг-

раем в мистера Холмса и доктора-простофилю. Как это все должно было, по-вашему, произойти?

– Элементарно, Ватсон! – с узнаваемой интонацией поддержал предложение ушастый. – Вы должны были выйти на огневой рубеж – к селу, где базируется штаб оппозиции. Там Кондор, скорее всего, не без вашей с литовцем помощи уничтожил бы проводников. А сам, используя такую же, как вы видели у Батенина, снайперскую винтовку, ликвидировал Магаева. Задача сложная, но для профессионала вполне осуществимая.

Собеседник в очередной раз ощупал языком содержимое своего бокала:

– Я вас не утомил?

– Нет, что вы!

– Тогда продолжим... У Кондора оставался немалый запас времени – пока охрана сообразит, что к чему, пока вычислят, откуда стреляли, пока вышлют людей... А он пока убил бы клиента.

– А мы бы любовались?

– А вы и так – что, не любовались, как он вас одного за другим на тот свет отправлял? Эх, молодой челове-ек! Есть такая наука – психология. Она говорит, что каждый до последней минуты надеется, что уж лично его-то... да никогда! Других запросто, а его минует. Вы, надеюсь, не обижаетесь?

– Не обижаюсь! – покривил душой Виноградов.

– Ладно... – Видимо, роль воспитателя собеседника за-

бавляла. – Так вот, положил бы он покойному в руки винтовочку, а затем и с остальными, с вами то есть, покончил. Достаточно достоверная получилась бы, видимо, картинка: предательский выстрел, случайно обнаружившие засаду джигиты, короткий, но беспощадный бой... Трупы героев и целая куча, аж трое, убитых врагов.

– А потом кто-нибудь из оппозиции поднял шум в прессе? По поводу группы убийц-спецназовцев, вероломно срывающих переговорный процесс?

– Да, примерно в этом роде! Наши стали бы опровергать все, но кто же им поверит?

– Никто, – согласился Виноградов. – Даже наоборот.

До Кизляра крайней постоянно оказывалась пресс-служба МВД, но теперь и высунувшаяся сдуру госбезопасность продемонстрировала всему миру, что даже соврать толком не умеет.

– Очень неплохо придумано, стоит отдать должное.

– Ну и не мешали бы Полковнику! В конце концов, кого интересует судьба использованного на полную катушку майора милиции? И еще парочки любителей острых ощущений?

– Напрасно, молодой человек. Мы рассчитывали на другой вариант развития событий. – Ушастый наморщил лоб, демонстрируя неза заслуженную обиду: – Это вообще не в традициях порядочных людей – бросать тех, кто честно делает дело... Вы нас о чем успели предупредить?

– Тогда утром? С Кипра? Ну – насчет фирмы этой «ли-

повой», туристического агентства. Насчет «вдовы» подставной... Потом про патрон, который у меня от Батенина остался.

– Вот! И с этими данными...

– Не на-адо! Вы же Полковника давно выпасывали, нет?!

И знали о нем куда больше, чем я. Просто понадобился такой придурок, как Виноградов, чтобы сунуть его вместо палки башкой в муравейник. И поворочать там, чтоб забегали. Так ведь?

– Тем не менее мы успели выйти на Магаева, предупредить его и подготовить встречу!

– Лихо же вы ее подготовили... – Владимир Александрович вспомнил кошмарную рожу Кондора и собачьи клыки у себя на горле.

– Но все же закончилось благополучно?

– Сомневаюсь, что это ваша заслуга!

– Напрасно... С Магаевым была договоренность – три жизни за его голову. Он якобы поверил в версию насчет корреспондентов, выслал людей – проводников, чтобы ни волоска по пути не упало. А уж там бы вас встретили, будьте уверены!

– Три... А почему – три жизни?

– Кондор нас не интересовал. Он местный, его все равно бы казнили. Датчанина с литовцем вернули бы Красному Кресту или миссии Европейского Совета... Предварительно, конечно, засняли бы их показания, все с документами: и все!

Полковнику с его фирмой конец. Убойной силы получилась бы сенсация.

– А я? – Видимо, и о нем позаботился ушастый.

– Вас бы по-тихому отдали мне. Это было одно из условий. И кто что про вас знает? Некто «левый», неустановленный русский с фальшивым латиноамериканским паспортом. А если бы кто-то подумал, что Пронин на фото напоминает какого-то Виноградова – ну что же такого? Мало ли похожих? Настоящий-то господин Виноградов отпуск провел в круизе – и благополучно вернулся домой, к жене и детям...

Хотелось верить. Хотелось рыдать и плакать от умиления.

Но вместо этого, чувствуя себя неисправимым занудой, Владимир Александрович полюбопытствовал:

– Прямо как в сказке... Почему же не получилось-то?

Теперь опустел бокал и у собеседника:

– Добавьте-ка... Спасибо. Почему? А кто его знает. Ясно только, что из-за Кондора. То ли он нюхом какой-то подвох почувствовал, то ли проводники «прокололись»... И он просто сменил последовательность.

– Последовательность чего?

– Ликвидации! Посчитал, видимо, что от перестановки мест слагаемых...

– Скорее уж – вычитаемых!

– Вот именно. – Собеседник продолжал получать удовольствие от игры со словом, и Виноградов это пытался использовать. – Вот именно... Скажите спасибо – я настоял

контрольную группу навстречу выслать. Потому что прошел слушок, что погранцы про вас пронюхали, могут не здоровую активность проявить.

Владимир Александрович почему-то вспомнил Ису – может, именно он и был тем агентом, который сообщил своему русскому хозяину о готовящемся переходе границы? Сеть информаторов создавалась разведкой погранвойск десятилетиями, в некоторых семьях это стало потомственным бизнесом – наряду с контрабандой.

Господи, благослови агентуру!

Ушастый излагал:

– Из-за этого мы раньше времени проводников обнаружили. Двинулись по вашему следу... Насчет паренька со шприцем не обманулись, а вот дальше бы так и ушли на северо-восток, если бы не собачки. И если бы я не знал, за кем понастоящему охотятся.

Виноградов прищурился:

– Но там же мины кругом? Не напоролись?

– Насчет «сюрприза», конечно, нет! А вот то, что Кондор вокруг первого трупа, того литовца, понатыкал... Я же сказал – спасибо собакам. Двух потеряли.

Владимир Александрович вспомнил раскат, принятый им за отголосок далекой грозы. А вот Кондор не обманулся – оттого и занервничал, заторопился тогда...

– Потом мы, конечно, осторожнее двинулись. Из-за того и время потеряли! Ливень прошел... Ни следов, ничего...

Пришлось на голой логике вычислять: что эта сволочь бородатая предпримет, как попытается Магаева кончить?

– Вычислили?

– Потому вы и живой, Владимир Александрович! – В голове собеседника слышалась вполне законная профессиональная гордость. – Тем более тот патрон... Наши эксперты определили оружие, которым пользовался Батенин. Осталось предположить, что и Кондор воспользуется такой же схемой.

– Я действительно... Спасибо! – Виноградов без напряжения сделал на глазах слезы благодарности. Проверено – те, кто нам сделал что-то хорошее, потом любят облагодетельствованных ими с особой силой. Что там ушастый говорил про психологию? Мы тоже не лапти, книжки почитываем...

– Ладно, бросьте. – Но чувствовалось, что собеседнику приятно.

– Но это просто чудо! Как же вы на Магаева вышли? На то, что именно его убить собираются?

Если на этом месте стоял «ограничитель», то ушастый его проскочил, не заметив:

– Собственно, вам спасибо. Вы же успели данные «вдовы» сообщить – мы ее в Питере по возвращении и встретили. Взяли аккуратненько в оборот... Убедили помочь!

– А она что была – в курсе? – Когда Виктория покидала лагерь Полковника, майор еще валялся без сознания. – Я думал – просто разовая девочка.

– Мужчины... Мы, мужчины, иногда излишне откровенны с теми, кто нам постель греет! – Ушастый улыбнулся, как человек, которого половые вопросы еще интересуют, но уже не волнуют. – Она жила с Полковником, его ребенка воспитывала.

– И сдала с потрохами?

– Пришлось объяснить, что когда у ребенка есть мама – это еще ничего... Полным сиротам в жизни куда сложнее!

Все, что на это мог сказать Виноградов, относилось к области морали, – а такими категориями в бизнесе собеседника никто не оперировал. Ушастый вынужден был оставаться сугубым прагматиком:

– Впрочем, хуже всего оказалось «зачищать бахрому»... Эва, хозяйка пансиона, ну никак не могла понять, почему русские у нее селятся, платят вперед, – а потом неизвестно куда исчезают! Нужно было, чтобы она не просто без шума обошлась, – а чтоб еще все вещи отдала.

– Да, классно – даже сувениров мне накупили: жене, детям!

– Все понравилось?

– А как же! У вас отменный вкус... – Честно говоря, сам Виноградов ни в жизни не стал бы покупать гипсовую Афродиту или же заводного попрыгунчика в виде детородного органа. С открытками и фотографиями достопримечательностей ребята тоже перестарались, но из лучших побуждений – в конце концов, дома были так рады, что глава семьи

вернулся... Вообще, он же прекрасно понимал, что легендирование и локализация непредвиденных отклонений от хода операции – задача из самых сложных, тем более в такие сроки и за границей. Куда проще оказалось обставить несчастный случай по пути из Шереметьева до вокзала в Москве. Сразу получили объяснение и травмы, и задержка, и потерянный в суматохе загранпаспорт...

Именно тогда Владимир Александрович окончательно уверовал в мощь организации и положение в ней ушастого.

– Вы о чем-то задумались?

– Нет, – встрепенулся Виноградов. – Простите.

– Вы уже приступили к службе?

– Нет, еще только со второго числа. У меня же отпуск продлен из-за больничного.

– Это – хорошо! Социальная защищенность – это большой плюс для государственных служащих.

– Издеваетесь? Второй месяц мужикам зарплату задерживают!

– У нас тоже... Обещали погасить задолженность.

– А где вы служите?

Проскочить «на дурачка» не получилось. Собеседник поморщился, как от чужой бестактности, но ответил:

– Какая разница, кто какие погоны носит? Где работает? Главное – где зарабатывает! Вы же получили компенсацию за... доставленные неприятности? Это, если не ошибаюсь, больше, чем оклад плюс звание за год?

– Знаете, государева служба приучает к стабильности, ведь верно?

– Пожалуй! – кивнул ушастый. Судя по всему, у него-то льготная пенсия уже была в кармане. И он не совсем понимал, к чему клонит Виноградов.

– Я хотел бы стабильности и в наших отношениях.

– То есть вы предлагаете свои услуги?

– Да! – Это вышло несколько более темпераментно, чем хотелось бы претенденту.

– Даже не зная толком, с кем собираетесь иметь дело?

– Ну вы свернули башку Полковнику и его конторе... Я пытался сообразить – зачем? Кажется, понял.

– Я вас с интересом слушаю...

– Видимо, вы – конкуренты?

– Допустим... В порядке бреда! Дальше?

– Вся разница в мотивации. Полковник опирался на криминал, ему все равно было – кого, где... лишь, бы платили.

– К тому же он создавал излишнюю суету на рынке... специфических услуг. Он был дилетантом! Талантливым, но – дилетантом. – Ушастый плавно и неожиданно легко для собеседника переключился в режим монолога. – Мы опираемся на профессионалов. На людей с принципами, патриотов... Лично меня вы устраиваете – по ряду причин. С самого начала, с той встречи у Наумыча: иначе, поверьте, инцидент в Москве, на обратном пути, запросто можно было обставить как несчастный случай со смертельным исходом. И мы не

повторили бы чужих ошибок с Батей! Рад, что не ошибся... Всегда стараюсь подбирать себе людей сытых, но битых – и от шальных денег голову не потеряют, и от страху не обде- лаются.

– Я недавно прочитал в интервью... Один «авторитет» говорил: счастье не в том, чтобы трахнуть кого-нибудь или упиться до потери пульса. А в том, чтобы на следующее утро проснуться живым и на свободе.

Вероятно, Виноградов сказал то, что требовалось. Потому что собеседник кивнул и продолжил:

– Мы подобрали хозяйство Полковника... Оно сейчас в некотором смятении, но потенциал имеется. Хотите взять под себя?

– Но я же... Что – увольняться? Второй раз милиция рас- ставания со мной не переживет!

– Зачем? – удивился новоприобретенный Владимиром Александровичем босс. – Великолепное прикрытие... Мы же все почти носим погоны. И служим Отечеству – так ли, этак ли... Наоборот, создадим условия, подстрахуем!

– Прямо масонство какое-то, – засомневался Виноградов.

– Вы, чувствуется, слабоваты в теории! Ничего, будет вре- мя пообщаться. – Это звучало обнадеживающе. – Итак?

– Что надо делать?

– Для начала... Магаева еще не забыли?

– Помню. – Как же, забудешь тут: когда майора вывозили от оппозиции, в глазах бритого садиста светилась досада ко-

та, у которого из-под носа уносят недодушенную до смерти мышку.

– На него появился заказчик... Вот и начните – регион знаком, опыт имеется.

– Но ведь вы же сами его?..

– Тогда – спасли, а сейчас время подошло. Беретесь?

– Почему – нет? – Для почина это было вовсе не плохо. Начальник штаба оппозиции, враг Отечества – с моральной точки зрения никаких проблем...

* * *

Контакт был неплановый – экстренный и скоротечный.

Выбирая – на глаз и на ощупь – из множества пакетов тот, в котором картошка попримичнее, Виноградов нечаянно задел пенсионера:

– Ой, простите, ради Бога!

– Осторожнее надо...

Оба снова склонились над проволочной тележкой. Народа в окраинном универсаме почти не было – домохозяйки досматривали «Санта-Барбару».

– Как прошло?

– Все в порядке. Меня приняли. Передают хозяйство Полковника.

– Ого! Сразу? Осторожнее только.

– Попробую... Способы связи?

– Остаются. Но сам без нужды не вылезай, внедряйся. Желаю удачи.

– Спасибо...

От стеллажа с приправами приковыляла дамочка в шляпе, и, не меняя интонации, Виноградов продолжил:

– ...мелочь одна! Выбирать не из чего.

– Разбаловались, молодой человек! Спасибо, хоть такая имеется, а то работать-то никто не хо...

Не дослушав стариковского ворчания, Владимир Александрович направился в винный отдел...